

European Journal of Humanities and Social Sciences

Nº 2 2017

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2017**

European Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

№ 2 2017

ISSN 2414-2344

Editor-in-chief

International editorial board

Maier Erika, Germany, Doctor of Philology

Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography

Adieva Aynura Abduzhalalovna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics

Arabaev Cholponkul Isaevich, Kyrgyzstan, Doctor of Law

Balasanian Marianna, Georgia, Doctor of Philology

Barlybaeva Saule Hatiyatovna, Kazakhstan, Doctor of History

Busch Petra, Austria, Doctor of Economics

Cherniavska Olena, Ukraine, Doctor of Economics

Garagonich Vasily Vasilyevich, Ukraine, Doctor of History

Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law

Karabalaeva Gulmira, Kyrgyzstan, Doctor of Education

Kiseleva Anna Alexandrovna, Russia, Ph.D. of Political Sciences

Khoutyz Zaur, Russia, Doctor of Economics

Khoutyz Irina, Russia, Doctor of Philology

Kocherbaeva Aynura Anatolevna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics

Konstantinova Slavka, Bulgaria, Doctor of History

Lewicka Jolanta, Poland, Doctor of Psychology

Massaro Alessandro, Italy, Doctor of Philosophy

Meymanov Bakyt Kattoevich, Kyrgyzstan, Doctor of Economics

Serebryakova Yulia Vadimovna, Russia, Ph.D. of Cultural Science

Shugurov Mark, Russia, Doctor of Philosophical Sciences

Suleymanova Rima, Russia, Doctor of History

Fazekas Alajos, Hungary, Doctor of Law

Kristin Theissen

Andreas Vogel

Stephan Friedman

European Science Review

“East West” Association for Advanced Studies
and Higher Education GmbH, Am Gestade 1

1010 Vienna, Austria

info@ew-a.org

www.ew-a.org

Proofreading

Cover design

Additional design

Editorial office

Email:

Homepage:

European Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

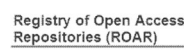
Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the “East West” Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

East West Association GmbH is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Archaeology

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-3-6>

*Jafarova Elmira,
Azerbaijan National Academy of Sciences
Institute of Archeology and Ethnography
Baku, Azerbaijan
E-mail: shirvan-baki@mail.ru*

Typology of medieval monuments of shirvan (the IX–XIII th centuries)

Abstract: Medieval archaeological monuments of Shirvan are divided by a typology on: settlements, burials, architecturally — archaeological monuments, epigraphic monuments and monuments of underwater archeology.

Settlements represent the most numerous group of archaeological monuments. The medieval cities, settlements and all complex of the constructions which are on their territory (public constructions, houses).

The settlement is the most widespread type of medieval monuments of Shirvan. There are rural settlements as mountains, foothills, plain, coastal located on the hills and forest array.

The architectural and archeological monuments are the largest group it is the citadels, religious complexes, urban strengthening, palace constructions, public constructions.

Fortification monuments — citadels, fortresses, defensive and castle works (the Maiden Tower, fortresses. Towers are divided by features of an archeologisation on disappeared, destroyed and remained.

Religious monuments — are the mosque and minarets, khanagahs. Religious sites often combine elements of epigraphy.

The monuments of underwater archaeology are located in the coastal zone include the remains of settlements, at the moment are mainly known the objects of underwater archeology — Bandovan I, Bandovan II.

Keywords: Typology, Shirvan, settlements, religious monuments, medieval city.

Medieval archaeological monuments of Shirvan are divided by a typology on: settlements, burials, architecturally — archaeological monuments, epigraphic monuments and monuments of underwater archeology.

Settlements represent the most numerous group of archaeological monuments. The medieval cities, settlements and all complex of the constructions which are on their territory (public constructions, houses). Medieval city of Shirvan — Baku, Shamakha, Shabran, Gabala, Derbent reflect genesis, characteristics of the medieval cities, economic and social structure.

Research center of the medieval Baku — Icheri Sheher (IX–XVII centuries) discovered wall rectangular houses with courtyards, there were apertures in the walls for windows, tandoors, hearths, an economic construction, coins and numerous artifacts [4, 370].

Medieval city of Shamakha (VIII–XVII centuries) has been investigated on the small areas of 15–300 sq. m. because of dense urban development. Streets, the bases of houses of public and cult buildings, holes, wells, a water supply system, potter's furnaces, the sewerage and numerous archaeological artifacts have been opened and explored [13, 31; 4, 371].

The medieval city of Shabran (VII–XVIII centuries.) on the territory of which there were discovered the remains of a defensive structure, public building, water supply, sewerage system, tandoors, cobblestone streets, brick-lined wells, and numerous artifacts of ceramic, metal and glass [8, 35; 4, 371].

The medieval settlement of Gabala is located on two hills Selbir (IX–X centuries.) and Gala (VIII–XIII cc.). There were residential and farm buildings, water, pavement floors, hearths, tandoor, wells, coins and complex archaeological artifacts identified in Selbire. And there was a wall of the great river of rubble and burnt bricks and tuff blocks, a large building, the remains of dwellings, tandoor, hearths, pits, pottery kiln and archeological artifacts investigated in Gale. It was applied a stone and the burned brick on limy solution at construction of city defensive works. Floors of rooms clay or are paved by the burned brick (35 × 35 × 5 cm) [4, 68].

The settlement is the most widespread type of medieval monuments of Shirvan, has been investigated in Shamakhi, Guba, Khachmaz, Shabran, Gabala, Khizi and Absheron peninsula.

There are rural settlements as mountains, foothills, plain, coastal located on the hills and forest array [1, 354].

The rural settlement Galay Xudat (Guba, mountainous) is characteristic existence of various constructions of the IX–XV centuries. The settlement of Serkertepe (Hachmaz, plains) differs in construction type with an economic court yard. Various structures and the hearths have been found on the settlement of Chilegir [8, 57].

The rural settlement of Seyidli (coastal) is dated the VIII–XV centuries, occupied the area more than four hectares, power of an occupation layer reached 1,2 m. The remains of the structures put from a river cobble-stone and the hearths are found on the settlement [8, 56].

The architectural and archeological monuments are the largest group it is the citadels, religious complexes, urban strengthening, palace constructions, public constructions [11, 78].

Fortification monuments — citadels, fortresses (Gulistan, Bughurd), defensive and castle works (the Maiden Tower, fortresses — Mardakan, Ramana, Nardaran, Gala). Towers are divided by features of an archeologisation on disappeared, destroyed and remained.

The Maiden Tower (Baku) — the height of the tower – 28 diameter – 16.5 the thickness of the walls – 5.1 m — the bottom (on the right floor) and 4.15 m — at the top. The outside to the height of 12 m, the surface of the walls of the buttress and the tower is smooth [16, 10].

Above that it begins a projecting stone corbels and alternating with them grooves, rings surrounding a cylindrical tower and buttresses on all sides in the form of a hoop.

The top part of the monument to the headliner, surrounds the entire 31 such corbels and the appropriate number of grooves, giving him special architectural beauty in the sense of the game shadows. Found during archaeological excavations of ceramic artifacts belong to the XI–XII centuries [16].

The fortress in the Baku bay -construction “Bayil stones” is called caravanserai. The construction is in the form of the wrong extended polygon, about 200 meters long, with a width about 34 meters. All joints of the parties are connected by towers of various size, walls and towers are destroyed almost half. Some towers have kept the remains of doorways and channels for a bar. A part of intermediate semi-towers served as buttresses for walls to the site where the tower adjoined. The found stones with inscriptions inside the building belongs to the XIII century [5, 12; 2, 86].

Towers in Mardakan — the round tower (1203–1204) consists of 3 floors; interfloor overlappings — stone, in the form of domes with an opening in the center. The junction between floors is by dint of a stone ladder. The top part of a tower is blocked by a stone dome. On a circle of all top of a tower the machicolations outside decorated with a geometrical ornament are arranged; an eight-pointed star with a four-blade cross. The tower is put from a local stone, an external laying from the stones which are well adjusted to each other with the processed surface [15, 16].

The squared serif tower with semi-towers on corners, has been surrounded with a fortification in Mardakan. The excavations have defined outlines of an external castle wall

with the indication of all towers and main gate. The surface of the yard is a solid rock, wherethe various economic pits are cut down [16, 15].

The first floor of a tower has been blocked by the lancet arch. The thickness of the walls in some places are wooden pads. The window opening of a northern wall of the third floor is partially blocked by round bars [15, 45].

Ramana Castle served as defensive and observation post. The castle consists of a central tower — the donjon — and surrounding ramparts, the central tower of a quadrangular shape, the corners are completed with semi-towers.

The thickness of the walls of the ground floor of 1 m 90 cm, width of the aperture of 1 m 10 cm, height at the entrance 1 m 46 cm, a depth of 2 m 16 cm. The floor on the ground floor -surface of the rock on which the whole structure, on the opposite door side (north) floor had a significant bias. The third and fourth floors were covered with wooden beams. Last floor tile overlaps the lancet arch. The second floor of the castle was a rectangle 6 cm x 5 m 4 m 53 cm in the plan. Increasing the internal pad tower in comparison to the first floor, was due to thinning of the walls of the second floor. Within the walls of the second, third and fourth floors were window-slits serif character: outside the narrow gap of 15–20 cm with a large extension into the 65–70 cm. The overlap window openings flat, the walls of the tower were plastered inside, hearths arranged on the floor [15, 71].

Gulustan fortress (Shamakhi) occupies the entire top part of the mountain slopes, has a length of about 450 m, with a width of the top of the 30–150 m. The entire upper floor was surrounded by mountains thick wall of jagged stone, lime. Inside and outside walls and the towers were covered with stone net teskey. Archaeological Complex Gulustan fortress consists of fortifications, towers, residential buildings, water supply systems. The fortress consisted of strengthening — the citadels, towers, round and square shape. The fortress was supplied with water through an underground water supply. Water supply turned up of potter's knees and was laid directly into the ground. It was managed to open only for a few meters. Residential buildings — rectangular, the walls of the premises (except corridor) are internal and external, double [13, 47].

Religious monuments — are the mosque and minarets (Sundi, Minaret Sinig gala, Juma Mosque, Lezgi Mosque) khanegah (Pirsaat in Goylar village). Early Muslim mosques are significantly different from the later architectural plan, a simple decor and furnishings and preservation, many of them were destroyed and almost did not survive. Religious sites often combine elements of epigraphy [3, 65].

The excavations of the medieval Muslim place of worshipcarried outin Derbent under the names in Arabic — Bab al-Kiyaam, turk. — Kiyamat-kapi, pers. — Dar and Kiyamat (“Resurrection Gates”, “Gates of Judgment Day”). The location of this iconic monument is near the tower N 50 of the northern city defensive wall (from the outside, outside the medieval shakhristan). It was found here during the construction of “blessed the building” during the reign of Emir Isfandiyar.

Here the same were found four Arabic inscriptions XI–XIII centuries: One of them consists of one word, displayed by the kufi-Masjid “Mosque”, second — written by the italic naskh and represents the phrase of the believing person-sufiya.

Khanegah complex on the river Pirsagat consists of a mosque building with adjoining small rooms and the tomb of Pir Hussein, a minaret and small spaces. Minaret khanegah refers to the Shirvan group. The minaret has preserved a number of multi inscriptions and buildings date (1255) The mosque was built of hewn stone, covered with ogive, the floor is covered with stone slabs. Alter (Mehrab) was decorated with artistic carvings with inscriptions “blossoming kufi” and floral ornaments with colored tiles. 11 — meter on-panel frieze decorated with tiles covered with golden chandeliers, painted with cobalt and turquoise-green tones. The complex is surrounded by walls. Outside the walls there is a caravanserai covered with stone arches [3, 23].

The complex also includes: 1) the remains of buildings from the underground room, 2) a crumbling mausoleum, 3) the settlement and 4) a necropolis. Underground space represented a suite of three parts. The walls are preserved to a height of 0.4–1.0 m. The second part of the entrance represented vaulted 2,6h1,65 m size room, stretched on the entrance axis. Preserved to a height of 3 m, and the top three rows of masonry form the beginning of the vault. Over the opening retained a number of walls of masonry, extending to the north and forming a retaining wall. The third part of an entrance — the narrow three-meter course (width of 0,5 m) revetted with a stone 1,7 m high. The underground room with an arch entrance 1,6 m high has the crosswise form, overlappings vaulted, in corners they pass with sails and a flat ceiling [6, 26].

The monument like khanegah in the village of Goylar, 17 km to the South from Shamakhi, is known as Pir-Mar-dakan. There is a mausoleum, built of well-hewn stone, near which found the remains of a number of buildings — the

mosque, a caravanserai, rooms — khujras. The monument by the inscription on the stele, which stands at the head of graves inside the mausoleum — dates back to the beginning of the end of the XII XIII centuries. Epigraphic monument — inscriptions on the tombstones, mausoleums and on various constructions. Epigraphic monuments of Shirvan presented tombstones village Hazra and Icheri Sheher. Mausoleums and tombstones of medieval Shirvan with Arabic inscriptions, dedications and epitaphs are of great historical value. Mausoleums have certain traits — the vertical division, arbis of external pyramidal or conical dome tent, elongated proportions portals input openings, niches. Covering of the mausoleums were double (inside the dome) [14, 56].

The monuments of underwater archaeology are located in the coastal zone include the remains of settlements, at the moment are mainly known the objects of underwater archeology — Bandovan I, Bandovan II. Bandovan I localizes the medieval town Gushtasfi (Gushtaspi) — XI–XIII centuries [10, 23]. The remains of houses rectangular fragments, household pits, construction, millstones, a quarter of potters, ceramic production samples, tools, glass ornaments, coins are recorded on the monument. As a result of archeological excavations and underwater work glazed vessels with unique pictorial stamps on the bottoms have been identified on the site Byandovan located between the mouth of the Kura River and Cape Byandovan I, on the coast of the Caspian Sea. Pictorial stigma of Bandovan I, displays birds, animals and even humans.

Bandovan II locates the medieval city Mughan – IX - XII centuries. As a result of archeological excavations and underwater works on the site Bandovan II, potter’s furnaces, spherical cons, ceramic samples, glass ornaments are revealed.

Further comprehensive study of medieval monuments of Shirvan allow replenish typology and summarize data on the known archaeological monuments.

References:

1. Aliyev M., Mansurov M., new archaeological finds in Mardakan//Reports of the Academy of Sciences of Azerbaijan, – Baku, –1961, – No. 8, – Volume XVII, – P. 753–757.
2. Archaeology of Azerbaijan (Middle Ages), – Baku: East-West, – 2008, – Volume VI.
3. Amenzade R. Religious buildings Icheri – Sheher//Baku – Islamic Culture Capital. Abstracts of the International conference, – Baku, – 2009, – P. 82–83.
4. Archeology. Crimea, the North-Eastern Black Sea region and the Caucasus to the Middle Ages IV–XIII century, – Moscow, – 2003.
5. Bretanitsky L. S. Architecture of Azerbaijan XII–XV centuries. – Moscow, – 1966.
6. Garnik V. Y. Medieval monuments near Khanega on p. Pirsagat//Reports of the Academy of Sciences of Azerbaijan SSR, – Baku, – 1961, – No. 6, – Volume XVI, – P. 541–546.
7. Goshgarli Q. Speaker V., Babayev T. Archaeological research in Khizi (Khizi region)//archaeological investigations in – 2009, – Baku, – 2010, – P. 161–169.
8. Dostiyev T. Medieval archaeological sites of the North-East Azerbaijan (IX–XIII centuries the middle.), Baku: Publishing house of Baku State University, – Baku, – 1999.
9. Ismizade O.Sh. Ibragimov FA On the results of archaeological work in the territory of Icheri Sheher in – 1969.//The material culture of Azerbaijan, including the IX, – Baku, – 1980.
10. Kvachidze V. A. Underwater archaeological research of the Museum of History of Azerbaijan (To the 30 th anniversary commencement of works)//History Museum of – Azerbaijan 80, – Baku, – 2001, – P. 50–57.

11. Khalilov J., Koshkarly K. O., Arazova R. B. Archaeological sites of the North-East – Azerbaijan, – Baku: Elm, – 1991.
12. Mamed-zade K. M., Nureyev A. B., Gasimov E. M. Excavations in Geoklyare//Archaeological discoveries – 1973, – Moscow: Science, –1974, – P. 453.
13. Jiddi H. The medieval city of Shamakhi IX – XVII century, Publisher Elm, – Baku, – 1981.
14. Mamed-zade K. M., Nureyev A. B., Gasimov E. M. Excavations in Geoklyare//Archaeological discoveries – 1973, – Moscow: Science, –1974, – P. 453.
15. Nuriyev A. B. New findings in the villages Kushchi, cola, and Poladly, Geylyar Shamakhi region//AEIA (1976), – Baku: Elm, – 1979, – P. 33–37.
16. Useynov M., Bretanitskiy A., Salamzade A. History of Azerbaijan Architecture, – Moscow, –1963.
17. Shcheblykin I. P. Monuments of Azerbaijan architecture Nizami, – Baku. – 1943.

Section 2. Study of art

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-7-10>

*Volodeva Natalya Aleksandrovna,
Kazakh National Academy of Arts named after T. Zhurgenov,
PhD, associate professor
E-mail: nataliavolodeva@yandex.ru*

Fashion design in modern Kazakhstan: synthesis of traditions and modernity

Abstract: In this article we determine ethnic futurism as the main style of modern fashion design in Kazakhstan. We discuss particularities of this style and specifics of using the rich traditions of Kazakh national costume as a creative source in fashion design.

Keywords: fashion design, costume, Kazakhstan, Middle Asia, ethnic traditions.

*Володева Наталья Александровна,
Казахская Национальная академия искусств им. Т. Жургенова,
кандидат искусствоведения, доцент
E-mail: nataliavolodeva@yandex.ru*

Дизайн одежды в современном Казахстане: синтез традиций и современности

Аннотация: В данной статье этнофутуризм рассматривается как ведущее направление современного казахстанского дизайна одежды. Устанавливаются характерные черты данного стиля и определяются особенности использования богатых традиций казахского национального костюма как творческого источника в дизайне одежды.

Ключевые слова: дизайн одежды, костюм, Казахстан, Средняя Азия, этнические традиции.

Идеологический кризис техногенной культуры актуализировал обращение к истокам в поисках мировоззренческих установок и духовных ценностей. В условиях всеобщей глобализации костюм как неотъемлемая часть массовой культуры формирует определенный образ, модель поведения, прививает обществу эстетические воззрения. Поликультурность, полиэтнизм, полистилизм заложены в основу моды постмодерна [3]. Многообразие возможностей и потребностей, соответственно, еще более расширяет сферу деятельности дизайнера. Использование особенностей этнического костюма как творческого источника органично укладывается в общее направление развития искусства в целом и художественно-проектной деятельности дизайнеров одежды — в частности.

Следует отметить, что казахстанский дизайн одежды не развивается изолированно. На формирование его парадигм существенное влияние оказали мощные социальные процессы геополитического характера — такие, как глобализация [5]. Взгляд на глобализацию как на процесс, позволяющий сформировать единое мировое сообщество при

сохранении самобытности и уникальности его отдельных составляющих, заставляет современных дизайнеров одежды — а точнее, костюма, поскольку это понятие является более емким, — стремиться к общеуниверсальному сочетанию этнических мотивов с компонентами мировой моды. Традиции духовной и материальной культуры казахского народа являются основополагающим фактором, определяющим вектор творческих изысканий казахстанских дизайнеров одежды. Тенденция интереса к наследию предков, его переосмысления или реминисценции является ключевой для всего казахстанского искусства начала XXI века [1].

Общее направление развития казахстанского дизайна одежды мы считаем нужным охарактеризовать как *этнофутуризм*, который выражается в обоснованном эстетически, идеологически и эргономически синтезе традиционного и современного. Данное направление имеет много векторов развития, определяющихся причинами культурологического, философского, мировоззренческого порядка, материальными и духовными потребностями и запросами общества и, наконец, творческими предпочтениями самих дизайнеров.

В последние годы этнофутуризм эволюционирует в *этно-шик* (и, в частности, в такую его разновидность, как *tribal chic* — «племенной шик»), что подразумевает особую декоративность, порой переходящую в вычурность, роскошь, использование материалов класса люкс, усиление роли декоративной отделки, аксессуаров и украшений (включая укрупнение их масштаба). Это согласуется с тенденциями актуальной общемировой моды с ее склонностью к театральности, эпатажности, экзотичности.

В современной практике дизайна одежды высока роль образно-ассоциативного решения моделей, задействующего эдейтическое мышление и оперирующего архетипами. Художественный образ может быть наделен мощным аксиологическим значением, поскольку выводит на передний план идеологический аспект дизайна [2]. Сохранение мировоззренческих установок, составляющих самую суть традиционного искусства, предопределяет гармоничное слияние всех функций костюма и обеспечивает его художественно-эстетическую значимость [7]. Работа над художественным образом предусматривает широкое и разноплановое использование творческих приемов ассоциативного характера, а художественная культура постмодернизма в попытке противостоять единообразию и однотипности прибегает подчас к радикальным методам, доводя образные составляющие костюма до абсурда [8]. В современном казахстанском дизайне одежды линию образно-ассоциативного решения развивают Аккенже Девятко и Салтанат Баймухамедова, противопоставляя шаблонности мышления весь арсенал новейших методов художественного творчества, включая деконструкцию, инверсию и трансформацию, прибегая к гиперболизации, трансгрессии и самоиронии. Образ то собирается из кусочков — подобно не мозаике, но коллажу, то формируется за счет неявных аллюзий и ассоциаций, даже некоей отстраненности. Оказавшись в чужеродной среде, символы приобретают новые смыслы, вещи обзаводятся новыми функциями. Широко используется сопоставление несопоставимого и попытки сопряжения изначально враждебных друг другу начал. Увеличение форм порой достигает предельных значений. Смысловой аспект различных элементов художественной структуры первоисточника то игнорируется, то подвергается акцентуализации, а усложненность смыслового наполнения приводит к бесконечной трансформации, варьированию существующих форм, выявлению скрытых оттенков смысла или их переосмыслению. Логическое и бессознательное входят в противоречия, но не отвергают друг друга, а сливаются в попытке симбиоза. Можно сказать, что в современном дизайне «классическая гармония и дисгармония модерна сливаются... в дисгармоничную гармонию постмодерна, с его красотой диссонансов, эмпатийностью, вниманием к контекстам» [8, 53].

Модели А. Девятко семантически многослойны, их характеризуют предельная степень эклектизма, живописность, гротескность, насыщенные контрасты форм,

оттенков, фактур и смыслов. А. Девятко мастерски использует метод деконструкции, который представляет собой свободное манипулирование формой и посадкой изделия на фигуре, отказ традиционных конструктивных форм, принудительное разрушение структуры изделия, игру с назначением изделий и способами их ношения.

Семантические особенности структуры традиционного костюма казахов и символика его отдельных элементов, цветовой гаммы не так часто учитываются в процессе создания коллекций одежды, хотя они представляют большой интерес. Так, символика цвета и семантика художественной структуры казахского костюма стали концептуальной основой творческих коллекций Салтанат Баймухамедовой. Обращение к архаическим представлениям о мире и определенным константам, несущим в себе все черты архетипического, в работах автора выражается как во внедрении в общую структуру костюма элементов символического характера, так и в задействовании базовых мифопоэтических констант — таких, как ось мира, Мировое Древо, Мировая Гора [4]. Семантика Древа, лежащая в основе представлений о мироустройстве (с наличием центральной оси и многочисленных ярусов) [11] в данном случае лежит в основе композиционной структуры моделей. В коллекции С. Баймухамедовой наблюдается явно выраженное противопоставление бинарных оппозиций: светлое и темное, низ и верх, земное и небесное. Это может означать попытку организации пространства и вычленения организованной структуры из первозданного хаоса. Модели насыщаются смыслами, значимыми для культуры тюркского этноса. Символы плодородия, развития, спирально скручивающейся жизненной энергии вступают в противоречие с идеалами урбанистической цивилизации, эмоционально тускнеющими на ярком фоне первичных природных сил.

Другим важным направлением казахстанского дизайна одежды является так называемая эко-этно-мода. Все чаще художественное проектирование базируется на использовании утилитарных качеств национального костюма, рациональных особенностей его кроя и технологии, способов формообразования, экологичности традиционных материалов, что напрямую согласуется с современной концепцией эргономичности объектов дизайна и ролью костюма в формировании максимально комфортной и в то же время концептуально обоснованной среды жизнедеятельности. Успешная реализация этой задачи требует наличия определенных идеологических установок, формирующих представление об идеально организованной пространственной среде, а также отвлеченного, абстрактного мышления, проведения аналогий в широком смысле, понимания организации формы. основополагающими методами эко-дизайна одежды являются, в частности, безотходное проектирование (включая проектирование на основе модулей), использование экологически чистых или природных материалов. И здесь традиции и инновации находятся в закономерном симбиозе. Так, многообразные возможности

формообразования такого уникального, экологически чистого материала, как войлок, использует в своих работах дизайнер Ая Бапани. Технику лоскутного модульного шитья *курак* активно применяют в своих работах Балнур Асанова, Каракоз Нурлыбаева — как способ декоративной отделки, как прием формирования текстильного полотна, как средство формообразования костюма.

Значительный потенциал заключается в использовании традиций казахской орнаменталистики с позиций учета декоративной, формообразующей или символической роли орнаментальных элементов и мотивов. Интерпретация традиционного казахского орнамента наиболее ярко представлена в коллекциях Балнур Асановой: автор творчески преобразует традиционный орнамент, стилизуя его базовые формы, разрушая или реорганизовывая его композиционную структуру, модернизируя цветовую гамму, характерную для народной орнаментальной вышивки, еще более усиливая ее декоративность. Модели Балнур Асановой наделены несомненным мировоззренческим звучанием. В них находят выражение идеи цельности и взаимосвязи всех уровней мироздания, единения человека и природы. Обновленное восприятие действительности выражается в упрощенности орнаментальных мотивов, нарочитой примитивизации форм, означающей, по-видимому, очищение от многовековых наслоений и возвращение к истокам.

Другой подход к использованию традиций народного орнамента применяет дизайнер Айгуль Касымова. Несмотря на каноническое, порой даже буквальное следование идеям «хорошего дизайна» и классического моделирования, автор расширяет возможности восприятия своих моделей зрителем. Вычленив, вырезая орнаментальные элементы из привычной сложной орнаментальной структуры и помещая их в чужеродную среду, дизайнер намеренно выставляет их на пристальное рассмотрение, фактически отсекая исходные смысловые значения и порождая новые ассоциации. Порой это подобно внедрению частицы живого объекта в изначально безжизненную среду [10]. Причудливые формы растительного орнамента вступают в противоречие со стерильно-ахроматическим фоном, который в то же время выдвигает их на передний план и подчеркивает сложность, словно доказывая: отсеченный от первоначальной структуры орнаментальный элемент вполне жизнеспособен. Отделенный от структуры, в которой зародился, лишенный привычного значения, элемент

традиционного орнамента продолжает быть эдейтическим образом, узнаваемым мгновенно (так называемый *кошкар муйиз* — «бараний рог»), но взамен прежнего смысла он получает статус маркера национальной идентичности.

Можно констатировать, что подавляющее большинство казахстанских дизайнеров оперируют такими важными составляющими художественной структуры казахского национального костюма, как общая композиционная схема и комплектность, колористические особенности, традиционные материалы и способы отделки, орнаментальные мотивы, реже — особенности кроя. Методы стилизации, ассоциации, аналогии являются ведущими. Эстетическая функция костюма является преобладающей, наименьшее внимание уделяется социально дифференцирующей и ритуальной функции костюма, но они успешно совмещаются, например, в стилизованном свадебном костюме невесты (в работах Айды Кауменовой, дизайнеров Домов моды «Сымбат» и «Ерке Нур»). В отдельных случаях казахстанским дизайнерам удается достичь высокой степени абстрагирования и наделить какой-либо элемент художественной структуры национального костюма новым смысловым звучанием, переопределить его роль в композиционном решении, заменить его функцию.

Арсенал используемых казахстанскими авторами методов проектирования в большинстве своем достаточно стандартен: коммерческая заинтересованность предопределяет ориентированность на вкусы массового потребителя. Но параллельно развивается и прогрессивное направление, представители которого активно используют новейшие методы дизайн-проектирования, в частности — методы деконструкции, инверсии, трансформации, модульного проектирования. На наш взгляд, именно преодоление стереотипных барьеров и отказ от шаблонов в пользу принципиально новых методов могут принести новые тенденции в современную казахстанскую моду. Как нам видится, в синтезе традиционного и современного, помимо удовлетворения художественно-эстетических потребностей человека, совершенствования форм, кроя, технологии костюма как гармоничной части предметно-материальной среды, заложены возможности разрешения идеологического кризиса, назревшего в техногенном обществе, формирования новых художественно-эстетических установок, а также — определения национальной самоидентичности.

References:

1. Алимжанова А. Ш. Динамика эстетических ценностей художественной культуры казахского народа. — Алматы: Раритет, — 2004. — 120 с.
2. Глазых В. Л. Дизайн как он есть. Монография. — М.: Европа, 2006. — 320 с.
3. Демшина А. Ю. Мода в контексте визуальной культуры: вторая половина XX — начало XXI вв. — Санкт-Петербург: Асторион, — 2009. — 106 с.
4. Каракузова Ж. К., Хасанов М. Ш. Космос казахской культуры. — Алматы: Евразия, — 1993. — 78 с.
5. Килошенко М. И. Психология моды. — М.: Оникс, — 2006. — 320 с.
6. Кочевники: Эстетика (Познание мира в традиционном казахском искусстве). — Алматы: Гылым, — 1993. — 264 с.
7. Рассохина Э. А. Казахские национальные традиции в современной одежде. — Алма-Ата: Өнер, — 1982. — 80 с.

8. Розенсон И. А. Основы теории дизайна. – С-Пб.: – Питер, – 2007. – 224 с.
9. Тульчинский Г. Л. Слово и тело постмодернизма: от феноменологии невменяемости к метафизике свободы//Вопросы философии, – 1999. – № 10. – С. 35–53.
10. Фадеева И. Е. Символ в культурной коммуникации//Человек. – 2004, – № 6. – С. 5–14.
11. Шаханова Н. Ж. Мир традиционной культуры казахов. – Алматы: Казахстан, – 1998. – 174 с.

Section 3. History and archaeology

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-11-14>

*Kovalev Dmitriy Vladimirovich,
State University of Humanities and Social Studies,
Professor, Doctor of History
E-mail: dmitrij-kovalev@yandex.ru*

The Dynamics of Commercialization of Russia's Agriculture in the Conditions of the NEP

Abstract: The article analyzes the changes of indicators of commercialization of agriculture of Russia under the influence of the NEP. The author considers the causes which slowed down the development of market trends in the agricultural sector, and traces the interrelation of a problem of weak commodification of the peasant economy in the 1920s and the further fate of the new economic policy.

Keywords: agriculture, agricultural policy, peasantry, the NEP; marketability.

*Ковалев Дмитрий Владимирович,
Государственный социально-гуманитарный университет,
доктор исторических наук, профессор
E-mail: dmitrij-kovalev@yandex.ru*

Динамика товарности сельхозпроизводства России в условиях нэпа

Аннотация: В статье проанализированы изменения показателей товарности сельского хозяйства России под влиянием нэпа. Автор рассматривает причины, тормозившие развитие рыночных тенденций в аграрной сфере, и прослеживает взаимосвязь проблемы слабой товаризации крестьянского хозяйства в 1920-е гг. и дальнейшей судьбы новой экономической и политики.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика, крестьянство, нэп, товарность.

Одной из наиболее важных и трудноразрешимых задач новой экономической политики на всём её протяжении оставалась задача повышения товарности крестьянского сельхозпроизводства. В конечном счете, неспособность государства обеспечить достаточно быстрый и устойчивый рост товарного фонда в аграрном секторе явилась основным экономическим фактором, предрешившим демонтаж нэпа и переход к сплошной насильственной коллективизации сельского хозяйства в СССР. Как известно, именно хлебозаготовительные кризисы стали непосредственными предшественниками «великого перелома», ибо рассматривались большинством политического руководства страны как главный аргумент в пользу отказа от нэповской хозяйственной модели. Но было бы, по меньшей мере, необъективным считать, что нэп как политика полностью исчерпал себя в этом смысле.

Бесспорно, отсутствие единого сбалансированного подхода к регулированию сельского хозяйства и непоследовательность мер, призванных стимулировать хозяй-

ственную активность крестьянства (что в той или иной мере проявлялось на всех стадиях новой экономической политики) не способствовало ускоренному наращиванию товарной продукции сельхозпроизводителем. Однако с другой стороны, упомянутые обстоятельства всё же не оказывали определяющего влияния на аграрную сферу, где уже в начале 20-х гг. обозначилась достаточно явная тенденция к рыночной трансформации основных отраслей. Если в 1922/23 г. в среднем на одно хозяйство приходилось 9,2 руб. товарной продукции, то в 1923/24 г. её стоимость выросла до 23,4 руб. Но в целом, по сравнению с дореволюционным периодом товарность крестьянского хозяйства в условиях новой экономической политики оказалась значительно ниже и, прежде всего, в отношении зерновой продукции, товарный объём которой в 1925 г. составил примерно 20%. Накануне первой мировой войны этот показатель превышал четвертую часть всего зернового производства. В исследовательской литературе падение товарности зерновых по одним подсчётам оценивалось

в 25%, по другим — до половины. Причём реализация ржи составила 15,4% валового сбора, пшеницы — 39,1%, ячменя — 21,6, овса — 12,1, прочих культур — 17,1%. По техническим культурам товарность льна снизилась на 30,2%, маслосемян — 19,3, сахарной свёклы — 8,5, хлопка — на 6,8% [2, 278].

В животноводстве наблюдалась несколько иная тенденция. К концу восстановительного периода темп роста товарности ускорился. Объём рыночной продукции начал обгонять рост поголовья скота. Но, как и в земледелии, подъём отраслей животноводства, которые до войны носили наиболее ярко выраженный товарный характер (в первую очередь мериновое овцеводство), заметно отставал. Поэтому, несмотря на то, что довоенный уровень производства продуктов животноводства к 1925 г. был достигнут, а в ряде случаев и превзойдён, товарность всё же оставалась ещё низкой. Достаточно, отметить, что по всей сельскохозяйственной продукции уровень товарности в 1925 г. составил всего 63,4% к довоенному [5, 338; 10, 331, 334].

Разумеется, доля товарной продукции не могла быть слишком высокой, если учесть изменения, которые произошли в ходе революционных аграрных преобразований. Прежде всего, сокращение товарных ресурсов в сельхозпроизводстве было обусловлено ликвидацией частновладельческих и крупных крестьянских хозяйств — главных поставщиков зерна на рынок. К 1917 г. их доля в производстве товарного зерна составляла соответственно 22 и 55%. При этом норма товарности владельческих хозяйств в сравнении с крестьянскими была примерно вдвое выше [4, 189]. Кроме того, необходимо отметить, что с национализацией земли исчез и внеадельный земельный фонд (купчие и арендованные земли), являвшийся основой крестьянского товарного полеводства в дореволюционный период. Немалую роль сыграла также крайняя экономическая ослабленность и хозяйственная деградация деревни в годы продовольственной диктатуры, чем в значительной мере тормозились восстановительные процессы в сельском хозяйстве страны.

В то же время, несмотря на известные ограничения (сложности выделения из общины, противодействие властей свободному найму рабочей силы и развитию арендных отношений в землепользовании, подчёркнутая прогрессивность налогообложения, обременительность условий кредита и др.), переход к новой экономической политике создавал необходимые условия для восстановления рыночных функций крестьянского хозяйства. По довоенным ценам производителей стоимость товарной продукции сельского хозяйства в 1921/22 г. исчислялась в 1740 млн. руб., в 1925/26 г. — в 3929 млн., в 1926/27 г. — 4373 млн. и таким образом уже почти достигла довоенного уровня (в 1913 г. — 4498 млн. руб.) [6, 54, 56]. Хотя, рост товарной продукции приходился по преимуществу на технические культуры и животноводство, а в производстве зерновых был довольно медленным и не достигал довоенных масштабов. Тем не менее, стимулирующий характер аграрной политики первой половины 20-х гг. с точки зре-

ния рыночного хозяйствования был очевиден. К тому же, в этот период она характеризовалась общим расширением либеральных начал, кульминационным моментом которого явился 1925-й год, когда государство пошло на целый ряд мер, принципиально расширяющих возможности для развития предпринимательского сельского хозяйства. Так, наряду со значительным снижением размеров сельскохозяйственного налога и совершенствованием системы налогообложения с учётом интересов производителя, устраняются ограничения для арендного землепользования, в том числе разрешается долгосрочная земельная аренда (12 и более лет). При этом арендаторам разрешается использование найма рабочей силы. Кроме того, снижаются процентные ставки по сельскохозяйственному кредиту и смягчаются его условия, снижаются цены на товары крупной государственной промышленности и др.

Аграрная либерализация 1925 г. создавала исключительно благоприятные условия для роста расширенного воспроизводства в сельскохозяйственных отраслях и усиления их рыночной направленности, что и подтвердила статистика. Согласно данным «Контрольных цифр» Госплана, если в 1923/1924 г. норма товарности всех сельскохозяйственных продуктов (без учёта внутридеревенского оборота) составляла всего 16,1%, то к 1926/27 г. она поднялась до 18,3%. И хотя данный показатель оставался ещё ниже (примерно на 23%) довоенного уровня, но отмеченное повышение можно с полным основанием признать достаточно показательным [4, 188].

Несмотря на это, хлебозаготовительная кампания в 1925/26 г. была сорвана. Из намеченных по плану хлебозаготовок 545 млн. пудов удалось заготовить только 336 млн. пудов, исчерпав все отпущенные для этого кредиты по линии «Хлебопродукта» и органов кооперации. Однако причиной «хлебного кризиса» стали конъюнктурные обстоятельства, связанные с просчётами правительства и хозяйственных ведомств, которые запланировали чрезвычайно высокие объёмы зернового экспорта. Но хлебофуражный баланс был рассчитан неверно. Планирующие органы недоучли то обстоятельство, что после предыдущего года, который был неурожайным, в наступившем урожайном крестьянство значительную часть хлеба отложит про запас, на случай неурожая, а не повезёт его на рынок. Немалую роль также продолжал играть сохранявшийся ценовой диспаритет: в сравнении с уровнем 1913 г. соотношение сельскохозяйственных и промышленных цен изменилось в сторону возрастания последних в несколько раз [7, 74].

В подобных условиях крестьянин стремился накапливать не денежные запасы, а натуральные продукты, ещё более ограничивая выход товарной продукции своего хозяйства.

Таким образом, осложнения, возникшие в ходе хлебозаготовительной кампании объяснялись не столько проблемами низкой товарности крестьянского сельскохозяйственного производства, сколько недостаточно гибкой и адекватной экономической политикой государства.

Как бы то ни было, срыв хлебозаготовок и, как следствие, экспортно-импортного плана обострил внутрипартийные споры о дальнейшей судьбе нэпа. К этому времени стало очевидным, что сложившиеся хозяйственные механизмы, позволившие относительно успешно решить проблемы восстановления народного хозяйства после мировой и гражданской войн, не обеспечивают достаточного уровня накоплений для ускоренной реконструкции промышленного производства.

Тем не менее, большинство правящей элиты в течение нескольких лет после провозглашения XIV съездом ВКП (б) курса на индустриализацию, считало возможным осуществить её, не отказываясь от нэпа в принципе, а лишь ограничившись определёнными коррективами аграрного курса, так как именно сельское хозяйство рассматривалось партийно-государственным руководством в качестве главного источника средств. В то же время нельзя не признать, что уже в 1926 г. в политике государства всё отчётливее начинает просматриваться стремление усилить контроль за социально-экономическими процессами в деревне и ограничить масштабы либерализма в аграрной сфере.

Начало года было отмечено резким повышением сельскохозяйственного налога за счёт усиления прогрессивности обложения и распространения его практически на все виды экономической деятельности, приносящие доход в бюджет крестьянской семьи (садоводство, огородничество, птицеводство, свиноводство, пчеловодство, неземледельческие отхожие и кустарные промыслы и др.). Это нанесло тяжёлый удар по наиболее активным в хозяйственном отношении слоям сельского населения, значительно ослабив их возможности для наращивания товарности сельхозпроизводства [3, 237–243].

Наряду с этим в Уголовный Кодекс РСФСР включается статья 107-я, карающая «... злостное повышение цен на товары путём скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок» лишением свободы на срок до трёх лет с полной или частичной конфискацией имущества [9]. Спустя год власти уже широко применяют её на практике, нарушая тем самым одно из ключевых положений декрета о замене продразвёрстки натуральным налогом, согласно которому за крестьянином признавалось право не только продавать свою продукцию, но и оставлять её в хозяйстве для использования по собственному усмотрению. Фактически государство возвращало себе право диктовать деревне объёмы сельхозпродукции, подлежащей реализации

на рынке. И хотя по началу 107-ю статью рекомендовалось применять к хозяйствам, у которых товарные излишки превышали 2 тыс. пудов зерна, в действительности эта норма повсеместно нарушалась: изымались не только излишки, но и страховые запасы; нередко конфисковывался весь хлеб, а также значительная часть средств производства (мельницы, амбары, предприятия по переработке сырья и др.) [1, 247].

С декабря 1926 г. решением Совета Труда и Оборона было запрещено продавать сложную сельскохозяйственную технику частным лицам [8]. Разумеется, что в приобретении последней были заинтересованы главным образом высокотоварные крестьянские хозяйства.

Изменения аналогичного характера происходят и в советской земельной политике, главными направлениями которой становится противодействие развитию арендных отношений и единоличных форм землепользования. В контексте наступления на «окрепшее кулачество» после недолгого послабления государство возобновляет борьбу с использованием найма рабочей силы в аграрной сфере, допущенным в значительных масштабах законодательством весной 1925 г. На этом фоне резко возросла роль непосредственного государственного регулирования. Правительство предприняло энергичные меры по форсированному огосударствлению рынка сельхозпродукции. В апреле 1927 г. выходит ряд постановлений СНК СССР о контрактации важнейших сельскохозяйственных культур, предполагавшей фактическое свёртывание сбытовых операций сельхозпроизводителя на частном рынке государство превращалось в монопольного заготовителя, диктующего цены.

Усиление ограничительных, антирыночных тенденций в аграрной политике второй половины 20-х гг. по существу сводили к минимуму и без того не слишком высокую заинтересованность крестьянина в повышении товарности сельхозпроизводства, хотя его потенциал в этом смысле оставался ещё далеко не реализованным. Кризисы заготовительных кампаний в подобных условиях становились практически неизбежными, даже несмотря на значительный рост товарного фонда в нэповской деревне. Это во многом предредило участь новой экономической политики, которая не позволяла решать задачи ускоренного накопления средств для форсированной индустриализации отечественной экономики, поскольку была мало совместима с директивными методами централизованного регулирования хозяйственных процессов.

References:

1. Гущин Н. Я., Ильиных В. А. Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа в – 1921–1929 гг. // Аграрный рынок в историческом развитии. – Екатеринбург, – 1996. – С. 247.
2. История советского крестьянства. В 5-ти тт. – Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие Советской власти – 1917–1927. – М.: Наука, – 1986. – С. 278.
3. Ковалёв Д. В. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона (по материалам Московской губернии). – М., – 2004. – С. 237–243.
4. Кондратьев Н. Д. Особое мнение. Избранные произведения в 2-х книгах. – М., – 1993. – Кн. 2. – С. 189.
5. Контрольные цифры народного хозяйства в – 1926/27 г. – М., – 1927. – С. 338.

6. Контрольные цифры народного хозяйства СССР на – 1925/26 г. 2-е изд. – М., – 1926. – С. 54, 56.
7. Роголина Н. Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. – М., – 2010. – С. 74.
8. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. – 1926. – № 77. – Ст. 633.
9. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.
10. Советское народное хозяйство в – 1921–1925 гг. – М., – 1960. – С. 331, 334.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-14-16>

*Mukhabbat Khamidova,
PhD in History, Senior staff scientist,
National University of Uzbekistan
E-mail: hamidova.2002@mail.ru*

Studying of Uzbekistan's architectural monuments at the end of XIX — early XX centuries (on the basis of local archive sources)

Abstract: This article is devoted to learning history of architectural monuments of Uzbekistan in the end of XIX — early XX centuries. Additionally, the role of archival documents of the circle of Turkistan amateur-archeologists, the Committee of Preservation Middle Asia's ancient, art monuments, natural resources and museum affairs in Central State Archive of the Republic of Uzbekistan is illuminated on studying of Uzbekistan's architectural monuments. Special attention is paid to covering the history of the activities of state institutions in scientific studying, restoration and preservation of architectural monuments of the republic.

Keywords: archival sources, architectural monuments, mosques, madrasas, mausoleums, palaces, local residences.

Uzbekistan's material culture, especially learning historical-memorial monuments which was created with the base of Uzbekistan's national traditions, researching their unique sides was basic issue of history, archeology, ethnography, mastership, architecture even before the country's independence. Various matters of national architecture were analyzed by experts of the specialties above.

It is known that, researching architectural monuments of Uzbekistan began deeply in the XIX century. Organizing the circle of Turkistan amateur-archeologists and very many matters which learned by them were significantly important in that time [1, 9]. The circle that founded at the end of XIX century (Dec. 11. 1985) principally focused on researching historical monuments of Turkistan. As the regulation of the circle, learning all historical monuments that located in Turkistan region, analyzing scientifically all materials about them and the matters of publishing were taken into consideration. The researches of that organized by them, especially, all material resources, which founded as a result of researched at historical monumental places needed to be submitted to Archeological Commission of Empire [2, 13].

Scientific researches of the Turkistan amateur-archeologist circle, precious information was précised about the location of several archeological and architectural monuments in Turkistan region, their preserving condition, their measures, draughts, photographs. In addition, historical reference books about researched archeological and architectural monuments and myths were mentioned about them. The Commission

that in 1918 began to work under the supervision of notable orientalist scholar Vyatkin, in order to preserve falling minaret of Ulugbek madrasah, was the continuation of the circle Turkistan amateur-archeologists. Vyatkin, who considered as a protector of Uzbekistan archeological-architectural monuments and his commission's members cooperated with local masters and famous engineer-architects B. N. Kastalskiy and M. F. Mauer. In 1919, September 6, new Commission organized under the Republic of Turkistan Public Education under the supervision of S. Abdusattarov for learning Uzbekistan's ancient monuments. However, the commission's affairs were solely gathering information about historical-architectural monuments. After the October Revolution, there were several kind of commission, yet in those years, few affairs were carried out for researching and preserving those monuments [3, 1].

Finally, in 20th years of XX century, researching matters like kind of historical monuments were recommenced as well. In other words, several state establishments were organized which accomplished so many positive achievements afterwards. Especially, under the decision of Central Social Committee of Turkistan Republic, Central Archive Management of the Republic of Uzbekistan (Tsuardel, in 1920, Jan 30.), The Committee of Preservation Middle Asia's ancient, art monuments, natural resources and museum affairs and etc. In 1921, the committee "Protecting ancient, art monuments and natural resources and museum affairs" under the Commissariat of Turkistan national enlightenment, "Turkomstaris" (1921, May 21) and "Sredazkomstaris" (1924, Dec 26) made several

expeditions and this could be good example of learning the history of Central Asia. Those organizations were leaders for researching and saving monuments in Central Asia. According to the decree of The Republic of Turkistan Commissariat Public education in 1921, May 21 the committee was founded for preserving Turkistan antiquity, art monuments, natural resources and museum affairs (Turkomstaris), and then the authority of controlling about such affairs was given to the committee. Taking into consideration of several historical-architectural monuments, which located in different regions of Uzbekistan, several fields of the committee were founded like Samkomstaris, Buhkomstaris, Khivkomstaris.

In 1924, December 24, Turkomstaris was ended because of finishing national-territorial delimitation and instead of that Sredazkomstaris was founded for researching and preserving antiquity, art monuments, natural resources and museum affairs. The committee had done so many things like preserving, researching, and reconstructing architectural monuments in Central Asia, especially in Uzbekistan due to its authority by the end of 1929. Significant side of those attempts, the results of researches and the reports of scientific specialists which had been done by those committees, were published in periodical papers, especially they were published in "Izvestiya Sredazkomstarisa" ("Proceedings of Sredazkomstaris" special mass paper since 1925.). Moreover, valuable documents, which belonged to state establishments as stated above, were preserved up to now [4, 2–3].

According to the documents, during 1921–1929s Turkomstaris and Sredazkomstaris registered very many monuments as under the protection of state. In that period, the condition of those architectural monuments was sorrowful and researching and constructing them was the main matter for the committee. According to the decree of the committee, Registan square and Sherdor, Ulugbek, Tillakori madrassas, the mausoleum of Guri Amir, the mosque of Bibikhanum, Oksaroy which was the residence of Amir Temur, the architectural complex of Shahi Zinda, the mosque of Khoja Ahror, the mosque of Ishratkhona, the mosque of Namozgoh, remnants of Ulugbek observatory, Shaybaniykhon dynasty's cemetery — the mosque of Childuhtaron, the grave of the prophet Doniyor, Afrasiyob ancient town, the cemetery of Chuponota and other ancient buildings and holy places in Samarkand were taken under the protection of government. The Kukaldosh madrassa, Khoja Ahror madrassa and mosque, Barokhon madrassa, Kaffol-Shoshiy mausoleum in Tashkent, Ahmad Yassaviy mausoleum and mosque in Turkistan, the palace and residence of Khans of Kukand in Fergana region, the mausoleum of Sheikh Fozil in Kosonsoy and other very many historical-architectural monuments were registered. Several projects were worked out for researching scientifically, repairing and reconstructing by scientific experts of Uzbekistan. According to the decree of Turkomstaris, the registered architectural-historical monuments should be preserved and the traffic of Lorries should be stopped. Particularly, because of the initiative of members of the committee, publicity of the

preserving of historical-architectural monuments expanded broadly among local people. Especially, kind of affairs were utilized around of Registan in Samarkand, so here the traffic of lorries were stopped and very many posters were hang in the streets written in Russian and Uzbek. Because of the expedition Turkomstaris, some errors were specified while reconstructing at the beginning of XX century. Afterwards the errors were corrected, as it was possible [5]. In 1921, one of the local branches of committee, Samkomstaris suggested researching, reconstructing and repairing the main architectural complexes of Samarkand, and then so many positive achievements were accomplished.

Nowadays, all documents, which belonged to researching architectural monuments of Uzbekistan, are preserved in the organizational funds such as Turkistan architect-amateurs circle [6], Sredazkomstaris [7] and private funds of V. L. Vyatkin [8], B. N. Zasiipkin [9], S. N. Polupanov [10], M. E. Masson and G. A. Pugachenkova [11], who researched very material-cultural heritage deeply, and others in the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan. Those precious historical sources have significant importance for learning history of national architectural monuments created by Uzbek nation.

To conclude, architectural monuments of Uzbekistan reflected experience of our great ancestors, skillful and talented handicraftsmen who was the master of intellect. Based on unique traditional architectural monuments which saved their attractiveness and freshness were taken into consideration attentively during the end of XIX and early XX centuries when so many committees worked properly like the circle of Turkistan archeologist-amateurs, Tsuardel, Turkomstaris, Uzkomstaris made much effort for researching, repairing and reconstructing of the architectural-historical monuments of Uzbekistan. Particularly, as a result of committees affairs:

- very many historical-architectural monuments were registered which were located in Uzbekistan;
- in the architectural monuments, which situated in central cities, were researched completely;
- several references were composed because of those scientific researches about those historical-architectural monuments;
- the saving condition of the monuments was clarified;
- immediately, the plans were arranged about their condition for doing what was necessary;
- the national-architectural monuments, which were sorrowful and falling, were planned to preserve;
- the financial means were provided for repairing and reconstructing them based on several kind of projects;
- several architectural complexes were reconstructed, repaired, which situated in Uzbekistan, and necessary actions were done for preserving them;
- the possibility of developing international tourism were created in Uzbekistan;
- mass media also gave so much information about the scientific researches which done in the historical-architectural monuments as possible as it was.

According to the archive documents, it could not be said that the affairs stated above were not done for the sake of Uzbek nation in the end of XIX — and early XX century. Because, all material wealth, which was founded as a result of scientific researches, were taken to Moscow and Saint Petersburg, because Uzbekistan was under the occupation of Soviet Union. Therefore, the nation of Uzbekistan was deprived their historical-spiritual wealth. Even though, in the end of XIX and early XX century, so much effort was done for preserving, repairing and reconstructing of the historical-architectural monuments

which situated in the precious cities in Uzbekistan. It was significantly noticeable that the influence of being under the Soviet Union, so a lot of information was not given correctly. Yet, clarifying several points of the scientific problem should be taken into consideration. As well, because of so many scientific workers and the committees stated above the new generation could witness such beautiful historical-architectural complexes that situated in our Republic. Nowadays, they are considered not only pride of Uzbek nation, but also architectural heritages of whole world and are appreciated completely.

References:

1. Masson M. E. A brief brochure history of learning Middle Asia's archeological monuments. (Chapter 1) // Affairs of Middle Asia State University. Archeology of Middle Asia. Book. XII. – Tashkent: MASU – 1956. – P. 9.
2. Opening the circle of Turkistan amateur-archeologists. – Dec 11, – 1895. – Tashkent: Typo Lithography. – 1895. – P. 13.
3. CSARU f.R-3, l.1, f. 204, 1.
4. CSARU f.R-394, l.1, f.407, P.2–3.
5. CSARU f.R-394, l.1, f.3, 22–28.
6. CSARU f.R-71, s. u. 25. – 1895–1917.
7. CSARU f.R-394, s. u. 374. – 1920–1928.
8. CSARU. f.R-1591. s. u. 116. – 1904–1932.
9. CSARU. f.R-2406. l.1, s. u. 1668. – 1898–1955.
10. CSARU. f.R-2286. l.1, s. u. 256. – 1904–1957.
11. CSARU. f.R-2773. l.1, s. u. 1466. – 1873–1987.

Section 4. Cultural studies

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-17-20>

*Genova Nina Mikhaelovna,
doctor culturologists,
professor of the Omsk state university
of F. M. Dostoyevsky.
E-mail kafedra.tiam@mail.ru*

Problem of broadcast of spiritual heritage of Russia and national traditions of the people of the former USSR in Siberia as factor of achievement of interethnic concord and counteractions to extremism (on the example of the Omsk region)

Abstract: In article the analysis of features of emergence of extremist consciousness among young people, forms of anti-extremism actions which cornerstone interethnic concord and interethnic interaction of the people of the former USSR, revival of national traditions and ways of counteraction to destructive processes in various activities of regional national and cultural movements is carried out:

Keywords: spiritual heritage, interethnic concord, extremism and extremist consciousness, national traditions, people of the USSR, counteraction.

*Генова Нина Михайловна,
доктор культурологи,
профессор Омского государственного университета
им. Ф. М. Достоевского.
E-mail kafedra.tiam@mail.ru*

Проблема трансляции духовного наследия России и национальных традиций народов бывшего СССР в Сибири как фактор достижения межнационального согласия и противодействия экстремизму (на примере Омского региона)

Аннотация: В статье проводится анализ особенностей возникновения экстремистского сознания в молодежной среде, формы антиэкстремистских мероприятий, в основе которых лежит межнациональное согласие и межэтническое взаимодействие народов бывшего СССР, возрождение национальных традиций и способов противодействия деструктивным процессам в различных направлениях деятельности региональных национально-культурных движений:

Ключевые слова: духовное наследие, межнациональное согласие, экстремизм и экстремистское сознание, национальные традиции, народы СССР, противодействие.

Учитывая, что «экстремистскому сознанию присущи: импульсивность, внутренняя напряжённость, конфликтность, деструктивность; нетерпение и нетерпимость [1, С. 29], в современных условиях необходимо прилагать максимум усилий противодействия эти тенденциям. Вместе с тем следует иметь в виду, что «фанатичность, беспрекословие, часто безумное выполнение приказов и инструкций, правомерность которых не только не ставится под сомнение, но и не обсуждается, жёсткость осуществляемых действий [2, С. 173].

Одной из форм антиэкстремистских мероприятий является трансляция духовного наследия России в мировой цивилизации. Она направлена на формирование позитивного образа России в духовно-нравственную культуру россиян — процесс, тесно связанный с возрождением мало используемых, забытых и утраченных духовных ценностей народной культуры, их роли в мировых цивилизационных процессах, активизации и стимулирования инициативных направлений творчества.

Она способствует возвращению к духовности, гуманизму и приоритету общечеловеческих ценностей и направлена на оздоровление духовного климата общества, повышение значимости культурного и духовного потенциала регионов Сибири. При этом при реализации проекта трансляции духовного наследия России в межэтническое взаимодействие становится важным привлечение активных сибирских регионов, в частности, входивших в Ассоциацию «Сибирское соглашение» (Омская, Тюменская, Новосибирская, Томская области, Алтайский и Красноярский край) с зарубежными странами (Казахстаном, Белоруссией, Арменией, Азербайджаном). «Эффективная государственная политика должна включать: профессиональную экспертную оценку деятельности, проявление бдительности в отношении всех заинтересованных сторон» [2, С. 176].

Следует сказать, что современная этнокультурная ситуация в России не простая. Становится ясным, что неизбежным условием выхода из противоречивого состояния межнациональных отношений в мировом сообществе становится духовная культура. Поэтому исследование ее развития в условиях *национального возрождения* требует отказа от целого ряда априорно постулировавшихся мифологем, явившихся следствием *идеологического диктата* в социальных науках. Выработка новых подходов, связанных с национальной культурой и перспективами ее развития невозможна без уточнения имеющегося понятийного аппарата, многие термины которого, такие как «*сближение*», «*расцвет*», «*слияние*», «*дружба*», «*выравнивание*» и др. не отличаются научной строгостью, не способствуют дифференциации содержания исследуемого процесса развития культур [3].

Вместе с тем становится ясным, что *проблема интернационального в культуре* и духовной цивилизации — это проблема общечеловеческих ценностей, выраженных в конкретных ценностях и социальных нормах, традициях нации или народности. Интернациональное — это те ценности, которые объединяют народы. Сегодня интенсивно идут процессы интернационализации в экономике, социальной сфере, политике и культуре. Этот процесс, при всей своей противоречивости, отражает тенденцию к *единению, взаимосвязям, сотрудничеству и взаимопомощи* различных стран и народов. Интернационализация культуры означает обогащение культур на почве взаимодействия и сотрудничества, всемерного развития каждой национальной культуры.

Национальное в культуре — это прежде всего *самосознание народа, нации, личности*, выраженное в языке, искусстве, религии, обычаях и обрядах. Сегодняшний процесс суверенизации различных народов бывшего СССР — своеобразная реакция на деградацию национальных культур, их умирание, начавшееся под лозунгом формирования «*новой исторической общности — советского народа*». Возрождение национальных культур, языков и традиций, которые закрепляют передаваемые от поколения к поколению народные ценностные установки, идеи и нор-

мы поведения, представляющие социально-культурное наследие народа, не означает формирования национализма. Напротив, этот процесс обеспечит лучшую реализацию общечеловеческих ценностей, в том числе и в форме интернационализма, как уважения к достоинству, истории и культуре других народов [4].

Духовное наследие России в целом и народов Сибири, в частности играет исключительно важную роль в мировой цивилизации. Его значение связано с возрождением интереса к традиционным ценностям народной культуры народов Сибири в мировой цивилизации и возможностями развития взаимодействия с зарубежными странами (Кореей, Китаем, Казахстаном, Белоруссией, Арменией, Азербайджаном, Болгарией, Югославией).

Из выше сказанного становится очевидным, что проблема трансляции духовного наследия России и национальных традиций народов бывшего СССР в Сибири должна включать в себя блоки: фестивального движения, содействие развитию благоприятных этноконфессиональных направлений деятельности, молодежных фольклорных сообществ, активизацию этнотуристической деятельности, этнопарков (скверов), фонды «*Культура Сибири*» и «*Духовное развитие России в Сибири*».

Подобного рода программы в регионе разрабатывались и ранее. Актуально этнокультурное взаимодействие со странами бывшего СССР, которые были исторической родиной для омичей и их потомков: казахами, украинцами, белорусами, молдаванами, представителями кавказских народов и другими.

Следует вспомнить, что в 90-е годы XX века в Омском Прииртышье в этом направлении была успешной деятельность по *возрождению духовности*, культуры, искусства, архитектуры, традиционной религии, межэтнических отношений на территории региона, которую осуществляло Правительство Омской области во главе с Губернатором А. К. Полежаевым.

Однако обострение этнокультурной ситуации в мире вызывало к жизни мероприятия по противодействию экстремизму. Проводилось исследование факторов риска социализации. В ходе рефлексивной игры выявлялись культурные и мифологические стереотипы, развивалось понимание поведения других людей в ситуации вовлечения [5].

Необходимыми становятся «*направленное и опосредованное воздействие на ценностные смысловые установки в молодежной среде ... , формулирование установок толерантности. Усиление адекватности переживаний и поведения человека может быть достигнуто за счёт выявления подобных иррациональных установок и работы с ними с целью пересмотра и замены на более рациональные и более гибкие стратегии отношения*» [6].

Одно из мероприятий проходило в Омском Доме дружбы в ноябре 2016 г. На нем «*активные молодежные организации объединились для разработки уникальной системы мероприятий, нацеленной на противодействие*

внедрению идей *терроризма и экстремизма* в сознание современных молодых людей из разных молодежных социумов и дающей возможность говорить с ними на их языке: развитие позитивных молодежных субкультур, общественных объединений, движений, групп; создание условий по воспитанию толерантно ориентированной в современных социокультурных условиях личности, профилактике асоциальных явлений; развитие конструктивной социальной активности подростков и молодежи и разработка механизмов эффективного влияния на процесс социализации личности молодого человека» [7].

В исследуемой нами проблеме актуализируются следующие направления деятельности региональных национально-культурных движений:

1. Повышение и оздоровление духовно-нравственной культуры россиян;

2. Возрождение фестивального движения внутри регионов и за его пределами;

3. Возвращение к традиции проводить *Дни национальных культур народов* региона внутри регионов и за его пределами, в станах СНГ, а также развивать формы культурного обмена;

4. Возрождение духовных, светских и религиозных традиций в ходе развития совместного фестивального этнокультурного движения за рубежом;

5. Стимулирование совместных инициативных направлений представления народного творчества Сибири в Корею, Китае, Казахстане, Белоруссии, Армении, Азербайджане, Болгарии, Югославии;

6. Исследование специфических особенностей сибирских регионов, входивших в Ассоциацию «Сибирское соглашение» (Омская, Тюменская, Новосибирская, Томская области, Алтайский и Красноярский край) и их использовании в международном сотрудничестве и обмене;

7. Гуманизация общечеловеческих ценностей в процессе изучения, сохранения и развития различных видов фольклора, народных ремесел и промыслов, других видов нематериального наследия, востребованных и ценимых за рубежом;

8. Изучение духовного климата общества и роли Сибири как части России в повышении престижа ее народной культуры в мире;

9. Анализ роли духовной культуры Сибири в мировом культурном пространстве.

При этом необходимо соблюдать условия достижения *межнационального единства*: единство культурного пространства, взаимопонимание, развитие диаспор, сохранение национального языка на основе билингвизма, атмосфера партнерских, уважительных и дружественных отношений, понимание и уважение национального характера и связи с исторической родиной.

Формы трансляции духовного наследия бывают различные: 1. включение в многообразные формы народного творчества и создание благоприятной этнокультурной среды, 2. «встреча поколений» (поддержка межпоколенных от-

ношений и связей в народной культуре), 3. этнокультурная идентификация и централизация этнокультурных ценностей, 4. обеспечение преемственности в этнокультурном образовании и народной культуре в разных культурно-образовательных системах, 5. возрождение традиций межнациональной и межконфессиональной дружбы, 6. взаимодействие этнически ориентированных молодежных субкультур с духовно-нравственными традициями народной культуры, 7. передача своеобразия национального характера народов Сибири в национально-культурных сообществах, 8. синтез форм этнокультурного развития различных регионов.

В данном процессе важную роль выполняет также система информационного сопровождения и противодействия экстремизму. Она должна способствовать не только профилактике экстремизма и терроризма, но и «предупреждению межнациональных конфликтов:

- проведение социологических исследований по вопросам противодействия экстремизму, включение в региональные и муниципальные программы по развитию образования и воспитанию несовершеннолетних мероприятий по формированию у подрастающего поколения уважительного отношения ко всем этносам и религиям;
- осуществление мер государственной поддержки системы воспитания молодежи на основе традиционных духовных, нравственных и патриотических ценностей;
- проведение занятий по воспитанию патриотизма, культуры мирного поведения, межнациональной и межконфессиональной дружбы, по обучению навыкам бесконфликтного общения, а также умению противодействовать социально опасному поведению; формирование в Российской Федерации межконфессионального и внутриконфессионального взаимодействия в целях обеспечения гражданского мира и согласия;
- включение в программы подготовки работников культуры изучения основ духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации» [8].

Все эти меры следует считать своевременными и нужными.

В процессе трансляции духовного наследия России затрагивается ряд национальных традиций народов бывшего СССР, наследники которых, ставшие представителями новых сибирских диаспор проживают на территории Сибири: календарный цикл народных (этноконфессиональных) праздников и народных обрядов, эколого-трудовые традиции, семейные традиции народной педагогики: применение методов разъяснение, приучение, поощрение, одобрение, убеждения, личного примера, показа и упражнений, намёка, укора, осуждения с целью формирования у детей положительного отношения к труду, достойного поведения в семье и обществе, культовые традиции, традиционные формы межпоколенного, межэтнического и межконфессионального общения между народами Сибири.

Список литературы:

1. Томалинцев В. Н. Природа экстремизма // Молодёжный экстремизм, сборник / под ред. А. Л. Козлова, – Спб., – 1996, – С. 29.
2. Литвинов С. М. Местное самоуправление в противодействии экстремизму в молодёжной среде / С. М. Литвинов // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 1. – 171–179.
3. Джусупова Р. С. А. по теме «Развитие духовной культуры в условиях национального возрождения.» – М., – 1992. – 28 с. URL: /http://cheloveknauka.com/
4. Общечеловеческое и классовое, национальное и интернациональное в культуре URL: /http://scicenter.online
5. Ермаков П. А. Молодёжь против терроризма (о работе антитеррористического молодёжного фестиваля). П. И. Ермаков. // Российский психологический журнал. – 2012. – 1. 9. – № 4. – С. 11–15).
6. Горбунов К. Г. Терроризм: социально-психологическое исследование; монография / К. Г. Горбунов. – Омск: изд-во Ом. гос. ун-та, – 2010. – С. 367. – 384 с.
7. Круглый стол по вопросам профилактики экстремизма, терроризма, ксенофобии и национализма URL: /http://dd.omsk.ru/www/dom-druzhibi.nsf/).
8. Совет безопасности РФ URL: /http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html).

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-20-23>

Khaladdin Sofiyev,

PhD on culture study, assistant professor,

The head of the department of «Social and Political Sciences»

of Azerbaijan State University of Culture and Art

E-mail: sofiyevaladdin@mail.ru

About application of some philosophical concepts in culture study

Abstract: In modern Azerbaijani culturology activization of methodological direction will serve to appearing of deconstructive potential. Taking figures and events, which are the components of culture, as values and information, there appears demand in refusal from vulgar matter and material imagination. Culture is also the history of connotation of values and symbols. Connotative importance of values and symbols is there additional meaning. Positive connotation of the words, as “value”, “crisis”, “decadence”, “civilization” and “modern” has turned them into the terms with considerable methodological result.

Keywords: eidos, value, aporia, a priori, mind.

There are almost no researches in Azerbaijan culture study which cause large discussions with the used concepts. “Culture” is said to have hundreds of definitions. It means that as the culture is a very complex event, it is hard to collect it into a compact concept. And as what can be included causes a serious “objection” of what has not been collected, it is not considered sufficient. The wide-spread definition of the culture in Azerbaijan is its being a world of material and moral activities. At this time, solution of the material activity in Marxist way is especially emphasized. However, there are also those who consider our culture the collection of the information inherited [1, P. 394–395]. This last interpretation opens up new tones in the phenomenon of culture, for example, it allows the concept of “culture” to take as a collection of information. In this case, material values also are interpreted in the form of information. However, no one from us get accustomed to look at the machines and buildings as information. Primitive ancestors of such persons considering the air not material substance,

related the soul with the breath (“nefesh” in Ibrani) [2, P. 31]. It is due to hegemony of the substance that Marx said: the substance cursed the soul [3, P. 29]. Primitive man’s imagining the soul as a smoke and putting the gods as idols in the temples is related with the cause that Marks indicates.

In the XX century Bergson built his intuitive-irrational philosophy on violation of hegemony of substance on culture without reminding Marx’s fine article, i. e. in fact, he reported material, substance and methodological deconstruction. His main accusation against materiality of the mind and culture was the fact that our concepts were formed in the form of solid items. In addition to Bergson, we can say that even the word “eidos” underlying on the basis of the Greek word “idea” was also cursed by material.

“Eidos” earlier also conveyed typical appearance of items and things, only afterwards in the process of usage it began to express the essential peculiarities of the items hidden behind their appearance and transformed into the unity of a word and

meaning. Later, it developed more and idea began to convey not any concept, but only the concepts projected to reality and tended to create a real change and in this meaning began to get closer with ideals in this sense. But no matter how dear is the word “idea” for the philosophy, it has not said farewell to “eydos” and its variant “eydedizm”. Husserl in his philosophy turned this word into a term [4, P. 337], A. F. Losev made “eydedizm” the name of the expressive, vivid images in his “History of Antique aesthetics” [5, P. 226–236] and with this once again deployed secret impact of phenomenology to Soviet philosophy. Taking into consideration significance of the term “eydedizm” in culture study, we should keep this concept in our mind and remind it when is to the point.

If once again to return to Bergson, we should say that the French philosopher concluded from the concepts being in the form of solid items that they cannot be able to show the changing world shown by Heraclitus adequately. Human mind and culture are ‘cursed’ by so many solid items that the art and culture do not form piece of art and value from soft and runny items [6, P. 1].

Positivist philosophy of the XIX century opposing to the hegemony of the materialism replaced the material with energy and thus, Marxist- Leninist philosophy in order to rescue the material had to make different intellectual maneuvers. One of them was the definition of the material given by the founder of Bolshevism Lenin. In order to protect the materialism from the next surprises of physics which could put the material under doubt, he stated that material is an objective creature. In other words, its sign is not solidness and weight. The main sign of it is its existence regardless of consciousness. That is, material should not be the phantom of consciousness [7, P. 29]. However, this “invention” of Lenin could not stand against critics. Because, animals’ psychology exists regardless of a human consciousness, however it refers not to material, but to ideal. So, as it seems the idea of culture being the collection of information was not just an ordinary definition, because it required a new view to the concept of material value. Only after targeting the concept of material value by methodological analysis it becomes clear that all the structurized items and things arranged in accordance with the rules are also information [8, P. 36–38]. So, what is included to the culture is information. This thesis in its turn gives a birth to new derivations and diversification. The information puts forward the issue of noise, surplus information and the degree of informativeness. The most important is that the strongest way to protect the moral values is their constant reflection. Culture study (as art study) should inevitably project semantic-contextual layers of values to different concepts in order to preserve that content.

Tusi revealed the difference between moral and material values in the following way: the first ones are getting fewer, get older as much as they are used, whereas the second ones are enriched as much as they are used. Fuzuli also has a variant of this idea: the world of words is not a treasure of a king to decrease when it is used [10, P. 72].

Indeed, a knife metaphor became richer as much as it was used in culture. It became a weapon as a Japan and French sword and contributed its symbols to knighthood and samurai culture. This symbol is disclosed to Oghuz with such a saying in “Dada Gorgud” saga: “A man loses his honor either because of a sword or because of meal” [11, P. 20]. The main principle for samurais in sword techniques was to take the sword and stab in one motion. Therefore, quickness and fluency should be together. Musasi who lived in the XVII century showed in his book on fighting rules: if you and your enemy attack to each other at the same time, cut his head, hands and feet with one motion of a sword and then go. This blow is “an incessant blow”. Musasi added to his book “35 articles on sword-play”. In those articles, he, for example, wrote: most of the people look at the eyes of the enemy. But at this time the eyes should be narrower than they are, and the consciousness should be wider than it is in usual time. When the enemy is close to you, look at him as though you look to far away, this time you can see all his body [12, P. 114–115].

Taking the cultural values as information or text emphasizes communicative aspect in culture. If a novel is never read, then it remains as a material, i. e. as the paper. For this reason, the academician Kamal Abdulla in his book “Author-work-reader” which he published in 1988 took the prose in a communicative trio, i. e. “addresser- text-addressee” chain. With this, the scholar showed that the prose is a prose with the consciousness of the reader and so, meets all criteria of an art work. The analyses in the book were not the soul of the dead materials, but the analyses of the art works having their soul and life, because in these works the spirit of the recipient was felt. Without that soul the text does not turn into paper and cardboard [13, P. 37]. As well as, a ring or a bracelet will remain as a gold metal without any aesthetic significance if the humanity will disappear. In Soviet period M. S. Kagan and L. N. Stolovich brought a serious innovation to the issue of objectiveness and subjectivity by applying axiology to an art and culture [14, P. 30–31; 39–45]. They showed that the value is not things and items. The value is a cultural event occurring from the contact of the item and the consciousness of a man comprehending it. When culture study reflected the concept of value with the help of axiology, it was engaged in methodological research. Noting it in any case, we should say that once the cultural events and facts are called information, the concept of value of the unity that passes the information and that receives it projects it to the unity of what comes from nature to what comes from subject. However, at this time, the question still remains open: if the components in the value coming from the nature are material reality, then how it can be called incomplete from the point of view of culture? When this question is asked about beauty, it becomes clearer. There was a time when beauty was related with symmetry and proportionality. It came out that as the weight is inherent to the item in an objective way, then beauty also is inherent to nature with its symmetry and proportionality. Later methodological analyses of the values in aesthetics

led to such a thought that symmetry and proportionality in beauty serve to expressivity of a form. But beauty appears when this expressive form reveals to a human in an impressive way. Thus, the beauty is not only physical parameters, but also the meanings coming from the human world. It was a revolutionary view denying vulgar objectiveness and materialism related with aesthetics and culture. We would like to add that the view that we have stated was formed approximately at the same period with the analogical thought in nature study. If the culture covers all forms and consequences of human actions, then swearings are also cultural facts. Because of it, "swearing culture" of a nation is a normal scientific phrase. Thus, the swearing are also cultural values. But is that correct to call them uncultured?!

The proposal of using the term "anti-value" in relation with these cultural facts does not solve the problem, it just "covers", because "anti-value" takes the swearing, fights, hatreds out of the human culture, i.e. declares them uncultured. But if they are uncultured facts, then they refer to the nature. However, no one can think of proposing to study swearing and bad manners according to the laws of physics or astronomy. It is not hard to demonstrate that uncultured and immoral events can be analyzed only according to culturological methods. Therefore, the serious problem of the culturological methodology is to bring clearness into the issue of negative values. In the science there are Zeno's aporias, "riddles" in the type of "Barber" paradox which have not found their resolution [15, P. 150–151]. The value issue in culture study is such a paradox of a science that waits for its resolution.

In connection of psychology with a brain, its placement in a brain has serious epistemological and methodological problem. American philosopher and psychologist William James in his work "Pragmatism" said that a prisoner under a glass dome can think that the light comes from this dome. Just as we have a habit to think that the consciousness comes from the brain. However, there is another way of thinking which is based on a logic that the consciousness is given to us by means of brain, but it is not a product of brain. Such a metaphor indicates to this idea: when one of the wheels of a watch is broken, the watch will not show the time. But we cannot conclude

from it that this wheel makes the time run. So, if a man loses his speech due to a damage of a part of a brain, it does not indicate that it was namely that part which produced the speech [16, P. 37–38].

Thus, the cultural values, information does not exist outside the human consciousness. The old question related with a beauty keeps its topicality in regard to culture also. If the humanity is destructed, if the humanity which admires flowers, thinks over meaning of the sacral world in pyramids is destructed, will those flowers and those pyramids remain as monuments transferring beauty and information? Of course, they will not, what will remain is the structure of the information and component of a value coming from a nature. Karl Yung stated: as the state of mind is not managed by means of a will, it is a nature. Because of it, it is impossible to turn it into something of artifact character without hurting a man [17, P. 84]. These words open a significant issue for a culture study. In the concept of culture, usually, what comes from the nature and what is taken from the nature are considered material facts. Spiritual qualities (thoughts, meanings, feelings) are considered coming from a human, a society. However, this division is absolutely wrong. Actually, it is right that a human as a social creature has such moral and mental qualities for which he should be grateful to a social world. But even in a psychological and spiritual world of a human the nature has a strong representation. We even do not talk about the biological remains hidden in deep layers of purely spiritual circumstances. The subconscious world of a human is a nature fact. A series of biological requirements of a human is also nature facts.

Yet we do not speak about congenital ideas which have never been denied in the philosophy. Descartes told that the human has such kind of ideas. Kant's aprior forms are another variant of congenital knowledge. In contemporary time the linguist Khomskiy returning to congenital knowledge once again put forward such a hypothesis that the bases of speaking ability is congenital [18, P. 18]. Meeting of the nature with the psychology have this kind of problems.

References:

1. Lotman Y. M. Semisphere. Culture and bang. Inside the thinking worlds. Researches. Notes. Saint-Petersburg «Art-SPB», – 2001, – 703 p., – P. 394–395; Lotman Y. M. Articles on semiotics and topology of culture. Selected works in three volumes, – V. 1. – Tallinn: Alexandra, – 1992, – P. 247., – P. 9. Drach G. V. Culture study: for bachelors and specialists. SPb.: Piter, – 2011. – P. 384.
2. Noel Smith. Modern systems of psychology. SPB.: Prime-Euroznak, – 2003, – P. 384.
3. Marx K., Engels F., Contrast of materialistic to idealistic views – P.15–81.//German ideology. Moscow, State Publishing House of Political Literature, – 1955, – Works., – 2nd edit., – V. 3, – P. 629.
4. Kolesnikov A. S. History of philosophy. SPB., Piter, – 2010. – P. 650.
5. Mehdi N. A. F. Impacts of Losev to Azerbaijan philosophy//Modern philosophy and Azerbaijan. B.: «Science», – 2011, – P. 489.
6. Bergson A. Creative evolution, – V. 1., – Saint-Petersburg. Rus publishing house. – Thought, – 1914, – P. 331.
7. Philosophy L. F., – P. 2. – M.: MSUI, – 2008, – P. 350.
8. Pereverzev L. B. Art and Cybernetics. – M.: Art, – 1966, – P. 150.
9. Tusi N. Kh. Akhlagi – Nasiri. B.: Science, – 1980, – P. 256.

10. Guluzada M. On Fuzuli's theoretical thoughts about poetry. – P. 59–80//Mahammad Fuzuli. Scientific-research articles. Editor: Akram Jafar. – Baku, Azerbaijan State Publishing House, – 1958, – P. 386.
11. Kitabı-Dada Gorgud. B.: Ganjlik, – 1978, – P. 182.
12. Winston L. King. Dzen and the way of a sword. Experience of comprehension of samurai psychology. – Saint-Petersburg. – 1999, – P. 146.
13. Abdullayev K. Author- work-reader, – Baku, Yazıçı, – 1988. – P. 156.
14. Stolovich L. N. Nature of aesthetic values. – M.: Political literature, – 1972, – P. 271.
15. Philosophy A. Y. Part 1. Subject of philosophy. Ontology. – Odessa: Science and Technology, – 2009, – P. 196.
16. Spirkin A. G. Consciousness and self-awareness. – M.: Political literature. – 1972, – P. 303.
17. Yung K.G Analytic psychology. – M.: Martis. – 1995, – P. 399.
18. Stepanov G. V. Panfilov V. Z. Ontology of language as a social phenomenon. – M.: Science, – 1983, – P. 309.

Section 5. Linguistics

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-24-26>

Gatiba Chingiz Mahmudova,

PhD, Associate Professor

National Academy of Sciences of Azerbaijan

Leading researcher of the department of Turkic languages

E-mail: dr.gatibe@gmail.com

A comparative analysis of the ways of word-formation in modern Azerbaijani and Turkish languages

Abstract: The differentiation of derivational affixes in the Turkic languages on the semantic fields are discussed in the article. In the Turkic languages, not all lexical affixes are involved in the process of derivation with the same manner. For the first time the formation of words in different languages, with different values by means of identical derivational (lexical) affixes are discussed in this article.

Keywords: derivational affixes, derived words, differentiation of semantic areas, the Turkic language.

Since the very first day that the human being began to speak and communicate there emerged a need for formation of new words. As the cultural level of the nations raised, science and technology developed, the new words have been brought to the language. To drop a word from the literary language takes the nation away from its ancient history and national culture. Because of it, it is not a good tendency to extract the words of Arabian and Persian origin which have been used in our language for thousand years and already become naturalized and to replace them with new words. But it is also an undeniable fact that no language can remain in a stagnant state. Changes take place in every language. And this process is inevitable.

Nothing is so similar to the tree like the language. Just like the trees the languages also periodically drop the leaves which have lost their color and grow new ones. The leaves of the language are words.

Word formation emerges as the way of meeting the need existing in the language. Time by time as the new words appear in accordance with arising needs, simultaneously some words can drop off from the language. For example, there used to be a lot of words in our language which were used in the latest century, but are no longer being used, and also there are a lot of lexical units and phrases in our present-day language which did not exist in the previous centuries.

Field of linguistics which studies the new words coming into the language is called word formation. Word formation is the way of creating new words in different ways. In modern Turkic languages the process of word formation is realized in different ways. In the current article the ways of word formation in Azerbaijan and Turkish languages will be studied, as well as their similar and different features will be analyzed in a comparative way.

“Together with the morphological and syntactic ways of word formation, also reductions (abbreviations), revitalization of archaic words, change of the semantic meaning, word borrowing from other languages, word formation by a phonetic way and other ways of word formation are highlighted in the grammar books which have been published recently” [1, 5]. There is no source where all of these enumerated word formation ways are studied all together. Marcel Erdal is researching this topic widely [2]. Although the basics of the work is word formation by a morphological way, synthetic way of word formation, word borrowing from other languages, word formation by back and front assimilation have also been talked about here. Word formation in Azerbaijan language is divided into 3 groups: word formation by a lexical way; word formation by morphological way; word formation by syntactic way. Almost all linguists engaged in word formation have used this division. S. Jafarov who for the first time widely studied word formation in Azerbaijan linguistics refers to the lexical way of word formation the followings: new words created in the account of dialects and accents; in the account of borrowed words; in the account of implication of new meanings, by change of the phonetic composition, simplification of derivative and compound words [3, 135].

While talking about word formation in other Turkic languages, only morphological and syntactic ways of word formation are meant. Phonetic and lexical ways of word formation almost are not spoken about. It is strange that the scholars who make researches on Turkish language while talking about word formation speak only about derivative and compound words. Majority of the works written on this topic even do not include compound words. Only professor Sh. H. Akalin in his researches talks about different ways of word formation.

One of the richest ways of the word formation in Turkic languages is word formation by means of suffixes. Word formation in this way is an unchangeable rule of Turkish word formation. Mainly productive suffixes are used in morphological way of words formation. Sometimes less productive suffix also can bring vitality to the language.

Word formation by means of affixation is the most wide-spread way of word formation in Turkish and Azerbaijani languages which are agglutinative languages. Most part of the vocabulary of the Turkish language consists of the words made by means of lexical suffixes. The words created newly by adding suffixes to the stem or beginning form of the word are very often topic in the works and trainings on grammar. In morphological way of word formation word-forming suffixes are mostly studied. Almost 300 lexical suffixes exist in Turkish language.

In Azerbaijan language there exist about 200 word-forming suffixes. Most of them refer to the derivative names. Since the middle of the XIX century, lexical suffixes of Azerbaijan language began to become the object of researches. These researches began with MirzaKazimBey, Budagov, Lazarev, Vazirov, Mirza Mammad Afshar, and later continued with S. Jafarov. KazimBey in his both books gives more than 20 forms of nouns derived from the verb [3, 57].

However, word formation in morphological way does not meet the need for new words in the language. New words are also created by means of combining two words. To create a new word by forming word groups is also one of the ways of word formation. This way makes a new concept by implicating a new semantic meaning to the words already existing in the language. This is a very natural way used in meeting requirements for new concepts in this language. In this type of words the concept or idea is conveyed not only by a single word, but also by means of several words. But it also can be that word groups are not enough for conveying the new concept in the language.

Conveying the meaning of the new words by word groups has come into being in the latest centuries. This traditional way is stronger in Turkish language. For example: Let's pay attention to the samples: *yerçekimi*, *hanımeli*, *sesbilgisi*; *beyazpeynir*, *açıkgöz*, *topluigne*; *eliaçık*, *ayakyalın*, *günübirlik*, *sırtipek*; *gelebilmek*, *çıtır*, *günaydın*; *ateşkes*, *denizaltı*, *elaltı*,

gözaltı, *suçüstü*, *olağanüstü*, *insanüstü*, *gökdelin*, *demiryolu* = *demiryolu*, *buzlucam*, *kalinbağırsak*, *doğumevi*, *"genelkurmay"*, *"yükseköğretim"*, *karayolları*, *"dışişleri* etc.

In Turkish language the main word formation ways are the followings. Morphological way of word formation, syntactic way of word formation, word formation in account of the borrowed words, reduction (abbreviation), sampling, clipping, fiction, back and front assimilation, ellipse, word formation by means of an accent, transition of proper nouns into common nouns.

Word formation has not been studied in grammar books and scientific researches in Turkish language. According to Sh. H. Akalin, the word firstly appears in the folk and later begins to be used by the writers. Then it enters to the vocabulary.

Turkish linguist Hamza Zulfugar talked about the ways of word formation in Turkish language. If to consider that each term is first of all a lexical unit, a word, then we can refer ways of formation of terms to the ways of word formation also. As one of these ways, Hamza Zulfugar shows as a sample term formation in other languages.

By this method, words are created by taking as sample phonetic and structural peculiarities of one word [4, 157]. By this method, a lot of terms and words have been formed in Turkish language. For example, the word "kuzey" has been created just because it looks like the word "güney", although it does not correspond to the law of harmony. The root of the word "kuzey" "kuz" in Anatolia dialects is used in the meaning of "the place hidden from the sun, the side of the mountain where the sun light is not fallen". In Azerbaijan language there is a word "guzulamağ". It means "the state when the lime begins to crumble out of the wall on which the sun does not fall". This state is called "divarınquzulaması". M. Ali Aghakay says that the word "tashit" in Turkish language has been formed at the result of sampling from the word "binit" in "Kitabi — Dada Gorgud" [5, P. 12–13].

In Turkish language the word "imge" is formed at the result of sampling from the French word "imaj". Also the word "belleten" has been formed at the result of sampling from the French word "bulletin". The words "kamutay, yargıtay, danıştay, sayıştay" comes from the word "kurultay". But the root of these words is in Turkish. The suffix *-tay* came into Turkish language from Mongolian language in the ancient times.

References:

1. Akalin Ş. H. Word formation in Turkish language, Researches, – Baku, – 2015, – No. 2. – P. 5–15.
2. Erdal M. Old Turkic Word Formation, A Functional Approach to the Lexicon, Wiesbaden: Otto Harrassowitz, – 1991.
3. Jafarov S. Modern Azerbaijan language. "Maarif" publishing house, – Baku, – 1982.
4. Zulfugar Hamza Term problems and term forming ways. – Ankara, – 2011.
5. Aghakay M. Ali "On analogy", – Turkish language, edition – 133.
6. Timurtash F. Word formation and incorrect formed words in – Turkish language. Articles (Language and literature studies). – Ankara. – 1997. – P. 321–330.
7. Yusifov M. Basics of the phonetics of Azerbaijan language. Science and education, – Baku – 2012.
8. Zeynalov F. Comparative grammar of – Turkish language. – Baku, – 1974.
9. Tatar grammar. – Volume 1. – Kazan, – 1993.
10. Timurtash F. Fiction, fictional words and word formation in – Turkish language. Articles (Language and literature studies) – Ankara. – 1997. – P. 330–344.

11. TDK. Turkish Dictionary (edition 11). – Ankara: Turkish Language Institute Publications, – 2011.
12. Nishanyan S. Etymological Dictionary of Modern Turkish language, Istanbul: Everest publications, – 2009.
13. İmer K., Kojaman A., Ozsoy A. S. Linguistics Dictionary, Istanbul Bogazici University Press, – 2013.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-26-28>

*Ibadova Lala,
AUL, Azerbaijan
E-mail: matlabm@yandex.ru*

Linguaculturological and Linguaphilosophical Integration of Arabism's into the System of Spanish Language

Abstract: The article has been written on the basis of comparative-typological method in the study of the languages (Arabic and Spanish languages) belonging to different language systems (Arabic belonging to semiotic type of languages, and Spanish belonging to the analytical type of languages). The main goal of investigation is to discover Arabisms which entered the Spanish language system and explain the conditions, causing the entrance and integration of Arabism's into the Spanish language system.

Keywords: Semitic languages, linguaculturological, linguaphilosophical, national culture.

1. Introduction. In the latest period the fact that lexic units belonging to foreign languages entered the European languages, including the Spanish language, being closely linked with the existing processes taking place in the world, is of special importance. Borrowing of foreignisms under the influence of widely spreading of extra linguistic factors occurred in several aspects:

- firstly, as a result of widening intergovernmental links, spreading of information strengthened and became richer;
- secondly, different aspects of changes taking place in all the fields of social-political life of modern Spain;
- thirdly, it is entrance of integration processes into active phase in the economic space of the world, in which a number of terms bearing international character act dynamically in the above-mentioned field. At present migration process from other countries towards Europe is taking place and along with this, integration of languages is taking place as well. To day, in the dynamically developing society, tendency to internationalization and integration of human beings in different fields of activity in the world is more conspicuous. In the actual stage of development of many-sided relations with other countries turned the importance of the language communication to a great reality in the human society.

Arabic language in the afroasian language micro scheme belongs to semiotic languages. Semitic languages, belong to the language family used in the near and middle East and in North Africa. At the modern stage the bearers of the Arabic languages are of greater interest. The number of speakers of the Arabic language in daily communication is more than 420 millions of people and related to this, there is no doubt that the Arabic languages influencing on the other languages of the world find their active usage in other languages as well. In this respect, study of Arabic borrowings in the Spanish language is of both theoretical and practical importance. Entrance of Arabism's into

the European language, especially into Spanish language might be of more interest if Arabic language, which is not understandable for the Europeans, did not prevent it. Despite this, active bilingualism, existing between the Spanish and Arabic languages continuing for centuries, which possess different language structures, shows the one-sided influence of the Arabic language on the Spanish language on the lexic level. As a result of this influence, Arabic words in the notable degree have subjected to both phonetic and orthographic changes of rules and in the later stages this process covered the grammatical and semantic fields as well. In the modern national variant of the Spanish language, the borrowed words from the Arabic languages are not only purely linguistic phenomenon, but also it is linguaculturological phenomenon, which is conditioned by the cognition of world panorama of language speakers. As new filled of knowledge, restoration of world panorama and its interpretation substantiates the anthropocentrism of humanitarian knowledge and as an article these notes determine the urgency of our investigation.

2. Historical condition of spreading Arabism's. In the middle ages the Arabs who turned to one of the leading powers, played more important role in the development of the world of middle ages. First of all, Arabic tribes invaded Arabic peninsular and mainly were busy with cattle breeding and ploughing and also went on capturing productive territories of other peoples and were also engaged in trading and commerce. In the VII century in the lives of the Arabs a very important event took place: development of trading bore an intensive character and Middle Age Arabic language was founded. Just in this period the Arabs presented to the world a new religion-Islam. Khilafet, establishing the Arab state, on the account of occupation of different tribes continuously widened its borders. By giving new names to the dwelling localities, which were gained as a result of occupation of territories of other countries, they created names in their own language as well (Aleppo, Sudan

etc.). It is worth mentioning that Spain was under the Arabic supremacy for 781 years (711–1492).

In the midst of the VIII century, the territories which were under the occupation of the Arabic Khilaphet, starting from the shores of the Atlantic Ocean, including Asia, Africa and Europe stretched till the borders of China and India. In the occupied territories the Arabs integrated with the living conditions of native people and without changing their religion, they offered them to pray religion of Islam.

Arabic envisions in the VII–IX centuries made the Arabic language known to the international community. Lexical units from the far Arabian countries continued their creative activity on the foreign lands. These words entered the local languages, mixed with them, sometimes lost the initial pronunciation and meaning of the words and in most cases they indicated the names of objects and notions, which were unknown to the local people. In this respect, if in the initial stages the linguists were interested in the formal sides of the language, namely, in morphology and phonetics, later on they were interested in syntax as well. Speaking of the lexic units we must mention that attention was focused only on word-forming processes.

3. Linguaculturological and linguaphilosophical attitudes in the borrowings from Arabic language. In the investigation the reasons of entering Arabism's into other languages, application of sciences of linguaculturology and linguaphilosophy, to the fields, which are not linked with linguistics might be more important.

We must note that learning of any language is closely connected with learning of the culture of the people, because as the culture of this or that nation finds its reflection in the language *"we understand our culture with the culture of other people by the way of comparison of these cultures via languages"* [1]. Thanks to the interest of language and culture in the XX century a new direction in the language, called *"linguaculturological"* was created [1]. This field considers the language as a field in which linguistic information was collected and protected, thus, connection between culture and language is undeniable. In the investigation of [2; 3; 4] and others, borrowings are studied from the linguaculturological view points. Linguaculturological aspect considers the entrance of foreign lexical units and the ways; they bring with themselves cultural information, peculiar to the source language. *"In the language of national culture both international and national and social and class factors find their reflections"* [5].

4. Study of borrowings. Any word in a text is the bearer of historical-cultural information. In this respect, as any language phenomenon borrowings too are considered as a result of mutual influence of cultures on one another and creation

of new notions in a language must be valued as the result of exchange among cultures [6].

It is also worth mentioning that intellectual and more development of a nation finds its reflection in the culture of that nation and as a result, thanks to the borrowed new lexical units the language which borrows words, gets acquainted with the cultural heritage of the language, from which the words are borrowed [7].

The American linguist and culturologist of the XX century E. Sepir (1884–1939) noted that the pieces of information which these borrowings discover *"give well enough information for the measures of time notion, for the dimension and character of influence of different foreign cultures"* [1].

View points of philosophers on the borrowed words are of interest too. For eg. Greek philosopher Plato noted that, it is impossible to gain any result in the determination of the origin of any word, then the very word can be considered as a borrowed word. Thus, the philosopher, saying these words meant that in the materials of the language, which borrow words, the etymology of the borrowed word can't be coordinated.

One of the philosophers who said that in a language, it is necessary to see more except the subject of the linguistic analysis of a language (closed system of autonomous signs, acting as to its own objective laws, not depending on the foreign realities) is Martin Haydeger. He pointed out that after having distinguished the borrowings in the language, which borrows words; a linguist going deeper into the historic realities says *"we are swimming within the foreign words"*. As to him, study of borrowings consists of the analysis of words not being native words in the language, which may bring to their sources and to the *"beginning of the history of their homeland, with which going back into the depth of our history, we gain the possibility to build up our future"* [8].

5. Conclusion. The thesis on the ground of the political and linguistic, panorama of the world is urgent and studying the problem of borrowings which are linked with different fields of science, including linguaculturology and linguaphilosophy is extremely important today.

We may come to the conclusion that borrowings being linguistic problem can be determined as a historical process going on for centuries. On the example of the Arabic borrowing we may come to the conclusion that Arabic borrowings in the Spanish language started its realization in 711 since the Arabic invasion of Spain, up to the present time.

Any word in any text is the bearer of historical-cultural information.

Some of the most frequently used borrowings are illustrated with the examples in the both Arabic and Spanish languages to show how wide the scope of borrowings are and how they are linked with linguaculturology and linguaphilosophy.

References:

1. Khrolenko A. T. Bases of linguaculturology [Text]: textbook/A. T. Khrolenko. – M.: Flinta, science, – 2008, – 181 p.
2. Novikova T. B. Borrowings of cultural concepts (on the material of the English and Russian languages) [Text]: abstract of the dis. for cand. of phil. sciences: 10.02L9: defended. Dn.15.09.05/T. B. Novikov; Volgograd; State ped. university – Volgograd, – 2005, – 21 p.

3. Gerder T. G. Treatise on the origin of language: translation from German [Text]/T. G. Gerder: – M. Publishing house LKSh. – 2007, – 88 p.
4. Lanina E. E. Ideas and signs: semiotics, philosophy of language and theory of communication in the epoch of French revolution [Text] E. E. Lanina. – SPb.: interregional institute of economics and legislation, – 2004, – 248 p.
5. Sharafutdinova N. S. Theory and history of linguistic science [Text]: textbook/N. S. Sharafutdinova, – the second revised edition. – M.: ACT: East-West; Vladimir: VKT, – 2008, – 381 p.
6. Maslova V. A. Linguaculturology [Text]: textbook for the students of higher educational establishments/V. A. Maslova. – M.: Academy, – 2007, – 202 p.
7. Gromova, O. G. Interaction of Russian and West-European cultures in the period of formation of Russian literary language: end of XVII century and the beginning of the XVIII century [Text]: dissertation for the candidate of culture: 24.00.01. defended on 24.06.04./O. G. Gromova-Kemerovo – 2004, – 172 p.
8. Khaydegger M. Recollection [Text] Explanation of the poetry of Gelderlin Khaydegger. – M. SPb.: Academic prospect, – 2003, – P. 165–317.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-28-31>

*Nikiforova Olena,
Candidate for a Degree, Research Assistant
Military Institute of Taras Shevchenko National University of Kyiv
E-mail: elenanikiforova3@gmail.com*

Military-Political Translation in the Context of the Theory of Military Translation

Abstract: The article considers military-political translation in the context of the theory of military translation, defines its place among other types of military translation. The functions performed by the military-political texts have been analysed as well as genre and stylistic features, a definition of military-political translation has been formulated to establish a verbal model of military-political translation.

Keywords: theory of military translation, military-political translation, military-political texts.

Introduction. The state policy in the domain of security, defence and military organization is the guarantor of Ukraine's development as an independent and full-fledged member of the world community. Under current conditions national military policy affects all life areas of the state. Military reality has been way beyond interests of military specialists and extended over the other areas of social life. Involvement of volunteer, governmental and non-governmental, foreign and international organizations prove this fact. There is an intensive search for new forms of military-political international cooperation, as for instance, the establishment of the Defence Reform Advisers Board under the Reform Committee of the Ministry of Defence and the Armed Forces of Ukraine represented by leading world countries. New concepts, doctrines and strategies are being developed with due regard to the international experience and realities of nowadays. This leads to intensification of practice of military interpretation and translation, requires generalization and theoretical understanding of the accumulated empiric material, further scientific substantiation of the theory of military translation (TMT) as well as stipulates the increasing role of military and military-political translation (MPT) in the sphere of intercultural communicative mediatorial activity.

The rationale of researching MPT is caused by the need to process the accumulated empiric material as the result of

active military translation practice in the field of military policy, dynamic development of the theory of military translation, the necessity to develop and systematize conceptual apparatus of this special translation theory.

The article is aimed to define place of MPT in the military translation system, specify functional and genre and stylistic features of military-political texts, formulate the concept of "military political translation" within the conceptual apparatus of TMT.

A review of recent papers suggests that MPT has not been studied holistically as a specific type of military translation, although, some genres of military-political texts were targets of thesis researches. In particular, note verbale, information report [1], Defence Code (Code de la Défense), Instruction Manual of the General Staff of the Armed Forces of France, the Parliamentary Assembly of the Council of Europe Resolution and Recommendation [2], military-political periodical publications, UN and NATO peacekeeping operations' military documentation [3] were researched as official style texts without being referred to the specific type of military translation.

O.Yu. Solodiak tried to distinguish the concept of "military-political style" as a form based on the attachment of certain quality characteristics to texts functioning in the military-political sphere of human activity, and which contains in-

formation (speeches, reports, statements, messages), analytical (annual publications, program reviews) and regulating (acts, pacts, treaties, directives) genres [4, P. 338]. The author also operated such concepts as “military-political genre” and “military-political text”, but did not give a definition.

Presentation of basic material of the research

The development of the general translation studies is impossible without an analysis of translation types and consideration of their internal characteristics and relationships [5, P. 225]. V. N. Komissarov singled out three factors that should be considered in describing certain types of translation. Firstly, the mere reference of the source text to a specific functional style may affect the nature of the translation process and require translator to apply special methods and techniques. Secondly, the focus on such source text may stipulate stylistic characteristics of the target text, and thus the necessity to choose such language means that characterize similar functional style in the target language. Ultimately, as a result of the interplay of these two factors, the very translation peculiarities may be manifested and connected with both common features and differences between language features of the similar functional styles in the source and target language, and special conditions and tasks of such type of translation [6, P. 109].

According to V. V. Balabin, TMT is a special genre-and-style theory because the translation/interpretation mediation in the armed forces is primarily performed in the area of linguistic and speech variability of texts with combined-arms, military-political, military-technical and military-special topicality [7, P. 104]. The author points out that the concept of military-political translation belongs to the basic concepts of TMT that have been successfully verified in the expert environment of scholars, educators and practitioners of military translation, and consistently presented to the scientific community over the last fourteen years. From this perspective we may state that concepts “military-political translation” and “military-political texts” belong to the main concepts of TMT and therefore require comprehensive research, analysis and well-grounded definition.

The current status of scientific research in the area of TMT in Ukraine has been thoroughly analyzed in the article “Prerequisites for the establishment of the academic school of military translation in Ukraine” [8, P. 111–114].

Some authors address concepts of “military-political translation” and “military-political texts” in the context of socio-political translation. According to L. L. Nelyubin, military-political materials are military only by their purposefulness and topics and, in general, possess the same features as those of all socio-political texts [9, P. 11]. With regards to military-publicistic and military-scientific texts, R. K. Minyar-Beloruchev also believes, that their formal characteristics coincide with similar materials from other areas of life and have been highlighted in a range of publications extensively enough [10, P. 11]. To a certain extent this relationship may be substantiated by the fact that military domain belongs to the social one as a part to the whole, because it is an integral sphere

of public life. However, it should be noted that the listed statements of such honourable scientists and translation studies experts as L. L. Nelyubin and R. K. Minyar-Beloruchev were presented in scientific works for more than 35 years ago. The TMT has been in constant development during this period and the sublanguage of military-political texts has undergone significant changes, reflecting in the relevance of complex analysis of this type of translation. MPT has acquired its characteristics and features under the influence of various social and political events and phenomena allowing to distinguish it as a separate type.

Let us consider features of socio-political translation to correlate them with MPT.

According to the functional and communicative orientation V. V. Alimov distinguishes literary, special and socio-political (general) translation as a separate type including socio-political and publicistic texts [11, P. 26]. In terms of the adequacy achievement this type of translation has features of both literary and special translation [11, P. 27]. MPT is inherited only with the special translation features.

Socio-political translation is usually addressed within the publicistic style and is represented by the following texts: statements, speeches and addresses of national leaders, political and public figures, publications of international, governmental and non-governmental organizations, various socio-political articles, etc. The distinctive features of these texts include notions of propaganda and campaigning, vivid emotional colouring, saturation with different terminology, and addressing a wide audience, indicating the open public nature of these texts.

Military-political texts, as opposed to socio-political ones, are focused on the narrower, more professional audience, and characterized by functional parameters that usually do not envisage emotional and expressive impact on the addressee. Exceptions are genres of military-publicistic texts which belong to MPT as a separate sub-type according to our classification (e.g. speeches and statements of higher military authorities, interviews, anti-terrorist operation press centre news, briefings of the ministry of defence spokesperson, articles in military periodical publications, news from official websites of military structures) that should be subject to individual research due to the accumulation of the sufficient empirical basis. Subsequent to G. M. Strelkovskiy, we deem emotionality and expressivity in these texts to be attained by indirect means, by the frequent repetition of the same idea, but using different lexis with a gradual involvement of additional argumentation that gives narrative an expressive tone, transforms the content understanding to the area of emotional perception, contributes to the formation of certain convictions [12, P. 122].

In our view it makes more sense to research MPT within military, rather than socio-political translation.

Genre and style classification is generally recognized in Translation Studies which makes it possible to single out literary and informative translation. Depending on the functional style of the source text informative translation is divided into

subtypes. Further typology is made based on the prevalence of certain stylistic features (as wording, structural commonality), functional purpose, informative purpose and focus on a particular recipient. MPT is a type of military translation, which is singled out among the other types based on thematic criteria and features of the genre and style affiliation [13, P. 39].

Let us consider functional and genre and style features and peculiarities of MPT.

According to O. I. Cherednychenko functional style is a variety of language used in a typical social situation, and is distinct from other variants in its linguistic, grammatical and phonetic features [14, P. 87].

Official style is a functional style of military-political texts as far as they are functioning in communicative macro-environment in the sphere of specifically official relations. The mentioned environment is an information system of functional and stylistic relations, the invariant basis of which is formed by the social (pragmatic) function of obligatoriness and formal (stylistic) function of officiality [15, P. 30].

The invariant pragmatic function of obligatoriness and imperative nature in military-political texts is manifested through the following functions:

- *directive* (imperative or appellative function of an incentive to action), as documents content is binding upon those to whom they are addressed (law, directive, regulation, order, act);

- *regulatory and normative* function of establishing norms and rules of behaviour under certain conditions (instruction, manual), that also includes the function of regulating relations between the contracting parties (treaty, agreement, memorandum, contract);

- *informative and analytical* function, resulting in highlighting the current state of the armed forces and the main directions for further military development to inform the public on the activities of the armed forces as well as the defence policy of the state (Strategic Defence Bulletin, the “White Book” annual publication);

- *conceptual doctrinal and regulating* function (the National Security Strategy of Ukraine is a compulsory document which is the basis for the development of other strategic planning documents in the area of national security, including the Concept for the Development of the Security and Defence Sector, Military Doctrine, Military Security Strategy, Cyber Security Strategy, other sectoral strategies, state programs for the development of the security and defence sector bodies [16]).

The stylistic function of officiality is characterized by the following features:

- *formality* is defined by the military-political texts’ fields of application to be discussed below;

- *impersonality* (impersonal nature) of the text is manifested by the statement on behalf of specific institutions (state, law, armed forces, ministry of defence, general staff etc.); some texts contain president’s statements as the supreme commander-in-chief of the armed forces or other military authorities of

the state, however in this case the author’s individuality is hidden by the document’s style and excludes the subjectiveness of the information representation;

- *objectiveness* is achieved by the absence of personalization, as military-political texts are normally elaborated by a group of authors and depend on political objectives of the state rather than the opinion of a particular person;

- *non-emotiveness* is grounded by the nature and functions performed by military-political texts, areas of application of these texts (e.g., military-political texts lack exclamation marks indicating expressive emotional colouring that is not typical for military-political texts);

- *stereotypeness* is manifested by the commonality of the linguistic layout of texts, generating well-established language formulas and clichés ensuring accuracy and unambiguity of information perception and transfer.

Thus, MPT’s functional style is defined by the leading function of delivery of official doctrinal/conceptual information along with persistent stereotype schemes realizing this function.

According to Ye. A. Selivanova every text manifests the specific language genre in communication process, has a distinctive structural and compositional, semantic, intentional and pragmatic nature [17, P. 27]. Military-political texts’ analysis made it possible to outline typical communicative situations in which MPT genres function, defined by the *spheres of these texts functioning*.

The main sphere of functioning of military-political texts includes military policy which encompasses state policy in the domain of national security, defence and military organization, state forecasting and strategic planning, defence planning policy and defence review, military-political situation, real and potential military threats to national security, development of defence capabilities, military-political control of the armed forces and preparing the state for defence.

Another important sphere includes international cooperation along military-political line, strategic dialogue on defence policy with partner countries and international organizations, international peacekeeping and security operations, providing military assistance to foreign countries, sending the armed forces units to other countries, conclusion of international agreements, observance and fulfilment of commitments under international treaties on military-political issues.

The above mentioned spheres determine thematic or topical content of military-political texts as well as the choice of language means affecting the formation of genres in these texts.

Thus, the MPT’s functional style is formed through the influence of such extralinguistic factors as function, communication sphere, situation and statement’s content (topic) stipulating translation. The comparison of these style-forming factors allows to distinguish differences and similarities for various types of military translation as well as to single out them as separate types. Informative function is relevant to all military texts, and doctrinal and regulating function — only for mili-

tary-political texts. Most discrepancies may be observed when comparing communication sphere and statement's topic.

In view of the conducted analysis, the MPT might be defined as a type of military translation, providing for the fulfilment of intercultural communicative mediatorial function in the area of military policy, national security and defence based on functional identity of military-political texts and considering extralinguistic style- and genre-forming factors. The formulated definition may serve as a basis for the improvement of MPT verbal model in the context of TMT in the future.

Conclusions. Military-political translation is singled out among the other types of military translation (military-technical and military-special) based on thematic criteria of military-political texts' functioning (the area of "military policy, national security and defence") and features of the genre and style affiliation — functions (directive of an incentive to action, normative of regulating relations, analytical of informing and conceptual doctrinal), communication areas, genre and style features.

References:

1. Yundina O.V. Genre and Style Conditionality of Lexical Transformations in the Translation of Military Texts [Thesis]: thesis ... PhD in Philology: 10.02.16/Yundina O.V. – DZ «South Ukrainian National Pedagogical University named after K. D. Ushynsky» – Odesa, – 2013. – 208 p.
2. Honcharuk L.M. Genre Aspects in the Translation of French-Language Military Discourse Official Documents [Thesis]: thesis ... PhD in Philology: 10.02.16/Honcharuk L.M. – Taras Shevchenko National University of Kyiv of the Ministry of Education and Science of Ukraine – Kyiv, – 2015. – 211 p.
3. Yanchuk S.Ya. Peculiarities of Translation of UN and NATO Peacekeeping Missions' Military Documentation [Thesis]: thesis ... PhD in Philology: 10.02.16/Yanchuk S.Ya. – Taras Shevchenko National University of Kyiv of the Ministry of Education and Science of Ukraine – Kyiv, – 2011. – 277 p.
4. Solodiak O.Yu. Characteristic Features of Military-Political Style and Genre/Solodiak O.Yu.//Problems of Semantics, Pragmatics and Cognitive Linguistics: collected scholarly work articles/Ministry of education and science of Ukraine, Taras Shevchenko National University of Kyiv/Editor-in-chief N.M. Korbozerova. – K.: Logos, – 2016. – No. 10. – P. 338.
5. Fedorov A.V. Basis of the General Translation Theory/A.V. Fedorov. – M.: «FILOLOGIYA TRI», – 2002. – 416 p. – P. 225.
6. Komissarov V.N. Translation Theory (Linguistic Aspects): Textbook for institutes and departments of foreign languages/V.N. Komissarov. – M.: Vysshaya shkola, – 1990. – 253 p. – P. 109.
7. Balabin V.V. Ontological Essence of the Theory of Military Translation/Viktor Balabin.//XII "Military Education and Science: Present and Future" International Research and Practice Conference: abstracts [Text]/Edited by V.V. Balabin. – K.: VIKNU. – 2016. – P. 102–105.
8. Nikiforova O.M. Prerequisites for the Establishment of the Academic School of Military Translation in Ukraine/Olena Nikiforova.//XXI Century Linguistics: New Researches and Perspectives"/NAS of Ukraine, Research and Educational Centre of Foreign Languages; editorial staff: A.D. Belova (Editor-in-chief) etc. – K.: Logos, – 2015. – 208 p. – P. 111–114.
9. Nelyubin L.L., Dormidontov A.A., Vasil'chenko A.A. Textbook of Military Translation/L.L. Nelyubin, A.A. Dormidontov, A.A. Vasil'chenko. – M.: Voenizdat, – 1981. – 444 p. – P. 6.
10. Min'yar-Beloruchev R.K. Textbook of Military Translation: French. General/R.K. Min'yar-Beloruchev, V.P. Ostapenko, A.F. Shiryayev. – M.: Voenizdat, – 1984. – 447 p. – P. 11.
11. Alimov V.V. Translation Theory. Translation in the Sphere of Professional Communication: Textbook. 3d edition, reimpression. – M.: Editorial URSS, – 2005. – 160 p.
12. Strelkovskij G.M. Theory and Practice of Military Translation: German/G.M. Strelkovskij. – M.: Voenizdat, – 1979. – 272 p.
13. Nikiforova O.M. Texts Classification in Military Translation/Olena Nikiforova.//Journal "Filologichni Traktaty". – Sumy: Sumy State University, – 2016. – V. 8, No. 4 – P. 33–41.
14. Cherednychenko O.I., Koval Ya. H. Translation Theory and Practice. French. – K.: Lybid, – 1995. – 319 p.
15. Brandes M.P. Pre-Translation Text Analysis (for institutions and departments of foreign languages): Textbook/M.P. Brandes, V.I. Provotorov. – M.: NVI-TEZAURUS, – 2003. – 224 p. – P. 3.
16. The Verkhovna Rada of Ukraine. Decree of the President of Ukraine «On the Decision of the National Security and Defence Council of Ukraine as of – May 6, – 2015. "On National Security Strategy of Ukraine" [Electronic Resource]/Verkhovna Rada of Ukraine. – 2015. – Access to the website: URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/287/2015>.
17. Selivanova Ye. A. Fundamentals of Linguistic Theory of the Text and Communication: Monographic Textbook. – Kiev, – 2002. – 336 p.

Rahimov Mehdi Nizami
Ph., D, Associate professor
Ganja State University, Azerbaijan

The “Foreigner” image in Americanism — phraseologisms

Abstract. The article has been written on the basis of two sources. First: Phraseology of word combinations that reflects important aspects of American Indians life. Second: Phraseological units reflecting subjective attitude toward Indians by colonists. The main aim of the investigation is to point out the impact of phraseology that had on the development of culture, including the language, the American colonists numerous tribes of North American Indians — the indigenous inhabitants of the America.

The article studies enrichment of the English language as a result of contacts of the American colonists with Indians.

Keywords: immigrants, American English, source, acculturation, Indian, American culture, referent

National-cultural identification in the language is realized by means of naming ethnonyms, i. e. the representatives of that ethnos and the concepts which are supposed to refer to them. According to the language-carriers, behind every ethnonym stands the collection of certain stereotypes reflecting characteristic aspects and typical peculiarities of intellectual and cultural development of that ethnos. Ethnonym's acquisition an additional connotation context creates new figurative meanings which makes possible the usage of an ethnonym within a single phraseological unit. Ethnic stereotypes express the thoughts of a dominant referent group — the language carriers with high social status in that territory and are based on assessment of peculiarities of the described group different from the referent group. “This assessment in most cases carries a negative character; (as strange abnormal, not correct, harmful, wild, etc.), however in rare cases a positive evaluation (as strange, but better in quality) is also met” [2, 3–18].

As the ethnonym expresses the name of a concrete ethnic group and nation, it has a unique and single meaning and this peculiarity makes it a bit similar to the proper nouns. In spite of it, several ethnonyms, figurative meanings can emerge within a phraseological unit existing in any language and they can be used as synonyms of the phraseological variants. The reason for it is explained with the fact that similar peculiarities sometimes refer to different nations and ethnic groups. As an example the phraseologism “to get one's Indian up — to make somebody angry” used in American variant of English can be shown. British variant of this phraseologism is like “to get one's Irish up”. Such a phrase lets to conduct a comparison between ethnocultural stereotypes which is formed due to the relations to an image of Indian formed in American's mind and an image of an Irish (hot-tempered, aggressive) in British mind. A number of researchers (M. Koleman, T. Arkdikon) note that the British (and Americans which are considered their successors) have similarities in their relation to “problematic nations” –Irish and Indians. As T. Arkido says many of English colonists see a number of such similarities between these two ethnos in their clothes, household management, food, agriculture, and even in parting ceremonies with their deceased relatives [5, 18]. Majority considered local people

of Ireland and North America primitive, uncivilized and wild and in relation to them political approach, the aim of occupying their territories was almost the same. Negative stereotypes against the Irish were accepted by Americans also. As an example the phraseologism “Dumb Paddy” can be shown: *Dumb Paddy — Irishmen who do not readily understand the language and are still weak and stiff from the effects of the emigrating voyage* (1856). While speaking about variants of the phraseologism “To get one's Indian/Irish up” it should be noted that in “A Dictionary of American English on Historical Principles” published under editorship of U. Kreyg there is also a variant “to get one's Dutch up”. In “A Dictionary of Americanisms on Historical Principles” published under editorship of M. Mathew one of the meanings of the word “Dutch” is translated as “temper”, “dander” [4, 536].

In American variant of the English language the lexeme “Dutch” is not always used in relation with the Dutch. In most cases this lexeme conveys Germans *Deutsch* (*Pennsylvania Dutch*). The matter is that as the colonization period majority of Pennsylvanian population were the immigrants from Germany, the lexeme “Dutch” has not only preserved typical peculiarities of the appropriate phraseology of English language, but also could create several new phraseological units expressing humor and even humiliation to some extent: *be in Dutch — be in trouble; talk like a Dutch uncle — criticize or reprove frankly and severely; Dutch feast — a party where the host gets drunk before his guests do, etc.* [1]. While functioning as the integral part of the phraseological unit ethnonym in most cases makes impression not as typical characteristics of a concrete group, but as a stranger about a foreign concept and puts this concept against some other notion which he considers his. In order to express this case E. L. Berzovich uses the term “the words or phraseologisms conveying typical peculiarities considered inherent to a concrete ethnos or territory” [2, 4]. Such type of units in most cases conveys subjective assessment. At the result of it the peculiarities or impressions which are referred to a nation or an ethnos are distorted on purpose and changed in accordance with the interests. For example, let's have a look at the colloquial phrase *Chinese basket: this phrase is used to express the situation in basketball game when the ball enters to the basket not from above,*

as the rules require, but from below. However it doesn't mean to play like the Chinese (according to one of the versions, the meaning of this phraseologism is based on a stereotype thought about the Chinese supposing that as the Chinese are of low height they can throw the ball only from the below of the basket not above. Cursive is ours. M. R.). It seems that in this case the Chinese ethnonym is used in the meaning of "wrong, on the contrary" and carries the function of an attribute. Negative assessment is characteristic for various languages for a number of phraseologisms similar to it. The matter is the foreign concept (which is presented by means of an ethnonym) is accepted as strange, bad, harmful and unclear. A mission as to protect political exactness in the modern era in accordance with the contemporary intercultural communication/dialogue and to respect the rights of ethnic and religious groups is put forward. Therefore, ethnic stereotypes more clearly show themselves in historicisms and subneutral units (colloquial words and slangisms). The analysis of the phraseological units existing in the American variant of English language related with the image of an alien on the bases of general thoughts and prognoses allow to determine that the aliens or foreigners are accepted as the people with the following peculiarities:

1. *Aggressiveness; the thought stating that the foreigners are rude and uncivilized barbarians finds its reflection in the phrases introducing the foreigners as aggressive, hot-tempered and violent: to get one's Indian/Irish/Dutch up — to display extreme anger, rage, to become violent; a love for strange and noisy ceremonies and parties: Indian powwow — a noisy frolic or discussion.*

2. *Rudeness (impoliteness); such thought, as a rule, is due to unawareness of the etiquette norms accepted by the foreigners/strangers. Among such type of general English phraseological units there exist such phraseologisms as "French leave –to leave without saying good-bye, and in American variant of the English language a microethnonym Yankee leave — sneaking out in order not to be noticed (1853). The latter was used to express to go secretly without warning anybody in order to hide unpleasant actions. In military jargon of the American variant of the modern English language there also exist the phraseological units as French furlough and Dutch leave. These phraseologisms means "to leave a military unit without permission of an officer, not to be in the military unit". Not observing the laws by the strangers/foreigners were accepted as slyness, greed, trickery and an effort to deceive the counterpart. For example: Indian gift — a present for which an equivalent return is expected (1765); a gift that is given and then asked for back (1892)*

Dutchman's treat - slang, a meal or other entertainment in which each person pays for himself (1891)

3. *Viciousness; Besides non-approved moral peculiarities, tendency to other negative features is also additionally referred to strangers/foreigners:*

a) *To drink too much alcohol drinks:*

German goiter -joc., slang, a fat belly caused by excessive beer drinking

Dutch milk-joc., slang, beer

Dutch courage — false courage gained from drinking alcohol (BrE and AmE) Indian list (Informal, in Canada) — a list

of persons to whom spirits may not be sold. to see Indians — to become intoxicated, drunk (1850)

play/do the sober Indian — to abstain from drinking in a company engaging in drinking liquor (1832)

b) *use of narcotics:*

Chinese tobacco — slang, opium

Indian hay/grass — slang, marijuana, "weed"

China white — narc. slang, a very powerful synthetic narcotic drug resembling heroine, derived from fentanyl

b) *Sexual extremity:*

French cap — slang, a condom

Dutch cap — slang, a contraceptive diaphragm

Irish button — slang, syphilis

Chinese rot — slang, a disease of usually unspecified kind, especially a venereal disease

4. *Stupidity, incompetence; Foreigners are thought to be stupid and having a low intellect:*

to play someone for a Chinaman — west., to treat as a fool, now usually considered offensive

Irish hint — a very broad, obvious hint

Disability/insufficiency, indicates low level or completely lack of the skill

Chinese home run — baseball slang, a home run gained with little skill, by chance Chinese ace — aviation slang, an inept pilot Irish hoist — coll., obs., an awkward fall (1843).

5. *A low social status; Taking into account the above stated peculiarities, foreigners/strangers are doomed to live in poverty, to have a low social status and to be considered unwanted and unlucky layer of the society:*

Irish spoon — a shovel (1862) Indian meal — simple corn meal

to have a Chinaman's chance -coll., to have an extremely slim chance or no chance at all, now usually considered offensive

good Indian -joc., obs., dead Indian (1868)

Phraseological units referring to this group do not characterize a foreigner/a stranger absolutely. They cover the "foreigner" image generally. For example, in American variant of the English language the "foreigner" image is characterized as follows:

Unsuccessful, malicious, bringing unhappiness:

Indian sign — a magic spell designed to place the victim in one's power or bring him bad luck;

to hang an Indian sign on someone — to get the better of, to leave marks of battle upon, coll. (1946)

Dutch blessing — coll., scolding

Dutch curse — the white field daisy, so called from its annoyance to farmers (1877)

Not correct:

Dutch grocery - obs., a poorly kept, greatly disordered grocer's shop (1886)

in Dutch — slang, orig. U. S., in trouble

Chinese basket — basketball slang, a shot that enters the basket from the bottom of the cylinder before dropping back through

Irish pendant- Naut., a piece of rope hanging loose (1840)

False, fake:

Irish lemons — coll., a fake copy (BrE and AmE)

Chinese copy — an exact copy of the original, to the point of copying all the minor faults of the genuine article

Controversial — funny:

Dutchman's hurricane/Irishman's hurricane — Naut. slang, calm at sea

Chinaman's nightmare — slang, an example of uncontrollable fusion, chaos

Strange:

it beats the Dutch — coll., it's exceptionally strange, unusual

According to German psychologists B. Schefer and B. Schleder, cognitive basis of the phenomenon of "a for-

eigner' is explained with the fact that it carries an axiological danger. As it expresses the values of other language-carriers, the "foreigner" image creates a danger against local values. So, a man moves away from the main human identities and at the same time, puts under doubt his own identity [3, 24–51].

While analyzing Americanisms-phraseologisms with an ethnonym component, all meaning of the "foreigner" image involves such an attitude. The "foreigner" image is accepted as wrong and hostile or aggressive, or stupid and funny. By not accepting the "foreigner" image and a negative attitude towards it there takes place self-confirmation of one's own identity and values.

References:

1. English-Russian linguistic regional dictionary "Americana"/Podred G. D. G. V. Chernova. – Smolensk: Polygramma, 1996. – 1185 p.
2. Beryozovich E. L. About the phenomenon of lexical xenon motivation/E. L. Beryozovich//Questions of linguistics. – 2006. – № 6. – P. 3–18.
3. Schefer, B. Socio-psychological model of the perception of alien: a theoretical analysis of the basic concepts./B. Schefer, M. Scarabis, B. Schleder//Psychology. Journal of highest school of economics. – 2004. – V. 1, № 1. – P. 24–51.
4. A Dictionary of American English on Historical Principles./Edited by W. A. Craigie & J. R. Hulbert. – Chicago: University of Chicago Press, 1938–1944. – 4 vols. – 2553p.
5. Archdeacon Th. J. Becoming American: an Ethnic History/Th. J. Archdeacon. – New York: The Free Press, 1983. – 297 p.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-34-37>

Hajiyeva Galiba

PhD philological sciences, Assistant Professor
Nakhchivan State University

Traces of ancient Sumerian language in dialectal lexics of Azerbaijan

Abstract. The article deals with some issues of linguistic studies of the acceptability of ancient languages in the modern Azerbaijani language. In the study conducted by the author, it is noted that the Sumerian is adopted from the ancient Sumerian, graphic comparisons of this language with the modern Azerbaijani language are carried out and it is confirmed that the modern Turkic language is the most ancient graphic language among world languages. It is noted that the Sumerian language was created in Eastern Mesopotamia 4000 years ago and was replaced by Akkadian in the early 2000s BC.

Key words: dialectal vocabulary, graphic language, Sumerian language, modern Turkic language, modern Azerbaijani language

Linguistic researches carried out on an ancient Sumerian language which is considered the first graphical language confirms the current Turkish language to be the most ancient graphical language among the world languages. Sumerian language was spoken in Eastern Mesopotamia 4000 years ago and was replaced with Akkadian language at the beginning of 2000s B. C. as a spoken language, and was further used as a scientific and literary language in Mesopotamia up to I century A. D.

Further this language was forgotten until the XIX century. Up to recent time relationship of Sumerian language with any ancient and modern world languages was not confirmed completely, however phonomorphological parallelity between lexical system of the ancient Sumerian and modern

Turkic languages, as well as their dialects in comparative researches indicate that Turkish language is an heir of the Sumerian language.

Although national ownership of the ancient Sumerian language is one of the problematic issues causing disputes in the world linguistics, the most serious fact ending these debates is the language facts emerging at the result of comparison of modern Turkic languages and dialects. Linguistic researches of the recent years show that from lexical and grammatical aspects Sumerian language has the phonomorphological structure similar to modern Turkic languages [1, p. 307].

According to scientific world, ancient Sumerian, as a language isolated from modern world languages although

do not bear any similarity with any other language, some western researches refer it to Ural-Altay language family [1, p. 192].

In some researches there are thoughts about relationship of Sumerian language with the Caucasus, Tibet-Burma, Ural-Altay, as well as Turkic languages: "It can be thought that Sumerian people were founded at the result of mix of ethnos speaking in different languages, but out of these languages Sumerian prevailed, and became communication and graphic means" [2, p. 47].

Comparison of language facts about Sumerian language with Azerbaijan dialectal lexics both from phonetic and lexical aspects in the works of both authors confirms the Turkish language to be the most ancient language once again highlighting the historical development way of ancient Turkish language.

SUMERIAN LANGUAGE NAKHCHIVAN DIALECT

<i>in-jin</i>	<i>in-jin (someone)</i>
<i>kabkadak</i>	<i>qabqacaq (kitchen utensils)</i>
<i>azuk</i>	<i>azuqa (provisions)</i>
<i>di//ti</i>	<i>de (say)</i>
<i>neme</i>	<i>nəmənə (what kind of)</i>

One of the most serious factors confirming this fact is related with the historical development of lexic units existing in ancient Sumerian in Turkic languages.

As these appellative lexemes, animal names in Sumerian language attract attention as they exist in Nakhchivan, South Azerbaijan and Eastern Anatolia dialects with the same phonosemantic load. The word **oğlaq** meaning an animal name in Azerbaijan dialectal lexics in ancient Sumerian language as **kañadz+ak//kīñidz+ik** as it is and in the form of *kıdık//kīdik//qıdıy*, **koñodz+uk** – *qodux//kodik* – *eşşək balası*, donkey cub, **kuñudz+uk** – *quzu*, a lamb, **kōñöts+ek** – *dəvə balası* –

köşşək//köşək, a camel cub, **kūñüts+ük** – *küçük*, a puppy are used in Nakhchivan and Eastern Anatolia dialects [9, p. 63; 7, p. 192].

In some resources we come across the first alphabet referring to Sumerian i. e., cuneiform writings which were further used by Acadians and Elams, and at the same time there is information stating that graphical form of Ugartu and Persian languages were based on cuneiform writings of Sumerian language which does not include logographic signs [2, p. 114]. Although in recent researches there was much attempt to find the word of Indian-European origin in Sumerian language, much more similarities were found between the lexics of Sumerian and modern Turkic languages. As many scholars M. I. Dyakonov in his researches told that according to morphological indicators, ancient Sumerian is an agglutinative language as Turkic languages: "Sumerian, Elam, Hurri and Urartu languages refer to agglutinative language type and in Sumerian language it is typical for each grammatical element to be expressed by a separate indicator, and these indicators are placed one after another in accordance with a certain sequence: the root of the word, the main word and suffixes" [5, p. 9].

Historical dialectological facts obtained from the comparative researches carried out according to both M. I. Dyakov's and other researchers' works show that ancient Sumerian language has a particular place among South group of dialects of Azerbaijan language, particularly, Nakhchivan, Southern Azerbaijan and Anatolia accents.

Comparing similar language facts between the ancient Sumerian and Turkish languages the collaborators of the Uludag University determined common language elements and it is one of the researches confirming this fact.

IN SUMERIAN	NAKHCHIVAN, SOUTH AZERBAIJAN AND ANATOLIA ACCENTS	AZERBAIJAN LANGUAGE ELİ	TURKEY TURKISH İ
Mu	<i>mu//mı//bı, ol</i>	<i>bu, o (this, that)</i>	<i>şu, bu, o (this, that, it)</i>
Guruvaş	<i>qarabaş, garavaş, karavaş</i> a maidservant	<i>qul//kölə</i> a slave	<i>kadın köle</i> a maidservant
Uş	<i>üş, uş (three)</i>	<i>Üç (three)</i>	<i>Üç (three)</i>
Aur	<i>air//ağır (heavy)</i>	<i>ağır (heavy)</i>	<i>Ağır (heavy)</i>
San	<i>san//say (number)</i>	<i>Say (number)</i>	<i>Say (number)</i>
Ikki	<i>İki (two)</i>	<i>İki (two)</i>	<i>İki (two)</i>
Ul	<i>oul//uul, olan//ulan (a son)</i>	<i>oğul (a son)</i>	<i>Oğul (a son)</i>
Er	<i>ər//er//eren (a brave man)</i>	<i>ər (a brave man)</i>	<i>Er (a brave man)</i>
Ud	<i>od//ud (a fire)</i>	<i>od//ataş (a fire)</i>	<i>od//ateş (a fire)</i>
Asgu	<i>asqı//asqu//asgı (a hanger)</i>	<i>Asqı (a hanger)</i>	<i>Askı (a hanger)</i>
Gu	<i>qu (səs) (sound)</i>	<i>səs (sound)</i>	<i>Ses (sound)</i>
Duru	<i>Duru (pure, clean)</i>	<i>туру (təmiz) (pure, clean)</i>	<i>Temiz (pure, clean)</i>
Um	<i>um (ummaq) (to set hopes)</i>	<i>istəmək, arzulamaq (to wish)</i>	<i>Istemek (to wish)</i>

The words as **um, qu, mu//mı, san//say** which existed in ancient Sumerian language and which are no more used in Azerbaijan literary language, are now used only in dialects of Azerbaijan language, particularly in ancient Azerbaijan folklore samples and this is the most serious language fact confirming Sumerian being a Turkic language.

Although comparison of the Sumerian language with modern Turkic languages is not an easy work, but it is, generally, of great significance from the point of studying phonosemantic changes taking place in different stages of historical development of the Turkish language. For this purpose, first of all, sound transitions and different phonovariants

of these sounds in phonetic structure of the Sumerian and modern Turkic languages and dialects should be paid attention. Prof. F. Jalilov writes about significance of comparison of Front Asia izogoloses in Azerbaijan language from the point of view of relations between ancient languages: “If Urartu-Praazerbaijan relations have been reflected in the language parallels in the documents referring to the IX–VII centuries B. C., then the history of Sumerian-praazerbaijan, Acadian-praazerbaijan, khatt//khett- praazerbaijan parallels goes up to the beginning of the II millennium” [11, p.38]. While speaking about initial prolongation of vowels in modern Turkic languages and dialects, turkologists show two types of vowels according to this prolongation: 1. Initial prolongation; 2. Final prolongation [5, p.13]. Although turkologists show that for modern period the final prolongation is typical for modern Turkic languages and dialects, they say that initial prolongation is typical for ancient periods of Turkic languages, but they could not explain fully the reason and source of it. Parallel language factor found out during comparison of Azerbaijan dialects with ancient Sumerian language lay ground for solution of this problem.

One of the phonetic peculiarities of Nakhchivan, South Azerbaijan and Anatolia accents parallel to Sumerian lan-

I	1. iç — <i>içəri, (in)</i>	2. iç — <i>içmək; (to drink)</i>
II	1. düz — <i>düzən, hamar yol; (smooth way, a plain)</i>	2. düz — <i>düzmək; (to arrange)</i>
II	1. bar — <i>var- dövlət; (wealth)</i>	2. bar — <i>var barmaq, getmək. (to go)</i>

- **q** və - **k** suffixes in modern Azerbaijan language forming nouns from verbs were active in ancient Sumerian language also and this grammatical peculiarity is still alive in Nakhchivan and Anatolia accents: *ütü-k* — *ütük, udu-q, uzun* — *uzu-k*. The nouns, adjectives and numerals in ancient Sumerian language are similar with Azerbaijan and Turkey Turkish languages according to grammar compliance. I. T. Kanaeva in her researches confirms similarity of the numerals in Sumerian language with those in Turkic languages according to their structure and she shows that in Sumerian language ordinal numerals derived from cardinal numerals [10, p. 46–52]. The

Turkey	Azerbaijan	Turkmen	Uzbek	New Uyghur	Bashkir	Tatar	Kazak	Kirgiz	Yakut	Chuvash
O	O	ol	U	U	Ul	ul	Ol	al	kini	väl/ul
Ona	Ona	oña	unga	uningha	Uğa	aña	Oğan	aga	kinixe	Äna
Onu	Onu	onu	Uni	Uni	Unı	anı	Onı	anı	kinini	Äna
Onda	Onda	onda	unda	unda/uning-da/anda	unda	anda	Onda	anda	–	unra/unta
ondan	Ondan	ondan	undan	undin/uning-din/andin	undan	annan	Onan	andan	kinitten	unran/untan
Onun	Onun	onuñ	uning	uning	Unıñ	anıñ	Onıñ	anın	kiene	un/unän

Besides historical and geographical facts confirming Nakhchivan, South Azerbaijan and Anatolia accents sharing the same peculiarities with the ancient Sumerian language from phonomorphological point of view, it also needs presentation of ethnogenetic factors as a very serious historical fact. Prof. Dr. Muazzez İlmiye Çighin referring to Servet Somunjuoghlu’s “From Siberia to Anatolia the Turks on the Rock” says that the ethnogeny of the Sumerians goes to the most ancient Turkic

language is existence of diphthongs. The first samples of diphthongs in Azerbaijan and Anatolia accents emerged at the result of sound are met namely in ancient Sumerian language: *aur* — *ağır, (heavy)*, *şulpae* — *çolpan yıldızı, yəni zöhrə ulduzu, (Venus)*, *mae* — *məna, (to me)*, *zae* — *səna, (to you)*, *ulia//öleñ* — *sulu yer, bataqlıq (wetland, marsh)*. One of the most serious facts confirming Sumerian language to be more close to Turkish language is that it has the same morphological indicators as the Turkish language:

1. As in modern Turkic languages in ancient Sumerian language also new word formation is based on stem+morphem model, i. e. in Sumerian language also as in Turkish the new words are formed by adding suffixes to the word stem.

2. Ancient Sumerian language is very rich from the point of view of verbs just as modern Turkish language.

3. There is a sound harmony.

4. In ancient Sumerian language there is no gender category as in modern Turkic languages.

5. As in modern Turkic languages in ancient Sumerian language also sometimes the concept of majority is conveyed by repeating the words, i. e., in a syntactic way.

6. As in modern Turkic languages in ancient Sumerian language also some words are used both as nouns and verbs:

fact that the numerals in ancient Sumerian language share the common peculiarities with those in Nakhchivan, South Azerbaijan and Anatolia accents confirms this thought once again: *uş, un* (in Sumerian); *üş, uş, un* (in Nakhchivan, South Azerbaijan and Anatolia accents); *üş, on* (Azerbaijan and Turkey Turkish). The fact that pronouns used in Nakhchivan and Anatolia accents during 6000 years-history are used in the way as they were used in ancient Sumerian language is also one of the language peculiarities attracting attention. Ancient Sumerian interrogative pronoun *nəmə* is being used in Nakhchivan and Anatolia accents in the form of *nəmənə* — *nə qədər*.

tribe kengerlers and that they called themselves *lu.kenger.ra* — Kengerli insan” (Kengerli man) “Kiengir, Kingir, Kenger”.

Besides it, one of the facts confirming the researchers’ thoughts is that the Sumerians named the first city they established in Mesopotamia Kengerli. Moreover, in Turkmenistan one of Turkmen regions is called “Kugur” and one of the place names in Azerbaijan is “Kenger” and this have been substantiated on the basis of historical facts [14].

These historical linguistic facts show the traces of ancient Sumerian language in Nakhchivan and Anatolia accents, as well as in a number of Turkic languages. As it seems from the researches, the fact that the traces of the ancient Sumerian language lives mostly in dialects and accents, rather than in literary language shows the scale of significance of dialecto-

logical researches in linguistic investigations. Direct relation of Sumerian language with Nakhchivan and Anatolia accents is a fact indicating that Sumerian is the most ancient Turkic language; at the same time it shows that modern Nakhchivan, South Azerbaijan and Eastern Anatolia accents have 6000 years-history. These all are linguistic facts.

References:

1. Amanjolv A. S. History of Ancient Turkic Script, Almaty, – 2003.
2. Thomas Walter Manson/A companion to the Bible/T&T/Clark, – 1950.
3. Y. B. Yusifov. History of ancient East. Baku State University Publishing House, – 1993.
4. Ekrem Akkurgal. The Hattian and Hittite civilizations. Ministry of Culture, – 2001.
5. İ. M. Dyakonov. Languages of ancient Front Asia. Moscow, – 1967.
6. Atakichi Jeliloghlu Kasim, “Sumerian is definitely a Turkic language. Istanbul, – 2001
7. Ahmet Buran, Sherife Oghrash. Elazığ Ağızları. Elazığ, – 2003.
8. Dialects and accents of Nakhchivan AR. Baku, – 1962.
9. Osman Nedim Tuna. The age of Turkish language in historical relationship of Sumerian and Turkic languages, Ankara, – 1990.
10. İ. T. Kaneva. Sumerian language. Sankt-Peterburg, – 1996.
11. Jalilov F. Morphonology of Azerbaijan language. Baku, – 1988.
12. Imamgulyeva K. Sharur accents of Azerbaijan language. Dissertation for candidacy. Baku, – 1991.
13. Muazzez İlmiye Çığh. Storm in Sumerians, Turks in Storm. Source publications – 2008.
14. <http://onturk.wordpress.com/2011/04/27/sumer-dili-ile-turk-dili-karsilastirmalari>

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-37-39>

*Cherednikova Ekaterina Arkadievna,
Rostov State University of Economics,
Candidate of Philological Sciences,
Assistant Professor,
Faculty of Linguistics and Journalism
E-mail: k.cherednikova@mail.ru*

Reflection of Gastronomic Discourse Values in the English Paroemiological Corpus

Abstract: The article describes culinary paroemiological units of the English language in terms of their functions in the gastronomic discourse. Culinary proverbs are analyzed from the axiological point of view in terms of their capability of transmitting norms and values of a given linguoculture.

Keywords: proverb, value, gastronomic discourse.

In the second part of the 20th century a shift in linguistic paradigm provoked interest in the language as means of communication. This function of the language is realized in the form of a discourse, which is a versatile notion characterized both by linguistic and extralinguistic factors. In modern linguistics a “discourse” is defined as a coherent text in connection with extralinguistic (pragmatic, social-cultural, psycholinguistic etc.) factors; a text in the event-driven aspect; speech seen as an object-oriented social action, as an integral part of people’s interaction [1].

The gastronomic discourse appears to be one of the most interesting and least researched types of a discourse. In A. Olyanich’s opinion, the aim of this type of discourse is real-

ized in a specific kind of communication concerning the state of food supplies as well as the processes of their production and consumption [2].

The given article examines paroemiological units as an indispensable constituent of the gastronomic discourse concisely communicating its norms and values that can either belong to one linguoculture or be accepted in several linguocultures.

Paroemiological units can be attributed to the so-called “commonplaces” of a discourse, i. e. to the phenomena characterized by reproducibility, regular repeatability, well-known status, indivisibility, folklore nature, etc. [3].

In V. Marov’s point of view, commonplaces divert a reader not to the author’s intention, but to the cultural code which

represents “the memory of what has been read, seen, experienced” [4]. This brings Kenneth Burke to the idea that these commonplaces can be called attitudes and values [5].

Any discourse, including the gastronomic one, is based on these commonplaces. There are plenty of them in texts on culinary topics, and they always translate values and norms of the linguoculture they belong to. In modern linguistics a value is defined as a target orienting a person in his activities and determining the norms of his behavior [6]. Whereas a norm is supposed to be an instruction, permission or prohibition to act in a certain way, which is expressed in a normative statement. In terms of a language such statements can be exclamatory sentences, however they are more often expressed in a declarative sentence with specific normative words and expressions (*to be allowed, prohibited, etc.*) [7].

S. Sidorkov believes paroemiological units in general and proverbs in particular to be standard examples of the commonplaces [3]. A proverb can be defined as “a brief, simple and popular saying or a phrase that gives advice and effectively embodies a commonplace truth based on practical experience or common sense” [8].

In M. Bakirova’s opinion, proverbs are especially interesting from the axiological point of view, as they document national self-awareness and reflect diversity and linguistic consciousness of the given ethnic group through specific associative imaginative foregrounding [9].

Paroemic units present an exceptionally affluent source for studying consistent axiological patterns and analyzing strategies of linguistic evaluation. Such strategies directly depend on the nation’s cultural dominants.

Let us consider one of the basic values common for most linguocultures — “work”. An ethnic group’s treatment of the notion of work helps to reveal the system of social relationships and thereby the society’s basic values communicated in particular through gastronomic discourse. Love for work and creative activity connected with it are encouraged by the strongest natural instinct of self-preservation, which is attributed by scholars to “the basic instincts of human culture” (as defined by Konrad Lorenz). This basic instinct makes people work in order to provide for their everyday needs, i. e. to possess means of tackling basic needs, one of which is the need for food. This is translated through proverbs as part of the English linguoculture. For example:

A still bee gathers no honey.

No bees, no honey; no work, no money.

You can’t make an omelette without breaking eggs.

Charity bread has hard crusts. (Bread of your own earning tastes sweet.)

Out o’ bread. (That is, out of work.)

First catch your rabbit and then make your stew.

Don’t make your sauce until you have caught the fish.

The linguoculture in question also contains proverbs stressing that food must not become the main value of life; this is just means of life, not the goal of living:

Eat to live; do not live to eat.

A value is always connected with a positive meaning. It cannot be negative, for one and the same act cannot be treated as both positive and negative in one respect and for one person. This differentiates a value from evaluation. However, one and the same object characterized from the same point of view can be described as both a value and an anti-value. For example, absence of gluttony is strongly encouraged in the English linguoculture. This is illustrated by the following proverbs:

Gluttony kills more than the sword.

Hunger is a good kitchen.

Hunger is the best sauce.

Hunger makes hard beans sweet.

Hunger never saw bad bread.

Enough is a feast to a hungry man.

A fat kitchen makes a lean will.

Nevertheless it must be noted that absence of gluttony doesn’t mean total refusal from meals; hunger is an anti-value too, for food is one of the main conditions for life:

A hungry man is an angry man.

Hunger makes short devotion.

Hungry flies bite sore.

One proverb is particularly interesting from this point of view: *The way to a man’s heart is through his stomach.* It represents an example of a hedonistic evaluation: food is a source of pleasure.

However, a hedonistic evaluation can call not only for approval, but for indignation as well. For example: *A man must not swallow more than he can digest.*

Thus, the analysis of English paroemias shows that being a concentrated expression of national thought, they reflect the most characteristic and popular norms and values in the socio-cultural perspective, as well as communication relevant meanings. Culinary proverbs play a crucial role in the structure of the gastronomic discourse, as they can be expressed both explicitly and in the form of an implicit conceptual framework (a frame); moreover they can also translate values inherent to a certain linguoculture.

References:

1. Arutjunova N. D. Discourse//Linguistic encyclopedic dictionary. – M., – 1990.
2. Oljanich A. V. Presentational Theory of Discourse: a monograph. – Volgograd: Paradigma, – 2004. – 507 p.
3. Sidorkov S. V. Paroemias as a factor of structural-meaningful discourse organisation. A thesis for a Doctor’s of Philology degree. – Krasnodar, – 2003. – 314 p.
4. Marov V. N. A praise for “commonplaces”//Rhetoric. – No. 1 (3). – 1996.
5. Kenneth Burke. A Grammar of Motives, – Berkeley: University of California Press, – 1969.

6. Babaeva E. V. Linguocultural characteristics of Russian and German axiological world views. A thesis for a Doctor's of Philology degree. – Volgograd, – 2004.
7. Philosophy: encyclopedic dictionary. – M.: Gardariki. Edited by A. A. Ivin. – 2004.
8. Literary Devices Editors. "Proverb" LiteraryDevices.net. – 2017. URL: <https://literarydevices.net/metaphor/> (accessed March 23, 2017)
9. Bakirova M. R. Language conceptualization of positive evaluation of paroemiological corpus of the English and Tatar languages. Extended abstract of dissertation for a Candidate's of Philology degree. – Cheboksary, – 2010.
10. Dictionary of English Proverbs and Proverbial Phrases by Thomas Preston. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/39281>.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-39-42>

Sharipova Aziza Abdumanapovna,
senior teacher at TUIT
E-mail: 1212azik@mail.ru

Transformation as a basic concept in translation (analytical aspects)

Abstract: This article is devoted to the idea of transformation in translating. A brief overview of the main concepts of translation studies are presented in the following article. This work includes information of the peculiarities in the structural building of the text translation. Certain notable scientists in the field of linguistics are divided written translation into particular groups. Additionally, translational text may be categorized into several types, according to their meaning and form of literary. Another mentionable fact is that the dictionaries are differentiate from one another by several aspects, such as meaning, encompassment and language itself.

Keywords: translation transformation, written translation, literary translation, dictionaries, linguistic, equivalency, coordination, adequacy, stylistic synonyms.

As other science fields, in the translation study there are many terms and concepts. In major cases, defining these concepts and terms correctly and using them in their own places effects directly on the quality of the translation. The translation of the synonyms indicated in the title of the article is one of the important concept in the translation study and especially in the literary translation of the literary text and provides different transformations. The rapid developing in different fields of translation studies requires to identify some problems while translation from English into Uzbek, to reconsider requirements demanded on the translation and to investigate achievements that accomplished previous years in young field of translation. In 70–80 years of the last century a text theory, especially, the creation of text linguistics and text typology helped for the develop of the translation studies. In the process of translation the influence on quality of the translation of the type of text and its peculiarities confirmed in many scientific works. For instance, we may take the monograph of I. S. Alekseyev "Text and translation. The questions of the theory". The news in linguistics, on the part, specified many theoretical issues and planned works that would be done by translators in the future, on the other part, it demonstrated the problems related to translation which should be solved. Therefore, such kind of problems includes what needs to be paid attention while translating stylistic synonyms used in literary texts, using which transformations of the translation caused for transformation, lexical, grammatical, stylistic peculiarities of the languages that are in contact with each other because of

translation, their relation level and its influence on translation.

The main concepts of translation studies as an equivalency, a coordination and a adequacy and the relations between them may only be determined according to the type of text, transformations appropriately and effective. Therein it is considered significant to say about a problem that should be solved. The method of analyzing the text translation. While analyzing the text it is based on is significant factor for what and which principles. Specifying translation problems according to the type of the text gives an opportunity of analyzing it correctly. Reality and translation gives a chance of analyzing text in lingua stylistic microstructure and gives an opportunity of determining equality level in macrostructure. We hope that the peculiarities we pointed out above gives good outcomes while translating some types of texts from English directly into Uzbek and using while producing private theories. In developing of translation theory the spiritual knowledge and the rich experience of the various subjects are considered significant. These subjects are followings: history of literature, history, philosophy, sociology, psychology, ethnography and especially in the fields of the text linguistics and text studies. I Gafurov said especially that "the role of linguistics is endless in translation theory" [1, P. 13]. As it is, without hesitating, therefore, we may say the same thing about text theory. During the last ten years the linguistic problems were being resolved. It is obvious that not only in translation but also in text doing something confidently without linguistics is complicated. Besides, is considered one of the significant duties of this field to study

deeply and successively the linguistic problems, text's poetic, aesthetic, psychological, philosophic and social problems. Additionally, L. Barxudarov, A. Fedorev, A. Popovich, V. Vinogradov, V. Kommisarov, E. Breus, N. Pelevina, Yu. Katser and A. Kunin and such kind of proficient scientists investigated these serious researches on this field.

Determining the legalities of the communication among the cultures, showing wide information in reality translation and investigating the ways of passing them at the same level require using widely from the achievements of the exact subjects.

Especially, the language and the text showed very close dependence between translation theory and text studies as it reflected spiritual life of the human as mirror. There are several definitions of the text. One of the textuary scientist L. Loseva showed the following three symbols of the text:

- 1) The text is information in written form;
- 2) The text has its meaning and ended structural form;
- 3) In the text there is reflected the attitude of the author toward information being demonstrated [2, P. 4].

It is significant to point out one thing separately that the linguistic researches were being implemented in the last years paid whole attention to the translation problems. If we observe a translation concept as a linguistic view point it is comprehended as follows "it is a creative process of recreating a text created in other language without altering its meaning and form" [3, P. 5]. So translation is to recreate text that created in other language through using second language's resources.

We can do the conclusion that the language and speech are activities, text is material and translation is process.

It is obvious that "the research object of the translation theory is translation process, various works which help to develop the translation theory and their translation texts" [4, P. 6]. The conceptions of translation and text are organic dependent on each other. Without any texts it is impossible to implement any translation. In the process of the translation the text that created through reality language resource is considered resource text, it is recreated according to the legalities and opportunities of first language. The basic aim of the translation theory is to make more exactly the ways of translating different types of texts [5, P. 18]. The translation acts the role of bridge among languages.

To speak more exactly the translation resembles to the boat that made to carry special things from this bank of river to another bank and translator is a leader of boat and text takes after to the vital goods that leader has to deliver. There are differences between translation text and resource text, they are formal and semantic limited difference that is why translation text differs from resource text with its meaning and form. In spite of this case, the readers think that the resource text and the translation text are functional and the structure and the semantic point of view are identical. However, there is always difference between resource and translation texts.

The Resource text has the following peculiarities in the structural building of the text translation:

- 1) Continuity of expressing;

- 2) Constancy the order of parts in the text.

The main aim of these peculiarities is to provide the similar parts between each parts of translation text and resource text. Altering the order of explaining or expressing may be done only by translator when it is impossible to translate something straight [6, P. 9].

The similarity between the structure of resource text and translation text gives a chance of specifying the presence or the absence of the elements in the translation text, the addition or the omission and the determination of their conformity. While translating resource text the similarity of the meaning plays important role. While it realization the translator uses the most appropriate and conformity equivalents. People intuition definitely plays basic role in order to accomplish best outcomes. "Translation theory provides translator with rules, methods, ways that are necessary in order to analyze and synthesis. In resource text there are taught and explained what needs to be searched and explained how translated text should be and how translation should be implemented" [6, P. 10].

The translation is literary, cultural, psychological, linguistic process. Taking account them, the translation text and the resource text are equal.

Both two texts are created based on linguistics the same legalities and through translator's speech. In resource text the meaning, the neutral and emotional words, archaic words, historical words, assimilation, assimilate, dialect, slangs, phrases, insult words, proverbs, words expressed with drawbacks incorrect forms, unities meanings should be kept. Resource text is to each subject and scientific field in the science world.

As we know people communicate with each other in different languages. They developed in a cultural sphere that is why they own different knowledge, social and historical past. Of course, it influences on translator because some concepts of resource text may be misunderstanding for the readers of the translation. In these cases it is required from translator to explain those concepts of the resource text clearly to the reader.

It is obvious the above mentioned that through translating a text, resource text from one language to second one, through changing it two texts are appeared. One of them is primary, initial text reality text or resource text, second one is appeared through implementing some linguistic and stylistic tasks. "During changing the original text to the translation text it should be saved only one variant; the degree of saving this variant identifies the degree of adequacy or stability to the original text of the translation text" [6, P. 15]. In this place, it may provide a question. What will be saved as a invariant while translation? It should be taken into account to find the answer to this question that the each language unity has its form and significance. In this case, it is important to pay attention that languages differ from each other from form point of view but they are the same from the meaning point of view. For example, the word "*mutter*" in German means "*ona*" in Uzbek. These words forms are different but meaning is the same. Such kind of situations makes the translation process more difficult, but do not alter the meaning of the word.

There are two types of translation: written and orally. Written and oral translation is characterized with people who take part in it. We may explain this as following: in the process of translation the text that being translated stays under attention, and it is marked after translation gets over that is why in written translation the text is considered “communicator”. In oral translation communicator are communicators.

A scientist of translation studies A. V. Fedorov divided written translation into some groups:

- The newspapers news, official document and special scientific texts ‘translations;

- The general social literatures’ translations;

- The translation of literary work.

There are also different types of oral translation:

- Translating written text orally. Firstly, the translator reads text inside and translates it orally;

- Translating orally text into written one [6, P. 10].

These types of orally translation are used rarely in practice. Words said orally are written with the help of stenograph then stenographic text translation is appeared. For instance:

?-world,

x-people,

!-encyclopedia, constitution,

“-order, decrees [7, P. 184–189].

While translating texts documents devoted to social politics choosing words are considered very important in written translation. While choosing words equivalents of that language take significant place. These are followings:

1. Always equivalent words these type of words include: realities, phraseological combinations written in newspaper language;

2. While choosing appropriate equivalents translator should choose the most necessary equivalent;

3. In such kind of situations translator chooses equivalent.

Now, we will talk about literary translation that takes significant place in translation process. In the process of literary translation is considered the object of the translation, it is a material that always stays translator’s attention center. According to the meaning and form literary translation text divided into several types. These are:

1. creative translation;

2. word by word translation;

3. free translation;

4. idiom translation;

5. adaption translation;

6. authorized translation;

7. event translation;

8. academic translation;

9. indirect translation.

Translation types indicated above appeared when translation theory developed. Here we may include dictionary as a new type of translation. However, dictionary shows two languages linguistic unities in text at the same time. However, during translation the closest friend of translator is dictionary [80 P. 36]. The dictionaries are one type of translation, it is

basic factor to learn foreign language and while translating real texts into translation language.

The dictionaries are texts that we work very much, in dictionaries linguistic unities are given in order. Especially they placed according to alphabet. Dictionaries are differentiated according to several aspects:

1. According to the number of language:

- Monolingual;

- Bilingual.

2. According to its encompassment:

- Small;

- Normal;

- Big.

3. According to its meaning:

- General;

- Special (economical, medical, judicial) dictionaries exist.

The translation is a communicative factor and it is considered translating exact text to the second language according to their spiritual needs. It serves to give literary aesthetic pleasure to the readers. Because translation text should own the same volume as resource text, it should create the same integrity as resource text. S. Sirojjidinov wrote the followings “translation should own the communicative place of real text and giving readers a chance of literary admiration from the text, showing meaningful and structural balance to the readers” [4, P.17]. There is a conformity level in translation theory and it is defined in translation with concepts of equivalency and adequacy. First Ya. Reytsker discusses on the issues of lexical conformity, he learned them deeply and describes the types of conformity. According to his viewpoint conformity is divided into three types. These are: equivalency, coordination and adequacy.

1. Equivalency permanent is in equal conformity that is not related to the context in exact time and place.

2. Coordination is semantic, structural and functional similarities among resource, text and translation text. It appears when there are similarities that pointed out above, between two texts resource and translation text, when the linguistic unities alter their places with their suitable versions. There are many equivalents in the resource text while translating that is why they may be used instead of each other in different texts.

3. Adequacy is one type of coordination and about it Ya. Retsker said the followings “in order to find way out of hopeless of letters and lexical and phrasal conformity, the translator should look for ideological ways. Adequate translation is complicated process. In it the parts of the resource text is given according to the translator’s linguistic and traditional knowledge.

There are many translation theories, they may be divided into explicit and implicit theories. We may say this about explicit theory, it emphasizes about which description appeared in translation process and says that the translators are outcome of this process. With the help of it translator will be busy with his translation works.

As each scientific field has its own concepts and terms, translation studies also have its own terms and conceptions. One of the main concept of translation theory is “translation transformations”.

There are many reasons why translation transformation is one of the main terms in translation studies. We cannot imagine the process of translation without alterations because real language and translation language may not be relative. The languages which are always under our attention Uzbek and English are not relative. Through this word everything is obvious that in the process of translations chang-

ings definitely occur. Changings include: words layer, words order, words meaning, words semantic volume and these kind of language phenomenon. In the following article, we talk about stylistic transformations that are used while using stylistic synonyms.

According to the type, style and objective of texts we use different transformations.

Type, level and sphere of the language identify which transformation is appropriate to use. As we have literary text, before having translated it we may say without hesitation that we use stylistic transformation in the process of translation.

References:

1. Gafurov I. Muminov O. Qambarov N. “The theory of translation”. – Tashkent: Tafakkur Bustoni, – 2012. – 216 p.
2. Lotman Yu. M. “About art”. – SPb.: Iskustvo, – 2000. – 704 p.
3. Rahimov G’X. “Language – the sound of a bridge between the two nations”// – 2015, Special Issue. – P. 7.
4. Sirojiddinov Sh., Odilova G. “Principles of literary translation”. – Tashkent: “Mumtoz suz”, – 2011. – 163 p.
5. Gak V. G. “Typology of contextual linguistic transformations in translation//text and translation”. – M.: Nauka, – 1988. – P. 63–75.
6. Rahimov G’X. “The theory and practice of translation”. – Samarkand, – 2015. – 200 p. (Handwritten).
7. Minyar Beloruchev R. K. “The manual interpretation”. – Moscow: Higher School, – 1969. – 192 p.
8. Sharipov J. “The history of translation.” – Tashkent. – 1965. – 384 p.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-42-44>

*Shevchenko Liudmyla,
Taras Shevchenko National University of Kyiv,
PhD in Philology, the Faculty of Economics,
the Department of Foreign Languages
E-mail: lshev@i.com.ua*

Linguistic and cultural peculiarities of idioms as cognitive and pragmatic units

Abstract: Linguistic and cultural peculiarities of idioms of the English culinary discourse are examined in the article. The most significant cultural dominants and stereotypes in the collective consciousness of the people representing philosophy, psychology, ethics and culture of the nation are analyzed.

Keywords: language picture of the world, phraseological unit, culinary discourse, nationally marked component.

The problems of correlation of the language, culture and society have long attracted the attention of linguists. Starting with Herder’s and von Humboldt’s research, the language studying in the aspect of “language and culture” has been the subject of research of many linguists. In the XX century in the United States the problem of the language and culture connection brought to the site and identified a new trend in linguistics — ethnolinguistics.

The concept of “socio-cultural” meaning was introduced by Charles Freese, who noted that the statements of the language, practically functioning in the society, have both linguistic and socio-cultural value. R. Lado represents the concept of socio-cultural meaning as part of the people’s culture and part of the linguistic meaning.

In the phraseology, the linguistic picture of the world is clearly reflected. It is no coincidence that many authors con-

sider idioms as the most culturally marked and national language-specific units [1, 37]. Scientists came to the conclusion that due to the operation of such categories as a picture of the world, a language picture of the world, a conceptual picture of the world in the conceptual apparatus of linguistics, it becomes possible to identify the phraseological picture of the world and its culturally significant fragments.

The phraseological picture of the world is understood by researchers as the result and the way of verbal description of macro- and microcosm by the people — native speakers, based on thematic and ideographic systematics of idioms and their specific national and culturally significant fragments, conceptual center of which is the “man”.

V. A. Maslova calls a phraseological unit “the soul of every national language, which wonderfully expresses the spirit and originality of the nation” [2, 82]. She also adds that in most

phraseological units there are “traces” of the national culture, which must be identified. Cultural information is stored in the internal form of a phraseological unit, which, being the figurative representation of the world, gives cultural and national colouring to an idiom. The main thing in the identification of cultural and national particularities is to reveal national and cultural connotation.

The phraseological fund of the language as a subject of study in linguistic culturology is “a valuable source of information about culture and mentality of the people, as it hides the people’s ideas about myths, customs, rites, rituals, habits, morality, behaviour, etc.” [2, 43]. At the same time the idiom is a “bunch of cultural information” [2, 55]. Its function is to express valuation and emotional attitude to the facts and phenomena.

All human activities have their own specialized vocabulary, their own special terms, penetrating sometimes, especially in the metaphorical use, in the literary language. Our speech cannot adequately convey all inexhaustible richness of life with its interrelations, all thoughts and feelings. Idioms and neat sayings created by people engaged in various fields of activity always find use in expressive speech being concise, conversational and lively. Cooks in the kitchen, sailors at sea, peasants in the fields, etc., all those who urgently needed to give the order, to express prejudice, threat, reproach could find bright word combinations, colorful metaphors connected with circumstances of their activity. These phrases and metaphors were included in their professional vocabulary. Subsequently, some of these expressions received a broader meaning and were applied to similar situations in a different environment, often humorously. So, people speaking on different topics, widely use metaphors connected with fishing, cooking and ports; gradually the most vivid and expressive phrases penetrated the literary language and became the public domain [3, 33].

For this reason, the currency of the research of phraseological units, conceptualizing cultural area associated with all aspects of the tradition of cooking and consumption of food and beverages (culinary and gastronomic discourse), is due not only to “pure” science, but cultural interests of the public. The English phraseology of this area represents the most significant cultural dominants and stereotypes in the collective consciousness of the people which are enshrined in the national mentality, representing philosophy, psychology, ethics, culture and life of every nation.

The original and expressive “culinary and gastronomic language”, “the kitchen language”, for example, that of the English language, is full of specific expressions, many of which are widely used after being rethought: *to boil down*; *to boil over*; *to butter up*; *to make mincemeat of*; *to skim the cream off*; *half-baked*; *in apple-pie order*; *done to a turn* (of the spit); *to take the gilt off the gingerbread*.

Thus, the connections between the language and the national culture can be carried out in different ways, i. e. through the aspect of the national and cultural component [4], in the

form of background knowledge or through culturally marked connotation [5], which arises as a result of correlating the associative-shaped base with cultural and national standards and stereotypes. V. A. Maslova believes that symbols largely determine the content of cultural connotations [2, 54].

In the English language, the most nationally marked components of phraseological units in the culinary discourse are: **corn**: *feed smb. on soft corn*; *pudding: pudding heart*; **cake**: *go like hot cakes*; **chicken**: *a spring chicken*; **pie**: *sweetie pie*; *pie-eyed*, *pie in the sky*; **carrot**: *like a carrot to a donkey*; **bean** (606): *full of beans*; **tea**: *husband’s tea*; **ginger**: *put some ginger into smth.*; *to eat the ginger*. This group can also include the following phraseological units: *old salt*; *the great fish eat up the small*; *red as a boiled lobster*; *as slippery as an eel*; *drink like a fish*; *fish for information*; *fish story*; *fish fry*; *a fish out of water*; *drag a red herring across the path*; *Bacchus has drowned more men than Neptune*; *catch a crab*.

The presence of such a large number of phraseological units with the “sea” component is probably due to the importance of navigation in the life of the country, because the United Kingdom is an island state. Marine realities (fishing, sailing, harvesting and processing of seafood) were significant for the whole society at a certain stage of country development, and the tokens designating them became widespread in English.

The semantics of phraseological units reflects a long process of people’s culture development, cultural attitudes, stereotypes, models and archetypes are transmitted from generation to generation. In analyzing the characteristics of cultural connotations, we proceed from the assumption that the system of images, enshrined in the phraseological part of language, is a kind of a “niche” for cumulation of worldview and one way or another is connected with the material, social and spiritual culture of the language community, and therefore may indicate its cultural and national experience and traditions: “interpreting phraseological units based on correlation between their associative and imaginative perception and stereotypes that reflect people’s mentality, we thus reveal their cultural and national sense and character, which are the content of national and cultural connotations” [2, 55].

The most easily solved problems connected with translation are the ones of translation of international idioms existing in most European languages and related by common descent. Typically, these expressions are biblical, mythological or literary in nature or are borrowed from another language: *apple of discord*; *cakes and ale*; *bread and circuses*. Biblical and mythological expressions can be of almost literal translation: *forbidden fruit*, *daily bread*.

It is said and written a lot about the huge impact of the Bible on the English translations. For centuries the Bible has been the most widely read and quoted book. Not only individual words, but also the whole idiomatic expressions related to food and eating food (often literal translation of the Hebrew and Greek idioms), entered the language from The Bible pages. The number of the Bible locutions and expressions migrated to the English language is so great that it is pretty

hard to gather and classify them. The group of phraseological expressions, whose biblical origins are firmly established and which actualize culinary and gastronomic discourse of English culture includes: *the **apple** of Sodom; loaves and fishes; milk and honey; new wine in old bottles; the olive branch; the flesh-pots of Egypt; the salt of the earth*. In addition to these idioms, biblical images and concepts constitute the basis of the following cognitive-cultural expressions: *to kill the **fatted calf**; the little leaven that leavens the whole lump; the old leaven*.

Of interest is the fact that in English you can earn for both **bread** and **salt** (*earn one's salt*), the British can also eat "someone else's bread" and "someone's salt" (*eat smb.'s salt*). In some idioms the component "**salt**" actualizes a moral and ethical aspect

by its semantics: *Attic salt; be true to one's salt; be worth one's salt; sit above the salt; sit below the salt*. Etymologically the idiom "*sit above the salt*" goes back to the old English custom by which the saltcellar was put in the middle of the table, and noble guests were sitting at the upper end of the table, whereas humble guests, poor relatives and servants were at the bottom end.

Thus, revealing specifics of the people's conceptual sphere and studying their traditions are possible thanks to the phraseological units which, possessing national and cultural semantics are the reflection of the history, life and moral values of a particular nation or an ethnic group, and represent the richest, yet not fully investigated formation of culture and the source of human wisdom.

References:

1. Dobrovolskiy D. O. Natsionalno-kulturnaya spetsifika vo frazeologii (National and cultural specificity in phraseology), *Voprosy yazykoznaniya*, – 1997, – No. 6, – P. 37–45 (in Russ.).
2. Maslova V. A. Lingvokulturologiya (Linguoculturology), – M., – 2001, – 208 p. (in Russ.).
3. Smith Logan, P. Frazeologiya angliyskogo yazyika (Phraseology of the English language). – M., – 1959, – 207 p. (in Russ.).
4. Vereschagin E. M., Kostomarov V. G. Lingvostranovedcheskaya teoriya slova (Linguistic-cultural theory of the word), – M., – 1980, – 320 p. (in Russ.).
5. Teliya V. N. Pervoocherednyie zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyika v kontekste kulturyi (Principal tasks and methodological problems of the research of phraseological fund of the language), *Frazeologiya v kontekste kulturyi*, – M., – 1999, – P. 21–28 (in Russ.).

Section 6. Pedagogy

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-45-47>

Blahun Nataliia Mykhailivna,

Vasyl Stefanyk Precarpathian National University

Doctor of Science (Pedagogic), Professor, the Faculty of Pedagogic

E-mail: n.blahun@gmail.com

Evaluation Technologies: the Effectiveness of Social and Functional Management in Education Institutions

Abstract: The aim of this paper is to present an interpretation of educational technology, including its origin, its definitions, its spheres of application, and its development. The literature review is followed by a discussion of the effectiveness of social and functional management in education institutions.

Keywords: education. education technology, upbringing.

Domestic and foreign scientists consider educational technology as an important means of improving the quality of identity formation. It is completely logical that this problem has gained active and multidimensional investigation in the last decade.

Its subject matter brings together a clash of several opposing points of view. Some scientists consider teaching as a complex technology of modern teaching aids, others — as a process of communication. There is also a separate group of scholars who consider the concept of “Educational Technology” as means and processes of learning. The formation of Educational Technology as a science took place in the 60-s of the twenties century. However, some of the scientists identified the concepts of “Learning Technology” and “Educational Technology” as equal. A multidimensional approach to the concept of “educational technology” has been formed gradually. According to our point of view, the most complete definition of this concept was provided by P. Mitchell in his “*Encyclopedia of Educational Media Communications and Technology*” [5]. “As Educational Technology is not synonymous with “teaching aid”, it served as an interdisciplinary conglomerate, which concerns virtually all aspects of education: P. Mitchell describes Educational Technology as, “an area of study and practice (within education) concerned with all aspects of the organization or educational systems and procedures whereby resources are allocated to specified and potentially replicable educational outcomes” [3]. In 1979, the US Association for Educational Communication and Technology published the «official» definition of Educational Technology as, “a complex, integrated process involving people, procedures, ideas, devices and organization for analyzing problems and devising, implementing, evaluating and managing solutions to those problems involved in all aspects of human learning” [2]. The US scientists define Educational Technology as, “not mere research in the field of using technical aids or computers,

this investigation aims to identify the principles and develop methods of optimizing the educational process by analyzing the factors that confirm their effectiveness through the establishment and implementation of techniques and materials, and using assessment methods [3].

Domestic scholars O. Padalka, A. Nisimchuk, I. Smolyuk believe that “Educational Technology is the science of development, education and upbringing of the student’s personality based on positive human qualities and achievements of educational thought and basis of computer science” [6].

Referring to the definition of “Learning Technology” (by UNESCO), it should be noted that in its general meaning it is a systematic method of creation, application and determination of the entire process of teaching and learning taking into account technical and human resources as well as their interaction, which aims to optimize education. “This branch is more focused on the student, not on the subject for learning assessment of acquired knowledge (methods and techniques of training) in the empirical analysis, and extensive use of audiovisual means in teaching process, defines the practice in close connection with the theory of learning” [4].

The idea of systemic-functional approach to interpretation of the concept of “Educational Technology” is clearly traced in the following conclusion: “While agreeing with the legitimacy of research and development of individual learning technologies, development technologies and technological elements for their educational impact, it should be emphasized that in the real educational process, the functioning of such technologies (even if they are implemented separately) has a holistic effect on the pupil. That is why the term “Educational Technology” most adequately meets the logic and nature of deployed interaction between the teacher and students” [7].

Thus, it is necessary to highlight several important issues regarding the functioning of Educational Technology in modern educational scope. First of all, it is a problem of the

structure of Educational Technology. There can be identified the following key components: a conceptual one that reflects the “ideology” of design and implementation of Educational Technology; content and procedure that reflects the objectives (general and specific objectives); content of educational material, methods and forms of training, upbringing and development of students; methods and forms of teacher’s educational activity; teacher’s management of educational process; professional component that reflects the interrelation of successful performance, implementation of educational technology and level of educational excellence.

Domestic and foreign literature review of “Educational Technology” definitions allows us to draw the following conclusions:

- technification of “intellectual production” what education stands for, is an objective, logical and irreversible process, a means of boosting students’ educational level;
- variety and variability is traced in the theory and teaching practice, which are determined by educational theories, scientific approaches, concepts, principles, specific key aspects and components of pedagogical process;
- technologies of educational process are characterized by multidimensionality, due to the peculiarities of the content, methods and means of interaction between the parties of the learning process;
- structure of educational technology includes:
  - a) conceptual framework;
  - b) content part (goals, content);
  - c) procedural part — work activity.

A crucially important aspect of Educational Technology is to determine child’s place in the educational process and teacher’s attitude to children. Several types of technologies are considered from this point of view: *authoritarian technology*, where the teacher is the sole subject of educational process and the student acts as the “object”, that is passive knowledge “consumer”. Such technologies, where demands and compulsion prevail, do not contribute to the initiative development and independence of students. *Instruction-centered technologies of learning* are distinguished by subject-subject relations a teacher and students, where the main factors of personality formation are didactic tools. *Personality-centered technology predicts that the student is the center of learning system*. *Human-centered technologies* are where child’s personality acts as the priority subject and the objective of learning system. So, personality-centered technologies are characterized by humanistic and psychotherapeutic dimensions and are intended for a diverse, free and creative child’s development. *Human-personal technologies* are distinguished by humanistic nature. They “practice” the ideas of respect and love for a child, optimistic faith in his or her creative power and deny compulsion. *Cooperation technologies* are inherent in democracy and partnership of subject-subject relations between the teacher and the student, who work together on achieving the goal, implementation of the subject-matter, objectives, principles, methods and means of learning; analyze the results of team-work in the classroom. *Free education technologies* involve

accentuation on student’s free will in life activities. Under these conditions, a child fulfills himself as the subject of education, achieving the goal due to internal motivation. *Esoteric technologies* are based on the doctrines of esoteric teachings, i.e. the truth and roads that lead to it. Teaching process is no message, no communication but introduction to the Truth. A human being (child) becomes the center of informational interaction with the universe [7].

Views of the famous American philosopher and educator J. Dewey is the basis of projective technologies. Their essence is that child’s capabilities are predetermined by nature, and school should create the conditions for their development; knowledge should help people adapt to the environment and should be aimed at practical application. The author states that “It is important to subject learning content to practical problems solution that corresponds to child’s abilities, training and interests” [8].

Domestic scientists have developed a number of mandatory requirements for modern interpretation of *projective technologies* is the presence of educational problem, complexity and urgency which meet the educational and vital needs of the students; exploratory nature of problem solution; structuring activity according to the classic stages of design; simulation of conditions for students to identify learning problems, amateur nature of students’ creative activity; practical and theoretical (but in any case practical) significance of activity result (project) and disposition to practice (application); pedagogical value of activities (students gain knowledge, develop personal qualities, master the necessary ways of thinking and acting) [1]. Projects are classified according to certain parameters: composition of participants’ projective activity, nature of partnership between the participants of projective activity, extent of interdisciplinary relationships, coordinative nature of the project, purpose and character of projective activity.

Many personal theories, concepts and educational technologies of students’ training and development have been highlighted in research papers and methodological works nowadays. Among them are humanist personality-centered technology; technological system of education; education enhancement technology which is based on diagrammatic and sign models of teaching material; prospectively advanced Education Technology with the usage of reference schemes in guided management; technology of stage differentiation and individualization of learning; educational technology which provides a system of productive teaching; game technologies; teachware; computer technologies; technologies which are based on didactic improvement and reconstruction of teaching material; experimental school technologies.

The review of domestic and foreign literature gives us the grounds for the conclusion: theoretical foundations of Educational Technology as well as social-managerial ones are: a) philosophical trends in education; b) psychological and educational theories, scientific approaches, concepts and principles; c) factors that are determined by special features of organization and content of social and functional management.

References:

1. Aleksiuk A. M., Bekh I. D. & Demkiv T. F. *Perspective Educational Technologies* – Kiev Gopak. – 2000.
2. Association for Educational Communications and Technology Task Force on Definition and Terminology. *Educational technology: Definition and glossary of terms*, – Vol. 1. Washington, DC: AECT. – 1979.
3. Ely D. *International Encyclopedia of Educational Technology, Second Edition (Resources in Education)*. Bingley, West Yorkshire: Emerald Group Publishing Limited. – 1996.
4. Goncharenko S. U. *Ukrainian Pedagogical Dictionary*. – Kiev Libed. – 1997.
5. Mitchell P. *Educational Technology*. In the *Encyclopedia of educational media, communications and technology*, Westport, Conn.: Greenwood Press. – 1972.
6. Padalka O. S., Nisimchuk A. M., Smoliuk I. O., & Shpuk O. T. *Pedagogical Technologies*. – Kiev: Укр. енциклопедія. – 1995.
7. Sysoieva S. O. *Pedagogical Technologies in Modern* – 1992–2002. – Harkiv: OBC. – Vol. 2, – 311–325.
8. Tsyrlina T., & Dewey J. *Chicago Experimental School. On the Way to Perfection*]. – Moskva. – 1997.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-47-49>*Lezha Edit,**Ph.D Candidate**University of Shkodra "Luigj Gurakuqi,**Faculty of Educational Sciences,**Department of Psychology and Social Work**E-mail: editlezha@gmail.com*

The role of educational leadership in school principal's job strains management

Abstract: School life constantly displays the demand for change and adaptation. These requirements may be perceived as positive or negative challenges depending on their options for dealing with them. The aim of this paper is to give a theoretical analyzes of principal's job tasks and its relations to job strains management. Many dilemmas arose as the principals attempted to balance these dual roles for educational leadership by blending the managerial responsibilities and the educational role behaviours. Educational leadership includes two integrated roles, one being the managerial role and the other the educational role. The principal is expected to embrace educational leadership practices focused on teaching and learning by sharing power, acting democratically, and encouraging collaboration and participation; while at the same time, providing clear leadership and guaranteeing the efficiency of school management processes. Recommendations of what kind of strategies should be used are given based on the deduction from the analyzed theoretical models.

Keywords: school principal, job strains, management, educational leadership.

Introduction

The hierarchical concept of educational leadership began early in the development of public schooling, separating administrative functions from pedagogical functions of educators [4]. The hierarchy in education developed as a result of masculine hegemony, with administrative abilities being associated with males, and teaching associated with females [1]. An elaborate system of administrative positions that has expanded with the growth of districts and schools for the sake of so-called efficiency was developed in order to adequately supervise the predominantly female and, therefore, relatively weak, profession of teaching [4]. The widespread acceptance of the bureaucratic-managerial model of leadership has been detrimental to education, placing too much emphasis on the decision-making ability of a few people and stunting the growth of leadership among front-line personnel. The prevailing framework of individual agency, focused on positional

leaders such as principals, is inadequate because leadership is not just a function of what these leaders know and do [13]. Some administrators use the power of their positions ethically and exhibit leadership, while other positional leaders attempt to maintain power and/or manage people rather than lead.

Note that even while attempting to redefine leadership, Spillane, et al. refer to administrators as leaders [13]. Similarly, the lack of an administrative position does not prohibit the exercise of leadership. In fact, Heifetz (1994) believes that the opposite is true, that those in positions of formal authority are constrained by their positions, while others can raise the questions that need to be raised [8]. In schools, though, most teachers continue to expect administrators to solve the problems. In other words, teachers are accustomed to looking to the principal as the decision-maker and educational leader.

Unfortunately, most administrators are well socialized to the norms, values and rituals of schools, because they have

come up through the system, making them ineffective as change agents, according to Elmore (2000) and Fullan, (1993) [4; 6]. Those in administrative positions typically reproduce the existing power structures. They spend a relatively small amount of their time on issues directly involved with instruction, because they are generally preoccupied with policies and politics that are tangential to instruction [4]. Educational leadership and educational improvement are caught in a stalemate between those who have the power using it in ways that reproduce the existing system, while those who have the content knowledge, expertise and creativity feel powerless to make changes to improve learning. The gulf between administration and instruction has widened as educational administrators are increasingly charged with the protection of the technical core of schooling from outside interference [4]. Administrators are inundated with powerful special interests that challenge innovative ideas [6], so that their time is consumed by managing the structures and processes that surround instruction [4].

Educational administration has become an end in itself rather than an extension of teaching as many administrators primarily concern themselves with being good managers. Leadership, not management, is needed to solve complex problems that do not have simple answers [6;8]. Superintendents, principals and others in administrative positions in the education hierarchy are expected to produce answers to complex problems that require changes in attitudes and behaviours of parents, teachers and students. Heifetz (1994) refers to these as adaptive changes and notes that habitual deference to those in positions of authority constrains leadership as leaders are expected to solve problems that they cannot solve alone [8]. While an individual administrator can attempt to initiate change in a school, the reform will not take hold without the support of the teaching staff [3].

Administrative leadership styles

Administrative leadership styles are vital in determining the organizational climate of work environments, and this is especially true in schools because schools are challenged to provide learning environments more conducive to learning [10]. Where power was once the key element of leadership, it is now believed that vision, commitment, communication and shared decision-making are the cornerstones of effective leadership. This change is going from an industrial model of management to a more collaborative model [11]. Site-based management is participatory governance, which focuses on the school's improvement involving all faculty and staff of that particular school community [7].

To further complicate the matter of leadership, Jung and Avolio (1999) concluded perceptions of leadership styles and their effects on motivation and performance for followers dif-

fer depending on the culture [9]. Hence, the leadership style used must be tailored not only to the environment, but also to the culture and perceptions of the people being led.

Yukl (1989) studied organizational culture and its relationship to change. Yukl listed five mechanisms of a good leader that reinforced aspects of organizational culture: (a) attention-leaders communicate priorities and values; (b) reaction to crisis — leaders see emotional crisis as potential for sharing learning; (c) role modelling-leaders show values such as loyalty, (d) self-sacrifice and service; (e) allocation of rewards-leaders establish criterion that communicates what is valued in the organization; and (f) criterion for selection and dismissal-leaders influence culture by recruiting people who have specific values, skills, or traits [14].

Sergiovanni (1990) found that leadership by bonding was the cornerstone of effective long-term leadership strategy for schools because it had the power to help schools transcend competence to excellence by inspiring extraordinary commitment and performance, as perceived by the leaders' followers [12].

Conclusion

Principals have been encouraged to build a school climate with a mission, vision, and culture focused on teaching and learning: (1) to raise student achievement, (2) to demonstrate an expertise in knowledge of state standards and benchmarks, and (3) ultimately to close the achievement gap [5]. The accountability mandates have taken the form of educational leadership role responsibilities; however, they have also come with additional managerial role responsibilities. The effect of this controversial and influential accountability movement on educational leadership has been largely uninvestigated.

In conclusion, there were multiple factors influencing the leadership role and behaviours of the school principal that have generated implications and recommendations. Principals reported spending significant time on managerial leadership behaviours, a shift from past findings on the behaviours of principals. The resulting recommendation suggested alternative staff support might be needed to prioritize educational leadership in the face of managerial demands. The difference in the public and private groups related to school size led to the recommendation that schools should work toward reducing their populations through alternative strategies. Third, differences in the work environment were reported in the contextual criteria of the school community leading to the suggestion for enhancement of the strength of community interest and support for the school. Last, Blank (1987) recommended further work be done to better understand the influence of external social and political goals, standards, and accountability on the middle management role of the school principal [2].

References:

1. Blackmore J. In the shadow of men: The historical construction of educational administration as a masculinist enterprise. In J. Blackmore & J. Kenway (Eds.) *Gender matters in educational administration and policy* – 1993, – P. 27–48. Washington, DC: Falmer Press.
2. Blank R. K. The role of principal as leader: Analysis if variation in leadership of urban high schools. *Journal of Educational Research*, – 1987, – 81 (2).

3. Datnow A. Power and politics in the adoption of school reform models. *Educational Evaluation and Policy Analysis*, – 2000. – 22 (4), 357–374.
4. Elmore R. Building a new structure for school leadership. *American Educator*, – 2000. – 23 (4), 6–13.
5. Fink E., & Resnick L. B. Developing principals as instructional leaders. *Phi Delta Kappan*, – 2001. – 82 (8), 598–610.
6. Fullan M. Leading in a culture of change. – San Francisco: Jossey-Bass. – 2001.
7. Golarz RJ, Golarz MJ 1995. The Power of Participation: Improving Schools in a Democratic Society. Illinois: Research Press
8. Heifetz, R. A. (1994). Leadership without easy answers. Cambridge, MA: Belknap/Harvard University Press.
9. Jung D. I., & Avolio B. J. Opening the black box: An experimental investigation of the mediating effects of trust and value congruence on transformational and transactional leadership. *Journal of Organizational Behavior*, – 2000. – 21, 949–964.
10. Lezotte L. W. Effective school process. Okemos, MI: Effective School Products, Ltd. – 2001.
11. Rost J. Leadership in the future. In W. E. Rosenback and R. L. Taylor (Eds.). *Contemporary issues in leadership*. Boulder, CO: Westview Press. – 1993.
12. Sergiovanni, Thomas J. “Adding Value to Leadership Gets Extraordinary Results.” *Educational Leadership* 47, 8 – May, – 1990, – 23–27. – EJ 410 204.
13. Spillane, James P., Rich Halverson, & John B. Diamond. “Investigating School Leadership Practice: A Distributed Perspective.” *Educational Researcher*, – 2001. – 30 (3): 23–28.
14. Yukl G. Leadership in organizations, second edition. Englewood Cliffs, NJ: PrenticeHall. – 1989.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-49-52>

*Khasanova Zhamilya Sadikhovna,
d. p.s., professor, Atyrau engineering-humanitarian institute,
Republic of Kazakhstan
Kenesh Abdilda Sagadibekuli,
k. p.s., docent, Karaganda state university named after E. A. Buketov
Republic of Kazakhstan
E-mail: zamila52@mail.ru*

The system of social modernization in conditions of engineering education

Abstract: In this article deals with the issues about the engineering education reform and the new paradigm implementation of engineering education, about the criteria for the formation of an engineering profile, whose competence is determined not only by professional knowledge, but also by socially important characteristics.

The importance of the competence approach is emphasized, meaning a significant shift towards student-centered learning, an attempt to move from subject differentiation to interdisciplinary integration.

Keywords: The system of engineering education in the Republic of Kazakhstan, the problems of engineering education, the individual-oriented paradigm of education, the competence approach, the competence of graduates as a result of training.

*Хасанова Жамиляш Садыковна,
д. п.н., профессор, Атырауский инженерно-гуманитарный институт
Республика Казахстан
Кенеш Абдилда Сагадибекулы
к. п.н., доцент, Карагандинский государственный университет
имени Е. А. Букетова, Республика Казахстан
E-mail: zamila52@mail.ru*

Система инженерного образования в условиях социальной модернизации

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы о реформе инженерного образования и реализации новой парадигмы инженерного образования, о критериях образованности специалиста инженерного профиля,

компетентность которого детерминирована не только профессиональными знаниями, но и вариативными социально значимыми характеристиками. Уделяется значимости компетентностного подхода, означающий существенный сдвиг в сторону студентоцентрированного обучения, попытку перейти от предметной дифференциации к междисциплинарной интеграции.

Ключевые слова: Система инженерного образования в РК, проблемы инженерного образования, индивидуально-ориентированная парадигма образования, компетентностный подход, компетенция выпускников как результат обучения.

Социальная модернизация в Казахстане предполагает новый этап перестройки сознания населения от иждивенческих настроений к активной жизненной позиции. Это позволит переориентировать часть пассивных мер социальной защиты на продвижение к реальному производительному труду, что однако потребует соответствующего роста человеческого капитала. Квалифицированный, правильно мотивированный и ответственный труд лежит в основе дальнейшего укрепления стабильности экономической и социальной систем, является резервом роста конкурентоспособности государства.

Согласно данному прогнозу в 2015–2017 годах по республике прирост численности экономически активного населения в среднем составит 127,8 тыс. человек. Ожидается, что рост экономики и экономически активного населения приведут к росту численности занятых к 2017 году до 9,16 млн. человек.

Казахстанские компании вносят свой вклад в социальную модернизацию через участие в социальном развитии регионов. В РК планируется открыть производственные предприятия по производству электронно-оптических приборов; приборов ночного видения; листового стекла; изделий из стекла; стеновых панелей и витражей из стекла и алюминия; крупнопанельных железобетонных изделий; трансформаторных подстанций; мебели; аффинажный завод. Все эти предприятия будут работать на диверсификацию экономики Казахстана и ослабление от сырьевой и импортной зависимости.

В современном экономическом развитии Казахстана интеллектуальный потенциал нации играет решающую роль. И в этой связи важно, чтобы подрастающее поколение и взрослое население получали качественное и непрерывное профессиональное образование и обучение, позволяющее работать на самых современных предприятиях республики, применяющих новейшее оборудование и технологии, выпускающих продукцию или оказывающих услуги на уровне международных стандартов.

В республике продолжается реформа инженерного образования, нацеленная на приведение в соответствие подготовки кадров потребностям рынка труда и существенное повышение качества обучения. В этой связи в Казахстане совместно с работодателями и международными экспертами начата разработка профессиональных стандартов по приоритетным специальностям для инновационной экономики и форсированной индустриализации. На их основе будут разрабатываться образовательные програм-

мы, пересматриваться образовательные стандарты в сфере инженерного образования.

В системе инженерного образования в РК осуществляется проект по внедрению элементов дуального обучения в подготовке кадров для нефтегазовой, химической, экономической и других отраслей. Дуальное обучение в европейских государствах обеспечило высочайшую квалификацию рабочих и среднего технического персонала, что и стало основой успехов европейской экономики и конкурентоспособности европейских товаров и услуг. В дуальном обучении принимают участие более 100 казахстанских предприятий, что позволяет готовить кадры по 120 специальностям на принципиально новой основе, включающей 70% практику на производстве. То есть эти кадры будут подготовлены в соответствии с требованиями работодателей.

Социальная модернизация вузов ведет к росту возможностей для улучшения качества обучения студентов, повышению конкурентоспособности реформированных учебных заведений, совершенствованию инфраструктуры высшего образования. Качественная инфраструктура имеет немаловажное значение в обеспечении надлежащего уровня и качества обучения и создании более комфортных условий обучения студентов. В перспективе преобразования в системе высшего образования Казахстана сделают вузы республики более привлекательными для иностранных студентов из государств Центральной Азии, что дает шанс в увеличении экспорта образовательных услуг.

Целями социальной модернизации в Казахстане являются подготовка конкретных людей и общества в целом к работе и жизни в условиях глобальной конкуренции, нестабильных экономических процессов и форсированного индустриально-инновационного развития.

В современном мире на инженерное образование возлагаются большие надежды. Именно в ресурсах инженерного образования, точнее, в их улучшении и расширении, большинство интеллектуального сообщества ищет выход из ситуации кризиса. Ведь понятно, что никакая политическая инициатива или экономическая инновация не могут успешно осуществиться без участия в их реализации, прямого и опосредованного, образованных индивидов, т. е. людей, обладающих необходимыми знаниями и умеющих эти знания применять. Однако мы можем обратить внимание на тот факт, что на протяжении всей истории человечества любое общество для решения насущных проблем своего развития стремилось выработать соответствующие знания и организовать устойчивую систему передачи этих

знаний новым поколениям с целью их дальнейшего пополнения и совершенствования.

В чем же все-таки проблема инженерного образования и есть ли она вообще? На наш взгляд, главная проблема заключается в том, что система инженерного образования не успевает за динамично меняющимся миром, поскольку остается придатком к другим сферам социума, подстраивается под их интересы и обслуживает их частные, сиюминутные запросы. В этой ситуации возникает настоятельная необходимость пересмотреть базовые императивы инженерной деятельности, определить важнейшие ее приоритеты. Игнорируя проблемы инженерного образования, мы тем самым «способствуем» формированию генерации людей, не способных к критическому, творческому мышлению, к активному участию в различных формах социальных и инженерных коммуникаций. Поэтому нам нужна система инженерного образования, которой обеспечена возможность и дано право далеко опережать все ситуативные запросы предприятий и общества в целом и более того — задавать тон, создавать атмосферу поиска для всех существующих и иных, возможных в будущем сфер социума, помогая становлению инициативно-творческого типа личности [1].

Для этого необходим преподавательский корпус нового аналитического и вместе с тем проектно-конструктивного характера мышления, направленного на совершенствование педагогической парадигмы. Иными словами, решение проблем инженерного образования невозможно без повышения педагогической интеллектуальной культуры, без активного воздействия на общественное мнение, без обязательного преодоления устоявшихся стереотипов, консерватизма в преподавательской практике. Решение этих задач непосредственно связано с разработкой новой технологии усвоения инженерных понятий и формирования понятийного инженерного мышления.

Новая индивидуально-ориентированная парадигма образования в значительной степени реализуется за счет внедрения информационных технологий в процесс непрерывного инженерного образования, получивший название виртуализации учебного процесса. Этот проект предполагает создание учебников электронного формата, формирование электронных справочников и глоссариев, виртуальных библиотек, создание и использование в учебном процессе обучающих, тренирующих и контролирующих компьютерных программ. При этом предполагается широкое использование мультимедийных технологий, локальных и глобальных телекоммуникационных сетей. В отличие от традиционных форм обучения, обучающийся может индивидуально выбирать ритм подготовки, скорость прохождения курса, коллег по группе, учебно-методическую и справочную литературу. При этом основная задача состоит в информатизации отечественного инженерного образования с одновременным созданием адекватного материально-технического, и организационного сопровождения, позволяющего обеспечивать требуемый уровень профессиональной квалификации подготовленных инженеров.

Среди процессов, связанных с реализацией новой парадигмы инженерного образования, особое место занимает разработка критериев образованности специалиста инженерного профиля, компетентность которого детерминирована не только профессиональными знаниями, но и вариативными социально значимыми характеристиками. Не вызывает сомнений и тот факт, что в связи с этим актуализируется потребность поиска внутренних ресурсов вузов в совершенствовании подготовки педагогических кадров инженерного корпуса, в активизации вариативных структурных, содержательных, процессуальных компонентов образовательного процесса.

Формирование соответствующих компетенций в сфере инженерной деятельности позволит решить задачи разработки новых технических и технологических решений, обеспечения реализации перспективных инноваций, создания конкурентных преимуществ в самих инновациях и способах их реализации. Кроме базовых инженерных знаний, для разработки новой техники, инженер должен уметь управлять процессом коммерциализации результатов НИОКР, знать методы оценки их эффективности, пользоваться инструментами научно-инновационной деятельности. Формирование инновационной экономики, сопровождающееся развитием высокотехнологичных отраслей инициирует, создание новых подходов к подготовке специалистов инженерной сферы, которые должны базироваться на интеграции научного потенциала вузов и отраслевой науки, предприятий производственной сферы.

В настоящее время имея значительный потенциал для развития инновационного инженерного образования необходимо преодолеть ряд проблем, препятствующих его становлению.

Основная часть проблем касается изменений в системе подготовки инженерных кадров. Она в целом в стране остается традиционной, отраслевой. Консерватизм системы образования с одной стороны сыграл свою положительную стабилизирующую роль в прошедшее десятилетие реформ, сохранив все положительно, что было накоплено за многие годы, но с другой стороны он не позволил выработать внутренние стимулы модернизации образования.

Методики преподавания остаются неизменными, в них доминируют пассивные формы работы со студентами, академизм и установка на освоение информации, а не понимание. Связь с практикой, с промышленностью и наукой остается слабой. Сохраняющийся отраслевой разрыв между образованием, наукой и производством до сих пор не позволяет эффективно использовать современное научное оборудование, как для исследований, так и для обучения. Продолжительное существование инженерного образования в тяжелых условиях выживания и значительной изоляции привело к неизбежным процессам формирования установки «образование ради образования», к возникновению специфической, настроенной на свои внутренние цели вузовской науки, существующей в большей степени в своем информационном пространстве.

Список проблем может быть продолжен, но самыми главными из них, являются: выход вузов на прямой контакт с рынком, с производством, с инновационной деятельностью, всемерное развитие научных исследований, смена парадигмы образования.

В этой связи, развивается новый подход к инженерному образованию. Возникает необходимость формирования у специалиста не только определенных знаний и умений, но и особых «компетенций», направленных на способности применения их на практике при создании новой конкурентоспособной продукции. Этому способствует ведение в действие модульных учебных планов и программ, ориентирующего вузы на компетентностный подход, его ориентация не столько на ресурсы и содержание образования, сколько на *компетенции* выпускников как результат обучения. При этом компетенция определяется как «способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области». Другая важная особенность современного инженерного образования — внедрение кредитной технологии обучения, что также соответствует мировой практике и способствует интеграции отечественной высшей школы в международную научно-образовательную среду [2].

Образовательный стандарт компетентностно-кредитного формата предполагает новое проектирование результатов образования. В этом заключается принципиальная новизна образовательного стандарта инженерного образования. Компетентностный подход означает существен-

ный сдвиг в сторону студентоцентрированного обучения, попытку перейти от предметной дифференциации к междисциплинарной интеграции.

При таком подходе показатели качества подготовки выпускников задаются определенным набором профессиональных и общих универсальных компетенций, подготовленных соответственно к решению *комплексных* и *инновационных* инженерных проблем в результате освоения основных образовательных программ в инженерного образования [3].

Использование представленных подходов к инженерному образованию будет способствовать модернизации системы подготовки кадров для инновационных секторов экономики страны в целом. Достижение лучших результатов в процессе формирования ключевых компетенций специалистов инженерной сферы может обеспечить комбинация инновационных подходов, выбранная с учетом специфики предметной области, особенностей образовательного процесса, применяемых в сфере инженерного образования, требований внешних заказчиков к качеству специалистов-инженеров.

Обладая соответствующими компетенциями, сформированными при помощи инновационных методов и подходов, специалисты смогут в процессе своей профессиональной деятельности идентифицировать, анализировать нестандартные проблемы, адаптироваться к изменениям внешних условий и принимать эффективные управленческие решения.

Список литературы:

1. Бабилова А. В., Федотова А. Ю., Шевченко И. К. Направления развития инженерного образования в условиях развития инновационной экономики. Материалы международной научно-практической конференции «Мировой кризис и перспективы российской экономики в условиях глобализации», – Новочеркасск, 2011.
2. Чучалин А. И. Уровни компетенций выпускников инженерных программ // Высшее образование в России – № 11, – 2009. – С. 3–13.
3. Муратова Е. И., Федоров И. В. Компетентностный подход к проектированию программ вуза для подготовки специалистов в области техники и технологии к инновационной деятельности // Инженерное образование – № 5. – 2009. – С. 48–59.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-52-55>

Cherniavskyi Vasil,

Kherson State Maritime Academy, Ukraine

Ph. D., Associate Professor, Dean of the Faculty of Navigation,

E-mail: Ch.vv.ks@gmail.com

Fundamental training in the physics of specialists in the marine industry in accordance with international requirements

Abstract: In the article is shown, that the volume of the physical component in the structure of the specialized standard of training of marine specialists in Ukraine is insufficient to provide them with fundamental knowledge of the appropriate level. It is stated that the improvement of the physical component of the specialized standard should be carried out taking into account the international requirements for the physical knowledge of marine specialists, displayed in the STCW Convention and IMO Model Course. The ways of solving this problem have been developed and options for modernizing the training standard for marine specialists have been proposed.

Keywords: maritime educational field, specialized standard of maritime specialists training, physical component.

At the present stage of mankind development the significant role is devoted to the World Ocean, the resources of which are decisive in accelerating the world economics development and are deemed to be a main factor of geopolitics. The effective formation and realization of the government's maritime policy shall facilitate further consolidation of position of Ukraine as a maritime state and arrangement of enabling situation for goals achievement and problem solving connected with the development of the maritime activities.

Thus, the high-value target of the maritime education is training of the qualified specialists, that achieve a high professional level in the field of chosen specialization as well as become fluent in general scientific knowledge, have an advanced scientific thinking, realize a modern scientific world view. However nowadays in field of maritime education there exists a situation, that can be characterized by lack of fully approved standards for specialized higher education, so that the educational programs for each separate subject are developed directly by educational establishment. When developing a program for the specialized subjects, educational establishments are able to be guided by the international requirements (International STCW Convention and Code including 2010 Manila amendments [3], IMO Model Course [4]), but when developing a program for pure and natural sciences and subjects there arises a significant quantity of challenges and problems. In particular, educational programs of the above-mentioned subjects are developed by the teachers who are not specialized in the maritime domain and who don't always take into consideration the recommendations of the specialists of the graduating departments by the reasons of internal and external factors. As a result, there arises a **problem**, connected with that most of the pure and natural sciences and subjects are taught in erratic manner, without a proper taking into a consideration the practical value of educational material as well as structural and logic scheme of the speciality.

Nowadays the development of the maritime education in country is brought under the regulations of such legislative, statutory and regulatory acts as the Sea doctrine of Ukraine for the period till 2035 [1], program for educational-qualification level of Bachelor, speciality 6.070104 "Sea and river transport",

qualification of Bachelor of Navigation, Bachelor of Ship power plants operation, Bachelor of Electric engineering [2], qualifications of Navigator, Engineer, Electroengineer. Though, scientists haven't investigated physics as a component of the standard of the specialized education for maritime specialists, that disables a fundamental education in the field of physics.

The purpose of the article is to define the reasons of arising problems in fundamental education of physics for specialists of maritime field as well as finding the opportunities and ways of these problems' solving.

The analysis of physics as a component of a structure of specialized standard of higher education for maritime specialists shows that the quantity of hours, devoted to the general physics studies is not enough to provide the students with the fundamental knowledge. In particular, the course of general physics studies includes 180 hours for educational and qualification level of Junior Specialist and 360 hours for Bachelor degree for all specialties: "Navigation", "Operation of ships' power units", "Operation of ship's electric and automated equipment" under the applicable educational and professional programs, that makes 25% of hours of the standard of training for the pure and nature sciences. This quantity of hours is included into the curriculum of all educational establishments that arrange the maritime specialists training. Moreover, physics studies give a grounding for further studying of technical and specialized disciplines, including "Theoretical Mechanics", "Resistance of Materials", "Theory of Mechanisms and Machine Components", "Electric Engineering", "Meteorology", "Navigation and Pilots", "Ship Handling", "Navigational Aids", "Electrical Machinery", "Operation of ships' power units", "Engineering Thermodynamics", "Hydromechanics" and others.

Further investigation is devoted to the education for Bachelor degree, as the major part of the Junior Specialists proceed their studies in order to get the educational and qualification degree of Bachelor. Let's compare the existing educational and professional program with the previous specialized standard. Specialized standard, developed by the Odessa National Maritime Academy approved in 2004 was applicable up to 2012. Under this standard physics studies included 298 hours and 9 Modules (Table 1).

Table 1.

Content of skill	Name of the Module	Minimal quantity of hours/credits for studying the module
To be able to use the main fundamental principles of the physics and theoretical mechanics when completing professional tasks that are connected with the ship movement.	Physical basis of mechanics.	46/0,85
	Mechanical oscillations and waves.	34/0,63
	Molecular physics and thermodynamics.	46/0,85
	Electrostatics.	37/0,7
	Direct current.	15/0,23
	Magnetic interaction.	37/0,7
	Wave optics.	37/0,70
	Quantum physics.	88/1,63
	Nuclear and elementary particle physics	38/0,70
Total		298/5,5

The quantity of hours was increased up to 360 hours by the applicable educational program of 2012, but the system of the modules is still not developed. Today every educational establishment develops its own system of modules and educational programs. After having analyzed the educational programs of physics for Bachelor degree of the most educational establishments of Ukraine, we draw attention to their common characteristics.

The authoring team during the development of the programs were oriented to the traditional approach to general physics studies, aimed to all-around and fundamental training, often not taking into consideration practical relevance of the material for certain speciality. For example, in Kherson State Maritime Academy educational programs for Engineers and Electrical Engineers totally coincide, educational program for Navigators is also almost identical with them, differences make no more than 5%. But specialists of these three specialties discharge different functions, that is why cadets shall have fundamental knowledge in different fields.

Let's specify the main parts and short topic-based planning of educational material, that is included into the applicable physics program for Bachelor degree in Kherson State Maritime Academy.

Content of the program

Part 1. Physical basis of mechanics. (36 class hours)

Elements of particle kinematics. Elements of dynamics. Work and energy. Conservation law. Rotative action.. Elements of mechanics of rigid bodies.. Mechanical features of rigid bodies. Elements of continuum mechanics. Special theory of relativity.

Part 2. Molecular physics and thermodynamics. (36 class hours)

Basis of thermodynamics. The kinetic theory. Consistence. Transfer phenomenon.

Part 3. Basis of electrodynamics. (60 class hours)

Electric field. Conductors and dielectrics in electric fields. Electric current. Electric current. Magnetic field. Material in magnetic field. Maxwell's equations. Electric curl field.

Part 4. Mechanical oscillations and waves. (16 hours)

Mechanical waves. Electromagnetic oscillations. Forced oscillations. Acoustic and electromagnetic waves.

Part 5. Optics. (14 class hours)

Elements of physical optics. Doppler effect. Sources of quantum radiation. Basis of geometrical optics. Basis of photometry.

Part 6. Quantum physics. (26 class hours)

Elements of quantum theory. Semiclassical theory of hydrogen atom. Main ideas of quantum mechanics. Elements of quantum mechanics. Quantum theory of hydrogen atom. Features of atom, molecules and condensed state of the material. Nuclear physics.

Total 188 class hours

Programs of the other maritime educational establishments mostly do not differ according to the content, structure and approach to the educational program planning. The

programs for different specialties also have much in common. Let's describe the system of modules that is proposed under the Model Course IMO 2013 for the speciality "Operation of ships' power units" (Table 2):

Table 2.

№	Modules	Quantity of contact hours
1	Basis of Engineering Sciences	50
1.1	Mass and volume	3
1.2	Basis of dynamics	14
1.3	Energy, work, capacity	12
1.4	Molecular theory	12
1.5	Heat	9
2.	Thermodynamics	90
2.1	Thermodynamic features	4
2.2	Thermodynamic energy	8
2.3	Thermodynamic systems	1
2.4	Conversion of energy	6
2.5	Heat interchange	16
2.6	Vapour	16
2.7	Perfect gas	15
2.8	Thermodynamic process	12
2.9	Work	12
3.	Mechanics	60
3.1	Statics	24
3.2	Dynamics	20
3.3	Hydrostatics	10
3.4	Hydraulics	6
	Total	200

All above-mentioned modules are kept the same for the speciality "Operation of ship's electric and automated equipment", but one substantive part of material connected with the electric engineering and electronics studies is added (Table 3):

Table 3.

№	Modules	Quantity of contact hours
4.	Basis of electric engineering and electronics	50
4.1	Basic concepts of electric engineering	5
4.2	Electrostatics	5
4.3	Electric force	5
4.4	Electric fields	5
4.5	Potential difference	5
4.6	Current	5
4.7	Basic laws of electric current	5
4.8	Electrical circles	5
4.9	Conductors, semiconductors and isolators	5
4.10	Magnetics and electromagnetics	5
	Total	250

Requirements of the International Maritime Organization for the physico-mathematical disciplines are still in the

process of the development for the speciality “Navigation”. However previous version of the Model Course devoted only 200 class hours for physics studies.

Thus, the comparative analysis of the national physics programs for maritime specialists training and the requirements of the basic Model Courses IMO gives a ground to conclude:

- International Maritime Organization sets the advanced requirements for the fundamental training of maritime specialists, including physics studies. Under the Model Courses IMO, the quantity of contact hours shall be not less than 200–250 depending on the speciality taken. Though, educational programs, which are used by national maritime educational establishments for specialists training, devote less class hours.

- There is a significant difference in the approach to the educational material and system of modules planning in national and international standards. Under the Model Courses IMO, when planning of physics Modules is based on the pragmatic, competency-oriented approach, programs include only the material that would be essential for the acquirement of the professional competences, while the programs of the national educational establishments include the material that is required for the formation of the consistent physics world view, though sometimes this material is not required

for one or another speciality. Because of this, the quantity of the class hours, devoted to the physics studies, that is professionally reasonable, decreases as compared to the Model Courses IMO.

Consequently, we can make a **conclusion**: priority task of higher educational establishments that arrange training of the maritime specialists, shall be reconsideration and improvement of physics component of the specialized standard, realization of which is quite important according to the international requirements for the physics training of maritime specialists. Considering the abovementioned, there arises a need in creating a methodological system of physics studies for the maritime specialists, that shall take into account the requirements of the international and national standards as well as the competency-oriented approach in maritime specialists training.

The prospects of the maritime educational field involve the development, improvement and implementation of the consistent specialized standard of maritime specialists training, that conduces effective coordination of the activity of the higher maritime educational establishments of Ukraine and encourages the acquirement of the general scientific and professional competences by the graduates of these educational establishments.

References:

1. Про затвердження Морської доктрини України на період до 2035 року. Постанова КМУ від 07.10.2009 р. № 1307//Офіційний вісник України. – 2009. – № 94.
2. Галуzeвий стандарт вищої освіти України. Освітньо-професійна програма підготовки бакалавра напряму підготовки 6.070104 «Морський та річковий транспорт», кваліфікації бакалавр судноводіння, бакалавр суднової енергетики, бакалавр суднової електротехніки. Міністерство освіти і науки, молоді та спорту України. – К., – 2012.
3. International Convention on Standards of Training, Certification and Watchkeeping for Seafarers as amended, including the 1995 and 2010 Manila Amendments. STCW Convention and STCW Code. 2011 edition. Language (s): ENG, FRE, SPA, RUS, CHI, ARA (IMO-IC938)
4. IMO Model Course 7.02 On officer in charge of a navigational watch. Sub-committee on standards of training and watchkeeping. STW 44/WP.6/Add.1 2 May – 2013. Original: English.

Section 7. Sociology

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-56-58>

*Peshcherov Georgy Ivanovich,
doctor of military sciences, professor,
academician academy of military sciences
E-mail: georgiy-p@yandex.ru*

The problem of regulation of the social climate in modern society

Abstract: The article investigates the problem of regulation of the social climate in today's society, where the author analyzes the problems of social regulation, both in Russia and in foreign countries. According to the author, the main cause of the problems generated by the over-liberal policies of governments which in the pursuit of "virtual freedoms of modern man" did not notice the border, when the freedom of the general population of the state begins to restrict the freedom of workers and all kinds of criminals.

Keywords: social climate in society, social regulation, liberalism, migration, stable society.

*Пещеров Георгий Иванович,
д. в. н., профессор, академик АВН
ФКУ НИИ ФСИН России
E-mail: georgiy-p@yandex.ru*

Проблема регулирования социального климата в современном обществе

Аннотация: Статья посвящена исследованию проблемы регулирования социального климата в современном обществе, где автор анализирует проблемы социального регулирования, как в России, так и в зарубежных странах. По мнению автора, основная причина проблем порождена чрезмерной либеральной политикой правительств стран, которые в погоне за «виртуальными свободами современного человека» не заметили границы, когда свобода основного населения государства начинает ограничиваться свободой мигрантов и всевозможных преступных элементов.

Ключевые слова: социальный климат в обществе, социальное регулирование, либерализм, миграция, стабильное общество.

Человеку, как и любому биологическому организму, свойственно постоянно контролировать ситуацию в среде своего обитания, поскольку это связано, прежде всего, необходимостью обеспечения собственной безопасности. В силу того, что человек существо стадное, возникает необходимость контролировать ситуацию во всем социуме. Каждый этап в эволюции человечества вносил новые механизмы регулирования социального климата в обществе с учетом особенностей жизнедеятельности людей, таким образом, развивался человек и совершенствовалась система контроля микроклимата в обществе.

В настоящее время в обществе под «регулированием социального климата в обществе» мы понимаем упорядочение общественных отношений и создание благоприятных условий для гармоничного развития человека. Объективная необходимость регулирования

социального климата в обществе обусловлена потребностью соблюдения в обществе определенного социального порядка, с учетом психофизиологической непредсказуемости поведения человека в различных условиях обстановки. Человек, как правило, действует в рамках собственной свободы воли, где в пределах объективно возможных вариантов поступков, выбирает наиболее рациональный вариант действий, исходя из условий жизнедеятельности, а также из субъективных возможностей разумного человеческого поведения, как правило, с учетом норм общественной морали. Множественность всевозможных вариантов человеческого поведения создает необходимость оказывать определенное направляющее воздействие на деятельность людей, то есть регулировать их действия со стороны общества, используя всевозможные общественные

институты. В результате институционализации, процесс регулирования социального климата в обществе приобретает собой форму целенаправленного, управляющего воздействия, ориентированного на поддержание равновесия в социуме и развитие его путем введения в него определенных регуляторов (норм, правил и т. д.). Посредством регулирования создаются определенные рамки поведения, которые должны вызвать в народе рациональные мотивацию и целеполагание, одобряемые с точки зрения общества. Основную цель регулирования можно определить, как необходимость достижения соответствия между поведением личности и жизнедеятельностью общества, их ценностями, целями и задачами, вытекающими из существующих объективных условий. Подобная регуляция осуществляется комплексным взаимодействием целого ряда всевозможных средств и методов. Общество на любом этапе своего развития не может обходиться без особого социального механизма, функции которого состоят в том, что он регулирует общественные отношения и поведение людей, поддерживает общественную дисциплину, способствуя, таким образом, целенаправленности функционирования и развития общества в целом и его отдельных элементов, важнейшим из которых является личность [1, 32–33].

Огромное значение на социальный климат в обществе оказывают социально-политическая и экономическая ситуация в стране, а также уровень криминогенности общества. В российском обществе в конце XX века в ходе либерально-демократических реформ произошла полная смена государственного строя и принципов организации жизнедеятельности общества. Развалившийся советский строй был основан на принципе материального равенства и равномерного распределения материальных благ, гарантированный государством. Более того, необходимо отметить, что в Советском Союзе были созданы тепличные условия для развития личности, однако, как показала практика советской действительности, для полноценного развития человека необходимы более жесткие условия существования, формирующие в человеке некую психологию борца за выживание. Конечно, советская система не эталон, причем, тот же социализм, но только в виде «демократического социализма» прекрасно развивается в Китае, достаточно оригинален своеобразный социализм в некоторых европейских странах (Швеция, Австрия) и т. д. [2, 12–13].

В результате проведенных социально-политических и экономических преобразований, первоначально в российском обществе возник хаос, с гипертрофированным криминальным оттенком и одновременно произошло существенное материальное расслоение населения страны. Особенно сильный удар по социальному климату в обществе нанесла чрезмерная криминализация общества (коэффициент криминогенности общества превысил значения 0,7 при максимально возможном значении до 1), где немалую роль сыграли СМИ, киноиндустрия, шоу-бизнес, про-

дукция которых прямо или косвенно способствовала повышению авторитета преступных элементов в обществе. Причем произошедшая трансформация российского общества носила характер шоковой терапии, исключая все опосредованные формы постепенного перехода от социализма к капитализму, как, например, это произошло в современном Китае, где развитие вполне рыночной экономики согласовывается с социалистическим принципом хозяйствования. Как ни странно, в России, мы от одной крайности в виде уравниловки, перешли к другой, к обществу жесточайшего капитализма, когда в один момент были разрушены, не только моральные устои общества, но и все механизмы регулирования социального климата в обществе [3, 39].

В современной России уже в новых условиях, неимоверными усилиями со стороны государства, все же удалось сформировать новые подходы к организации жизнедеятельности общества и заложить основы для развития механизмов регулирования социального климата в обществе. Однако, до полной стабилизации социального климата в российском обществе, к сожалению, еще далеко. Для достижения благоприятного социального климата необходимо концентрация усилий всех заинтересованных государственных и общественных организаций, выработка рациональной законодательной и нормативно-правовой базы и достижение необходимой вертикали власти в политической сфере, чтобы законодательные и нормативно-правовые акты были своевременно реализованы.

Достаточно много проблем с регулированием социального климата в обществе во многих зарубежных странах. На мой взгляд, чрезмерный либерализм, в регулировании социального климата в обществе, в особенности в европейских странах и породил череду неразрешимых проблем, связанных с потоком мигрантов, их трудоустройством, образованием и социальной трансформацией в условиях Евросоюза. Волна мигрантов, состоящая в основном из выходцев развивающихся стран, значительно усложняет социальный климат в обществе, где переселенцы с трудом приспосабливаются к новым цивилизованным условиям и представляется, что для их полной социальной трансформации потребуется не один десяток лет.

Не лучшая ситуация в других странах, в т. ч. в США, где мигранты создают свои социумы, общественные организации и требуют от государств выполнения их требований по сохранению национально-этнических особенностей их проживания, которые они имели на далекой родине. Представляется, что прежде чем открыть границы, нужно было разработать механизмы социализации приезжих мигрантов в новых условиях и определить экономические возможности государства по их устройству. Данная острая проблема затронула многие современные развитые государства, решение которой, по мнению специалистов, не предвидится в ближайшей перспективе.

При всех сложностях регулирования социального климата в обществе, наибольшую трудность составляет криминогенность общества. Здесь уместно отметить, что на криминогенность общества оказывают влияние различные факторы, наиболее значительными из которых являются:

количество осужденных в стране и чем их больше, тем выше показатель криминогенности общества, поскольку отбыв наказание человек, возвращается в общество, где демонстрирует свой вульгарный лексикон, повадки и другие негативные особенности тюремной жизни, которые перенимаются подрастающим поколением иногда, как должное;

либеральные принципы в организации системы исполнения наказаний, в результате чего тюремные стены становятся не местом устрашения, а практически родным домом для многих рецидивистов.

Чем больше в обществе людей с криминальным прошлым, тем сложнее социальный климат и тем труднее проводить социальное регулирование. Данные обстоятельства способствуют формированию в обществе позитивного отношения к криминалу, появлению авторитета у отбывших наказание преступников, к чему особенно восприимчиво подрастающее поколение. Особенно в условиях кризисных ситуаций в стране, когда у населения рушатся позитивные жизненные ориентиры, у молодежи происходит смена социальных ценностей и зачастую происходит их переориентация на криминальную жизнедеятельность в обществе. Именно поэтому первым шагом в процессе регулирования социального климата в обществе должно быть снижение количества осужденных и ужесточение режима отбывания наказания в местах лишения свободы, что позитивно скажется на процессе оздоровления общества.

При этом стержневую линию социального регулирования в обществе должна составить правовое регулирование, которое характеризуется наличием целенаправленного воздействия государства на общественные отношения при помощи специальных юридических средств и методов, которые направлены на их стабилизацию и упорядочивание. Помимо правового регулирования к процессу регулирования социального климата в обществе необходимо привлекать социально-политическое, экономическое, религиозное, информационное и другие виды регулирования. В современных условиях с учетом особенностей

информационного общества, представляется целесообразным включить в содержание механизмов социального регулирования [4]:

внешних регуляторов поведения (норм жизнедеятельности, правил поведения, инструкций для специалистов в различных сферах жизнедеятельности общества, кодексов и т. д.);

регламентацию поведения населения в соответствии с научно-техническим процессом и стремительным развитием общества;

регулирование поведения людей, широко привлекая общественные и иные организации, СМИ и т. д.;

определение санкций для отдельных групп населения с учетом норм морали общества и этики поведения специалистов, осуществляющих деятельность в различных областях жизнедеятельности общества;

использование всевозможных каналов регулирования социального поведения, куда можно включить работу с малыми группами (с семьями, детьми, подростками, группами молодежи и т. д.), организацию совместной общественной деятельности людей, культурное общение людей различных возрастов в спортивных, оздоровительных и туристических мероприятиях, занятиях по интересам, самодеятельных кружках и т. д., организация культурно-досуговых мероприятий, совместная трудовая деятельность по облагораживанию территорий возле домов, подъездов, широкое привлечение средств массовой информации по передаче позитивного опыта жизнедеятельности населения села, города, страны.

В процессе социального регулирования необходимо использовать социально-психологические механизмы регуляции, которые включают все средства воздействия от убеждения, стимулирования, принуждения до технологий рекламы и пропаганды, методов и средств социальной технологии и социальной инженерии, социального планирования и прогнозирования, механизмов психологии управления и др. Только комплексный подход к проблеме регулирования социального климата в обществе с учетом всех особенностей населения (национальности, языка, профессии, возраста, региональных особенностей, пола, религии и т. д.) может привести позитивные результаты и обеспечит создание благоприятных социальных условий для развития личности.

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Теория права. – М.: Издательство БЕК, – 1995. – С. 32–33.
2. Явич Л. С. Право и социализм. – М., – 1982. – С. 12–13.
3. Архипов Ю. А. Миграционная ситуация и ее влияние на положение в стране и регионе // Миграция и внутренняя безопасность. Аспекты взаимодействия. Сборник материалов IX Международного семинара по актуальным проблемам миграции (23–24 июня 2003 г., Москва). – М., – 2003. – С. 39.
4. Интернет-сайт: URL: <http://fb.ru/article/161029/primeryi-sotsialnyih-norm-v-obschestve-vidyi-sotsialnyih-norm>

Hoang Thanh Ha,
PhD in Sociology
Vietnam University of Trade Unions
E-mail: xuanht@dhcd.edu.vn

Pham Manh Ha,
PhD in Psychology
Vietnam Youth Academy
E-mail: hapm.psy@gmail.com

Some characteristics of the way of life of workers in industrial zones of Vietnam

Abstract: In this research on the theme “Social activity of workers in industrial zones,” conducted with the financial support of the National Fund for the Development of Science and Technology Vietnam, will show the way of life of Vietnamese workers in industrial zones in present day and will reveal their differences from the way of life of young labors expected by our society.

Keywords: The way of life of workers, social activity, social events, cultural values.

Хоанг Тхань Суан,
PhD in Sociology
Вьетнамский Университет Профсоюзов
E-mail: xuanht@dhcd.edu.vn

Ха Фам Мань,
PhD in Psychology
Вьетнамская Академия Молодежи
E-mail: hapm.psy@gmail.com

Особенности образа жизни рабочих в промышленных зонах Вьетнама

Аннотация: В данном исследовании по теме «Социальная активность рабочих в промышленных зонах», проведенного при поддержке Национального фонда развития науки и технологий Вьетнама покажет особенности образа жизни рабочих Вьетнама в промышленных зонах в настоящее время, затем выявит их отличия от образа жизни молодых работников, ожидаемого обществом.

Ключевые слова: образ жизни рабочих, социальная активность, общественные мероприятия, культурные ценности.

Введение

Рабочие, работающие в промышленных зонах, занимают немалую долю в структуре рабочей силы Вьетнама. В настоящее время во Вьетнаме насчитывается около 53 млн. занятых в экономике, в том числе 5,1 млн. человек работает в государственном секторе (10,4%), 42 млн. — в негосударственном секторе (86,1%), более 1,7 млн. — работники предприятий с участием иностранного капитала. В промышленных зонах по всей стране работает примерно 2,1 млн. человек, 70% из которых — приезжие рабочие, а 60% — женщины. Среднее время сверхурочной работы каждого работника в год составляет 400–600 часов. Неблагоприятные условия труда и продолжительный рабочий день оказывают немалое влияние на здоровье и моральное состояние рабочих.

В настоящее время с каждым днем увеличивается поток приезжих рабочих в города. Эти работники в основном живут около промышленных и экспортно-промышленных

зон. Большую их часть составляет сельские жители, перебившие род деятельности с сельского хозяйства на промышленность. Будучи представителями сельско-общинной культуры, приезжие рабочие должны в быстром времени адаптироваться к условиям городской жизни и привить себе навыки промышленного производства. Этот процесс представляет большие трудности и часто сопровождается нежелательными социальными проблемами, такие как впадение рабочих в разные виды зависимости, как алкоголизм или азартные игры, участие в преступной деятельности, конфликты с местным населением. Исходя из этого, представляются актуальными исследования особенностей образа жизни рабочих в нынешних промышленных зонах. В рамках исследования по теме «Социальная активность рабочих в промышленных зонах», проведенного при финансовой поддержке Национального фонда развития науки и технологий (Nafosted).

1. Методы исследования

члены исследовательской группы Университета Профсоюзов провели опрос среди 1200 рабочих, работающих в промышленных зонах в шести городах и провинциях, включая Ханой, Бакнинь, Дананг, Куангнам, Биньзыонг и Хошимин. Исследование проводилось два года, с 2015 по 2016 г. Основными исследовательскими методами стали социологический опрос, включенное наблюдение, глубинный личный интервью и групповой интервью. Основная задача, поставленная нами в ходе исследования, была «выявить особенности образа жизни рабочих в нынешних промышленных зонах и их отличия от образа жизни рабочих, ожидаемого обществом». В качестве теоретической основы исследования была использована теория символического интеракционизма.

В соответствии с данной теорией образ жизни человека является продуктом социализации личности в разных социальных средах, в которых личность принимает активное участие. В ходе социальных взаимодействий личность

учит модели поведения, формирует или изменяет отношение к этическим и культурным ценностям, превращает их в свои нормы поведения. Таким образом, чтобы понять механизмы формирования и изменения образа жизни рабочих в промышленных зонах, необходимо изучать их интеракции в конкретной социальной среде, где они являются активными участниками.

В работе «Социальная активность рабочих в промышленных зонах Вьетнама» (код. VII.1–2013–26) под понятием «образ жизни рабочих» понимаются особенности быта данной социальной группы, отражаемые в образе мышления и относительно регулярно проводимых видах деятельности. Образ жизни определяют субъективные факторы, такие как образование, пол, возрастные и физиопсихологические особенности, а также объективные факторы, такие как жизненная среда, рабочая среда и другие социально-экономические условия. «Рабочий» определяется как индивид, работающий непосредственно на линиях производства предприятия.

Таблица 1. – Выбранные пункты-факторы в шкале социальной активности рабочих

Фактор	Факторная нагрузка		
	(1)	(2)	(3)
Активное участие в общественных благотворительных мероприятиях	.761		
Активное участие в мероприятиях в месте проживания	.717		
Бескорыстная помощь по жизни коллегам	.697		
Участие в благотворительной сдаче крови	.693		
Просмотр/участие в спортивных мероприятиях	.644		
Активная спортивная тренировка	.622		
Участие в любительских кружках и клубах	.591		
Просмотр/участие в музыкальных концертах	.572		
Регулярное слежение за политико-экономическими новостями, вопросами национальной безопасности	.561		
Участие в религиозных мероприятиях		.680	
Уборки дома, ремонт домашних приборов		.662	
Участие в санитарных днях		.519	
Наличие дополнительной заработной платы		.432	
Застолье с земляками (с употреблением большого объема спиртных напитков)			.785
Карточные и азартные игры			.773
Гуляние			.761
Игры в компьютерных игровых клубах			.760
Болтовня с приятелями			.658
Конфликты и разборки с местным населением			.608
Походы по магазинам			.465

Источник: результаты проведенного в 2014 г. при государственной поддержке исследования по теме «Социальная активность рабочих в промышленных зонах Вьетнама» (код. VII.1–2013–26)

С помощью анкет были опрошены респонденты, подобранные районированной вероятностной выборкой. В каждом исследуемом регионе путем вероятностной выборки мы выбрали одну промышленную зону. В каждой из этих промышленных зон снова через вероятностную выборку было выбрано три подразделения, задействованные непосредственно в производстве. Далее был состав-

лен список рабочих, а также проведен опрос и интервью. Из 1200 выданных анкет обратно поступило 1172 полностью и корректно заполненные. После обработки данных программой SPSS 20 нами были получены следующие результаты:

Для установления особенностей образа жизни рабочих в промышленных зонах мы использовали факторный

анализ, а именно разведочный факторный анализ и определение внутренней надежности через показатель Cronbach Alpha (который составил 0,876). При оценке содержания пунктов-факторов, количества пунктов и факторной нагрузки мы выявили, что результаты от трех групп факторов являются самыми точными, а это факторы (1) участие в общественных мероприятиях, (2) участие в семейных мероприятиях и (3) активность в мероприятиях с участием друзей. Это три вида социальной активности, в которых рабочие участвуют в повседневной жизни.

2. Образ жизни рабочих, отражаемый в общественных мероприятиях

По результатам анализа данных было выявлено, что в рамках первой группы видов социальной активности, самые частотные, в которых рабочие регулярно принима-

ют участие, включают «активное участие в общественных благотворительных мероприятиях» (средний балл 2.039); «благотворительную сдачу крови» (средний балл 2.114), «участие в любительских кружках и клубах» (средний балл 2.039) и «активное участие в мероприятиях в месте проживания» (средний балл 1.959). Данные результаты показывают, что рабочие в промышленных зонах часто участвуют в общественных и благотворительных мероприятиях в месте проживания. Виды активности, направленные на повышение качества жизни рабочих, такие как спортивные мероприятия и концерты, также получают внимание со стороны рабочих. Среди видов активности, направленные на рабочий коллектив, выделяется «бескорыстная помощь коллегам», которая отражает готовность рабочих к взаимопомощи.

Таблица 2. – Виды общественных мероприятий, в которых участвуют рабочие

№	Вид социальной активности	Средний балл
1	Активное участие в общественных благотворительных мероприятиях	2.039
2	Активное участие в мероприятиях в месте проживания	1.959
3	Бескорыстная помощь по жизни коллегам	1.865
4	Участие в благотворительной сдаче крови	2.114
5	Просмотр/участие в спортивных мероприятиях	1.973
6	Активная спортивная тренировка	1.718
7	Участие в любительских кружках и клубах	2.039
8	Просмотр/участие в музыкальных концертах	1.923
9	Регулярное слежение за политико-экономическими новостями, вопросами национальной безопасности	1.683

Источник: результаты проведенного в 2014 г. при государственной поддержке исследования по теме «Социальная активность рабочих в промышленных зонах Вьетнама» (код. VII.1–2013–26)

В то же время рабочие не уделяют большого внимания слежению за политико-экономическими новостями и вопросами национальной безопасности. Только 59% рабочих читают новости о политико-экономической ситуации в стране и ситуации с национальной безопасностью (50.2% редко читают, 9% — часто). Несмотря на то, что социально-политические вопросы не имеют прямого отношения к жизни рабочих, как проблемы зарплаты и потребительских цен, но 50% рабочих, равнодушных к этим вопросам — это очень высокий показатель, требующий изменения. Как известно, рабочий класс — это главная движущая сила, образующая основу Партии. Рабочий класс несет большую ответственность за благополучие страны и народа, из-за чего он не может стоять вне социально-политической жизни страны и быть равнодушным к проблемам общества. В некоторых исследованиях были предложены пути повышения социально-политического сознания рабочих через специальные мероприятия, в которых вплетены и вопросы быта и работы. Это практические мероприятия состязательного характера, проводимые в процессе производства, направленные на укрепление патриотизма, повышение квалификации и непосредственно связанные с насущными интересами рабочих.

Сопоставительный анализ с учетом таких факторов, как пол, возраст, место жительства, семейное положение и стаж работы, дают следующие результаты:

2.1. Гендерные особенности рабочих, влияющие на участие в общественных мероприятиях

В рамках данного исследования нам предстояло ответить на вопрос, как гендерные различия влияют на уровень активности рабочих в общественных мероприятиях. В результате анализа было выявлено гендерно-обусловленное различия в виде активности «Активное участие в общественных благотворительных мероприятиях». Данные различия имеют статистическую ценность при $p=0.007$. Кроме того, были установлены различия в таких формах социальной активности, как «участие/просмотр спортивных программ» и «спортивная тренировка», однако эти различия были малы, с $p=0.046$ и 0.012 .

Третья таблица отражает гендерные различия в пункте «слежение за политико-экономическими новостями страны и вопросами национальной безопасности». Мужчины чаще и больше времени уделяют новостям о социально-экономической сфере и сфере национальной безопасности.

Таблица 3. – Гендерные особенности рабочих, влияющие на участие в общественных мероприятиях

№	Вид социальной активности	Мужчины	Женщины
1	Активное участие в общественных благотворительных мероприятиях	2.056	1.973
2	Активное участие в мероприятиях в месте проживания	1.976	1.943
3	Бескорыстная помощь по жизни коллегам	1.860	1.870
4	Участие в благотворительной сдаче крови	2.112	2.117
5	Просмотр/участие в спортивных мероприятиях	1.941	2.003
6	Активная спортивная тренировка	1.794	1.647
7	Участие в любительских кружках и клубах	2.042	2.037
8	Просмотр/участие в музыкальных концертах	1.885	1.960
9	Регулярное слежение за политико-экономическими новостями, вопросами национальной безопасности	1.804	1.567

Источник: результаты проведенного в 2014 г. при государственной поддержке исследования по теме «Социальная активность рабочих в промышленных зонах Вьетнама» (код. VII.1–2013–26)

2.2. Возрастные особенности рабочих, влияющие на участие в общественных мероприятиях

В рамках анализа рабочие были разделены на разные возрастные категории — 17–20 лет, 21–30 лет, 31–40 лет, 41–50 лет и 51–56 лет. В результате анализа было выявлено, что возраст рабочих влияет на их активность в общественных мероприятиях.

Все различия в социальной активности рабочих разных возрастов имеют статистическую ценность, с показателем p от 0.001 до 0.037.

2.3. Особенности места жительства рабочих, влияющие на участие в общественных мероприятиях

Результаты сопоставления показывают, что существуют различия в социальной активности рабочих, проживающих в разных местах. Данные различия проявляются в трех видах активности, а именно «просмотр/участии в спортивных мероприятиях», «активной спортивной тренировке» и «регулярном слежении за политико-экономическими новостями и вопросами национальной безопасности» (показатель $p = 0.000$). Было выявлено, что рабочий, живущие в своем собственном доме, намного чаще принимают участие в перечисленных видах социальной активности, чем те, кто снимают жилье или живут в общежитиях.

2.4. Особенности семейного положения рабочих, влияющие на участие в общественных мероприятиях

При сопоставлении социальной активности рабочих с разным семейным положением, были выделены различия, имеющие статистическую ценность, между холостыми/незамужними, состоящими в браке и разведенными рабочими. Различия проявляются в следующих видах активности: «бескорыстная помощь по жизни коллегам» ($p = 0.001$) и «просмотр/участие в музыкальных концертах» ($p = 0.000$). Состоящие в браке рабочие чаще всех оказывают своим коллегам бескорыстную помощь в бытовых проблемах (средний балл = 1.913), дальше были разведенные (средний балл = 1.800), а холостые/незамужние были на последнем месте (средний балл = 1.976).

2.5. Особенности стажа работы рабочих, влияющие на участие в общественных мероприятиях

В ходе анализа взаимосвязи между стажем работы рабочих и их активностью в общественных мероприятиях были установлены заметные различия в некоторых видах активности, а именно «активном участии в мероприятиях в месте проживания» ($p = 0.000$), «благотворительной сдаче крови» ($p = 0.016$), «просмотр/участии в спортивных мероприятиях» ($p = 0.000$), «активной спортивной тренировке» ($p = 0.010$), «участии в любительских кружках и клубах» ($p = 0.000$) и «слежении за политико-экономическими новостями страны и вопросами национальной безопасности» ($p = 0.005$). По данным сопоставления, чем больше стаж работы у рабочих, тем чаще они участвуют в общественных мероприятиях.

3. Образ жизни рабочих, отражаемый в семейных мероприятиях

Во второй группе видов социальной активности, включающих мероприятия на семейном и личном уровне, была выявлена большой интерес рабочих к религиозным мероприятиям и дополнительной зарплатке.

По результатам опроса 87,9% рабочих участвуют в религиозных мероприятиях. Это говорит о высокой потребности в религиозных мероприятиях как у семейных, так и у холостых/незамужних рабочих. Такие виды деятельности, как уборки в доме, ремонт домашних приборов или участие в санитарных днях, совершаются относительно редко.

4. Образ жизни рабочих, отражаемый в отношениях с друзьями

В третью группу входят виды социальной активности развлекательного характера, совершаемые с участием друзей. Результаты опроса показывают, что рабочие участвуют в следующих видах деятельности: «карточные и азартные игры» (средний балл = 2.612), «конфликты и разборки с местным населением» (средний балл = 2.633) и «игры в компьютерных игровых клубах» (средний балл = 2.603).

Таблица 4. – Активность рабочих в мероприятиях с участием друзей

№	Вид активности	Средний балл
1	Застолье с земляками (с употреблением большого объема спиртных напитков)	2.247
2	Карточные и азартные игры	2.612
3	Гуляние	2.190
4	Компьютерные игры в компьютерных игровых клубах	2.603
5	Болтовня с приятелями	2.156
6	Конфликты и разборки с местным населением	2.633
7	Походы по магазинам	2.015

Источник: результаты проведенного в 2014 г. при государственной поддержке исследования по теме «Социальная активность рабочих в промышленных зонах Вьетнама» (код. VII.1–2013–26)

Данные Таблицы 4 показывают, что рабочие довольно часто участвуют в видах активности, относящихся к третьей группе. Карточные и азартные игры с друзьями имеют высокую частотность (средний балл = 2.612). Примечательно, что очень большой процент рабочих — 70% часто и 21,2% иногда играют в карточные и азартные игры. По мнению исследователей, причины этого явления является то, что рабочие часто живут в общежитиях, находящихся в отдаленности от жилых районов и соответственно от развлекательных учреждений. В результате этого игры в карты служат рабочим просто видом развлечения, имеют незначительный азартный характер и выигрыши малого размера.

Рабочие также приходят в компьютерные игровые клубы для развлечения после рабочего дня. Это также распространенный вид социальной активности рабочих (средний балл = 2.633). 69,2% рабочих часто и 21,9% иногда приходят в эти заведения.

Практика показывает, что при проектировании промышленных зон инвесторы зачастую обращают внимание только на производственную инфраструктуру и забывают о строительстве специальных жилых зон и общежитий для приезжих рабочих. В результате огромная потребность в жилье и сопровождающих услугах у приезжих рабочих удовлетворяется главным образом местным населением. По нашим подсчетам только 3,4% рабочих живут в специальных общежитиях, в то время как 57,8% должны снимать жилье у местных жителей. Возрастные особенности, культурные различия, неспособность адаптироваться к новым обычаям и недостаточный контроль со стороны социальных институтов приводят к тому, что рабочие в арендуемых домах имеют тенденцию жить крайне вольно, без должного самоконтроля. Это во многом ухудшает отношение местного населения к ним. Несмотря на большую экономическую выгоду, поступающую от арендуемых жилых помещений, расхождения в культурных традициях и образе жизни приводят к конфликтам и столкновениям, обостряющим напряжение между местным населением и приезжими рабочими. Во многих провинциях драки между приезжими рабочими и местной молодежью уже стали привычным явлением.

Выводы

Обобщая результаты исследования, можно заключить, что образ жизни рабочих отражается в разных видах ак-

тивности, начиная от процесса производства до общения и участия в мероприятиях в рамках семьи и общины. Социально-политическая активность и образ жизни рабочих подвергается влиянию условий быта и метода производства. Можно проследить отпечатки рабочей и социальной среды на образе жизни рабочих, работающих в промышленных зонах, которые проявляются также в социальной активности рабочих. В общем пережитки прежней жизни, основанной на сельскохозяйственном производстве, постепенно заменяются новым образом жизни, базируемым на промышленном производстве и рыночной экономике. В образе жизни рабочих в нынешних промышленных зонах можно выделить как положительные, так и отрицательные моменты. С одной стороны, сохраняются у рабочих такие традиционные культурные ценности, как щедрость и человечность, что проявляется в их активном участии в общественных и благотворительных мероприятиях. С другой стороны, бедные условия жизни, низкая социальная активность и ограниченные юридические знания у некоторых рабочих могут приводить к нездоровому образу жизни и участию в антисоциальных действиях. Проявления анти-социального образа жизни, включающие драки, участие в азартных играх, коллективное чрезмерное употребление алкогольных напитков, конфликты с местным населением, наблюдаются все чаще в среде приезжих рабочих. Если не будут приняты своевременные меры с целью направить жизнь таких рабочих в правильное русло, в соответствии с традиционными культурными ценностями и требованиями современного общества, то в дальнейшем в результате своего негативного образа жизни эти рабочие станут обузой для общества.

Согласно Проекту «Формирование культурной жизни для рабочих в промышленных зонах до 2015 г, с направленностью до 2020 г. », принятого Постановлением премьер-министра правительства № 1780/QĐ-TTg, до 2015 г. планируется распространить юридические знания, связанные с формированием культурной жизни, 70% рабочих и работодателей в промышленных зонах. Для достижения данной цели в первую очередь необходимо создать и усовершенствовать концепции развития материальной и духовной жизни рабочих в промышленных зонах с привлечением ресурсов от трех источников — органов

местной власти, самих предприятий, а также общественных, профсоюзных организаций и общества в целом.

Для этого правительство и местные власти должны выделить специальные ресурсы из бюджета и земельного фонда для строительства учреждений социального обеспечения, культурных и спортивных заведений, обслуживающих рабочих вне рабочего времени. Профсоюзные организации и предприятия должны координировать усилия с муниципальной властью и общественными организациями, действующими в районе промышленных зон, в организации культурно-развлекательных и спортивных мероприятий. Цель этого — создать теплую атмосферу и установить дружественные отношения между местной властью, местным населением, предприятиями и рабочими.

Необходимо в частности усиливать работы по профессиональной ориентации и профессиональной подготовки для рабочих, особенно приезжих рабочих, создать равные условия доступа к культурно-духовным ценностям и раз-

ным видам социального обеспечения, уменьшить разрыв между городом и деревней, между работниками умственного и физического труда, подготовить высококвалифицированных управляющих работников в сфере культуры, обладающих глубокими знаниями о культурных спецификах разных категорий работников и способных создать конкретные программы и планы повышения эффективности культурных мероприятий.

В процессе ускорения модернизации, индустриализации и международной интеграции рабочие занимают все более важную роль. Поэтому вопрос повышения качества их материальной и культурно-духовной жизни является очень актуальным. Решение данного вопроса также является критерием оценки степени модернизованности и цивилизованности городов и провинций, на территории которых действуют промышленные и экспортно-промышленные зоны, а также условием для вывода данной провинции на региональный и международный уровень.

Список литературы:

1. Научный проект ВАОН, Фундаментальные психологические проблемы работников государственных предприятий, предприятия с иностранными инвестициями и совместными частным сектор», доктор философии. Фан Ти Май Хаонг, Институт психологии, Вьетнамская Академия общественных наук. – 2008.
2. Нгуен Ань Туан. Ряд решений Союза работников поддержки молодежи в промышленных зонах, зоны экспортной переработки сегодня Факультет молодежи. Вьетнамская Академия Молодежи. – 2012.
3. Танг Ба Хоанг, Восприятие молодежи о режиме профессиональной трудовой политике, Ханойский университет, – 2012.
4. Кодекс законов о Труде в – 2012 году.
5. Быстрый отчет об иностранных инвестициях, департамента иностранных инвестиций, – 2008.
6. Положение о демократии в акционерном обществе и общество с ограниченной ответственностью в – 2006 году.
7. Общие бюро Статистики, экономическая ситуация общество в – 2008 г, 2010 г, 2012 г, 2014 г.
8. Адаптивность работников в Ханое под воздействиями экономической интеграции. Департамент планирования и инвестиций в Ханое. – 2007.

Section 8. Philology

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-65-67>

Sevinj Aliyeva,
leading scientific worker of the Monitoring department of Linguistics Institute
of ANAS, Doctor of philosophy on philology, assistant professor
PhD on Philology, associate professor
Institute of Linguistics after the name of Nasimi of NASA
E-mail: matlabm@yandex.ru

About some compound verbs which have taken place in the epos of “Kitabi-Dede Korkut” and in due course have undergone to limited usage

Abstract: The lexico-semantic analysis of a few compound verbs which have taken place in the epos of “Kitabi-Dede Korkut” and have undergone to limited usage were represented in the article. The author compares the borrowed components in compound verbs with the source language. The author defines the level of semantic deformation on the basis of comparisons.

Keywords: the epos of “Kitabi-Dede Korkut”, compound verbs, limit of usage, semantic archaize.

Севиндж Алиева,
Ведущий научный сотрудник Отдела мониторинга Института языкознания
НАНА, доктор филологических наук, доцент
Кандидат филологических наук, доцент
Институт языкознания им. Насими НАСА
E-mail: matlabm@yandex.ru

О сложных глаголах эпоса «Книги моего Деда Коркута», подвергшихся к сужению функциональности

Аннотация: В статье предлагается лексико-семантический анализ некоторых сложных глаголов эпоса «Книги моего Деда Коркута», подвергшихся к сужению функциональности. Автор сопоставляет заимствованные компоненты данного рода глаголов с языком-источником. На основе этих сопоставлений автор выявляет степень семантических деформаций этих сложных глаголов.

Ключевые слова: эпос «Книга моего Деда Коркута», сложные глаголы, ограниченное использование, семантическая архаичность.

There are verbs among the compound verbs of “Kitabi-Dada Gorgud” which have revived until our days with semantic deformation. Let’s have a look at the verb *kəram eyləmək* which is often used in KDG and in our classic literature: *Babası ağıladı, aydır: “Oğul, ocağıımı issüz qoma, kəram eylə, varma!”—dedi* (KDQ) [7; 101].

The word *kəram* which is repeated in the saga for 8 times in different morphological and syntactic arrangements comes from Arabian word [*kəramun*] which is formed from the bab infinite form of [*kəramə*] meaning “to have a mercy”. [*Kəramun*] in Arabian language means “compassion, generosity, greatness” [11; 406]. The word “Kərim” which is used in modern Azerbaijan language (e. g.: “Allah kərimdir”) and which is one of the holy names

of Allah, as well as the personal names as Ikram, Akram have derived from namely this verb stem. The word *kəram* which is given in an archaic word status in an explanatory dictionary of Azerbaijan language is stated to be adopted in the meanings of “Grace, mercy and kindness”, and consequently, the verb *kəram eyləmək* expresses the meanings of “to have a mercy, to compassionate, to favor” [2; 685]. The verbs *kəram etmək*, *kəram eyləmək*, as well as their synonym *kəram qılmaq* are very often used in the saga “Dastani-Ahmad Harami”:

*Kəram eylə sözümdən çıxma, ey dost,
Bəni həsrət oduna yaxma, ey dost. (DAH)
Bu dənli ki kəramlār qıldı bana
Qızımı verirəm şükranə ona. (DAH)*

In Fizuli lyrics also this component of Arabian origin is often met:

*Ya Rəb, kərəm et ki, xarü zərəm,
Dəğahə bəsi ümidvərəm (Fuzuli) [19; 15]
Saqi, kərəm eylə, cam gəzdir!
Durma, qədəhi müdam gəzdir! (Fuzuli) [19; 34]*

In XIX century, this verb was also very often used in the works of S. A. Shirvani, M. P. Vagif, and M. V. Vidadı:

*Çün gəlibəsən, kərəm et, sən dəxi bizdən getmə!
Görməsəm gər səni bir dəm, öləm mən, getmə!
(M. P. Vagif) [22, 190]*

*Sənə kərəm eylər əzizü həkim,
Nə çəkərsən xovfün xəter, ağlarsan!
(M. V. Vidadı) [24, 89]*

*Əhli-dünyaya o kəs kim, kərəm etdi dövlət,
Kərəmindən sənə bir təbi-səlim etdi ata.
(S. A. Shirvani) [25, 356]*

But in the middle of the XX century, the usage areal of this expression was limited and gradually became wholly archaic. In some times, in the given combination in the semantic load given in KDG became archaic. For example:

eşqi gəlmək. Both the words **eşq**, and **gəlmək** though are in an active vocabulary fund of our language, their combination has undergone archaization in the meaning given in KDG: “*O gün baqa — baqa Qazan oğlu Uruzın eşqi gəldi*” (KDQ) [7, 71], “*O gün Uruz baxa- baxa çuşa gəldi*” (KDQ) [7; 169]. Both in an explanatory and a phraseological dictionary it is noted that the phraseologism **eşqi cuşa (tüğyana) gəlmək** is much more widely used than the expression **eşqi gəlmək** and its “to be excited, to be encouraged, to be eager to” meanings are shown to be covered under this language unit: *Qoğuz padşahın eşqi cuşa gəldi, durub gəlməkdə olsun Nardan xanımın yanına* (Nağıl); *Qurbani zindanda Pəri xanımı yadına saldı, eşqi tüğyana gəlib sazı sinəsinə basdı.* “Gurbani” [2, 36–37; 8, 111]. For comparison, we can say that connotative opportunities of semantic fields as “*həvəs, maraq*” of the words **eşq** shows itself in another phraseological unit: **eşqinə düşmək** “to have a desire, to be eager to”, i. e. *to be eager to do something, to have desire for something* [9, 172]. We should note that in the text in Turkish language presented by M. Ergin preserves archaic variant: “*O gün baka baka Kazan oğlu Uruz aşka gəldi*” [6, 64]. If to take into consideration that in modern Turkish language the verb **aşka gəlmək** is semantically similar to the phraseological units “*eşqə düşmək*”, “*eşq atəşində yanmaq*”, then we will find out that M. Ergin adaptation differs from modern text variant in Azerbaijan language. According to the translation of V. V. Bartold, we read here: “*В тот день сын Казана Уруз смотрел и был охвачен любовью*”, i. e. “*O gün Qazan oğlu Uruz baxdı və eşqə mübtəla oldu (və ya eşqə düşdü, qəlbi sevgi ilə doldu)*” [12]. As it seems, the last two interpretations do not match with the events described in the text of the saga. So, Turkish variant reflects semantic archaization process, whereas Russian translation reports non-exact interpretation. In this context, we can surely say that the most successful interpretation is the meaning evaluation submitted by F. Zeynalov and S. Alizada.

Let's have a look at the lexical and semantic peculiarities of the verb **iqrar etmək** which was used in the meaning of “to confess” in the saga and in modern Azerbaijan literary language has lost its functionality. Here the talk is about the compound verb **iqrar etmək** in KTG which has common homogenic essence with the words like *qərar*, *qərar vermək*, *qərarat*, *qərarlı*, *qərarlılıq*, etc.. The word **iqrar** is based on IV bab form of the verb derived from three-consonant stem [QRR] of the verb [əqarra] in Arabian language meaning 1) to place, to decide; 2) to establish, to lay foundation, to decide; 3) to insist, to confirm (e. g. the contract); 4) to confess. This borrowed lexeme in the articulation close to original should have transcription [iqra: r]. In original variant of the saga and in its variant adapted to modern Azerbaijan language we read:

Üç kərrə ağzından iqrar eylədi. Günahını tövbə eylədi (KDQ; 56) – “*Dediyini üç dəfə təsdiq elədi. Günahını tövbə etdi*” (KDQ; 154). In the text adapted to modern Turkish language by M. Ergin we read: *Üç kerre ağzından ikrar eyledi, günahına tövbe eyledi.* In V. V. Bartold's translation that part is presented in such a way: “*Так он сказал, трижды подтвердил свое обещание, покаялся в своих грехах*” (translation: “So, he confirmed his promise and vow for three times and repented of his sins”). If to take into consideration that in the first sources of the word borrowed from Arabian language have both “confession” and “confirmation” meanings, we will see that all three interpretations are correct.

In the explanatory dictionary of Azerbaijan language it is stated that the verb **iqrar etmək** covers the following meanings: “*boynuna götürmək, qəbul etmək, etiraf etmək, öz dili ilə təsdiq etmək*” (from — S. A.). For example: *Cəbi. Mən ərz eləyirəm ki, qız öz dililənyanımda iqrar eləyib və məni özünə vəkil tutub. ... Divanbəyi. Çünki tələbkar öz tələbini sübut edə bilmədi və öz dililə iqrar etdi ki, malı dayısı oğlundadır* (from S. A.) (N. Vəzirov) (http://www.anl.az/el/v/vn_e.pdf; 109, 331);

It is interesting that the word **iqrar** which keeps on being used in modern Turkish literary language as a legal term means “confirmation of the confession of the guilt once again” or “the confession confirmed once again”. So, we read the following in “Law dictionary of Justice Ministry of Turkish Republic” about the term **ikrar**: “*Aleyhine hukuki neticeler husule getirebilen maddi veya hukuki bir vakianın doğruluğunu tasdiktir*” (“Türkiye Cumhuriyeti Adalet Bakanlığı Hukuk Sözlüğü”). In “The dictionary of Law terms” it is stated: “**Tekrarlama, önceki şeyi bir daha söyleme veya yapma, tanıma, kabullenme, Muhakeme Hukukunda Iddiacının Iddiasını kabul etme, Aynısını itirafta bulunma.** Ikrâr, Hukuk davalarında hakimleri bağlayıcıdır. Ceza Davalarında ise Bağlayıcı değildir. Hâkimin Takdir Hakkı vardır. Hukukta yine Ikrarın birkaç şekli ve çeşidi vardır. Basit, Mevsuf, Bileşik Ikrarlar gibi.” (from S. A.).

Besides the term **ikrar** in modern Turkish language the compound verb **ikrar etmek** in the meaning of “to confess”, “to plead”, “to admit” is also actively used. For example: *Məsələn, Suriyə'də Selefî Vatandaşlarının Bulunduğunu İkrar*

Etti; Paşa, tevill yoluyla ikrar etti; Arınç: Genelkurmay tevill yoluyla ikrar etti.

Returning to the functionality issue of this compound verb in modern Azerbaijan language, we should add that this borrowed component used in different times in "Dastani-Ahmad Harami", and in the works of Nasimi, S.A. Shirvani, M.A. Sabir at present time has become completely archaic. It also should be noted that in our classic literature the word **iqrar** was used not only with the auxiliary verbs **etmək/eyləmək**, but also in combination with the verbs "**olmaq, qılmaq**":

*Güləndam dəxi söyləmədi təkrar,
Həqiqət dinməməlik **olur iqrar**. (DAH)
Qanı dil ilə **iqrar eyləyən** kim,
Həqə yoxdur anın könlündə inkar? (Nasimi)
Münkirin iqrarı yoxdur həqqə, ey sahibnəzər,
Həqqə **iqrar eylə** sən, münkirdən iqrar istəmə!*

XIX əsr ədəbi dilimizdə iqrar etmək felinin işlənmə mövqeyinə nəzər salaq:

*Ağa Seyyid Hüseyn bir neçə il dərs oxuyub,
Edir iqrar ki, hala bilirəm Qurani (S.A. Shirvani)
Məni əfv eylə ki, öz cürümə **iqrar etdim**,
Anladım səhvimi, iqrarımı inkar etdim (S.A. Shirvani)*

In the last quote, S.A. Shirvani in his poem addressed to H. Sultanov, pleads guilty and asks for mercy.

*Gəl mənim sən'ətimdə sür'ətimi
Görüb, **iqrar qıl** məharətimi ... (M. Ə. Sabir)
http://www.anl.az/el/s/mes_h2.pdf; 132)*

In this sample M.A. Sabir invites his collocutor to listen to him and to confess his talent.

*Axırda polis naziri dedi: — Görünür, bu qız atası ilə
getmək istəyir və güclə gətirilməyini **iqrar etməyə** qorxur
(A. Həgverdiyev).*

Let's pay attention to another verb borrowed from Arabian language **vasil olmaq** which can be admitted as a semantic archaism in a certain context. The verb **vasil olmaq** which comes from the first bab verb [**vasala**] [11, 516] in Arabian language expressing "1. To reach. 2) to get, to obtain" derives from [**va: silun**] meaning "reached", expresses the meanings "to reach, to arrive, to join, to achieve" [3, 466].

Although the submitted samples covers only a part of the compound verbs used in KDG and underwent semantic limitation, it helps a lot to have an idea about general course of the process of contraction of the meaning.

References:

1. Explanatory dictionary of Azerbaijan language, I volume, – Baku, – 2006, – P. 744.
2. Explanatory dictionary of Azerbaijan language, II volume, – Baku: East-West, – 2006, – P. 792.
3. Explanatory dictionary of Azerbaijan language, IV volume, – Baku: East-West, – 2011, – P. 712.
4. Babayev A. M. Introduction to linguistics. – Baku: Maarif, – 1992, – P. 504.
5. "Dastani-Ahmad Harami", – Baku: East-West, – 2004, – P. 120.
6. Dede Korkut Kitabı, (Muharrem Ergin) Hisar, Kültür gönüllüləri, – 2003, URL: <http://www.gunesdershanesi.com/>
7. Kitabi-Dədə Gorqud (arrangement, transcription, simplified text variant and introduction. S. Alizada and F. Zeynalov) – Baku: Writer, – 1988, – P. 265.
8. Seyidaliyev N. F. Dictionary of phraseology, – Baku: "Chirag", – 2004, – P. 272.
9. Valiyeva N. Phraseological dictionary in Azerbaijan- English –Russian languages, Baku: Nurlan, – 2006, – P. 460.
10. Baranov Kh. K. Arabian –Russian dictionary, URL: <http://padaread.com/>
11. Belkin V. M. Arabian –Russian dictionary, – M.: «Russian language», – 1986, – P. 528.
12. Song about how Uruz Bey-bey the son of Kazan-bey was captured// "The Book of Dada Gorgud" (translation by V. V. Bartold, compilers: V. Zhirmunsky, A. Kononov) URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Korkut/frameset4.htm>
13. Song about how Bisat killed Depe-goz// "The Book of Dada Gorgud" URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Korkut/text8.phtml?id=745>
14. Song about Bamsi-Beyrek, son of Kan-Bura// "The Book of Dada Gorgud" URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Korkut/text3.phtml?id=745>
15. Turkish- Russian dictionary, – M.: «Russian language», – 1977, – P. 966.

Section 8. Philosophy

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-68-69>

*Alimatova Nargis,
professor, PhD in Philosophy
E-mail: javlon207@mail.ru*

*Kasimov Zafar,
head of department*

Hermeneutics in the works of Central Asian philosophers

Abstract: This article describes the meaning of the term Hermeneutics and the importance of interpretation in scientific knowledge. It also demonstrates that while in the 20th century philosophy Hermeneutics is considered as a separate branch associated with Friedrich Daniel Ernst Schleiermacher and Wilhelm Dilthey, the Central Asian great thinkers in 9–12th centuries discussed theoretic issues related to Hermeneutics and made considerable contribution to the overall theory of interpretation. Abu Nasr Farabiy, Abu Ali Ibn Sina, Bernuniy, Mahmud Zamahshariy, Abu Abdulloh Khorazmiy and other conducted important studies in this area.

Keywords: Hermeneutics, interpretation, Abu Nasr Farabiy, Abu Ali Ibn Sina, Bernuniy, Mahmud Zamahshariy, Abu Abdulloh Khorazmiy.

In the modern philosophy, Hermeneutics is studied as a branch of philosophy that studies issues of understanding, explaining and interpretation and is associated with Friedrich Daniel Ernst Schleiermacher and Wilhelm Dilthey. As a methodological discipline, it offers a toolbox for efficiently treating problems of the interpretation of human actions, texts and other meaningful material.

The word “Hermeneutics” relates to Hermes, who in ancient Greek mythology is a god of transitions and boundaries. Hermeneutics is the theory and methodology of interpretation. Hermeneutics as the methodology of interpretation is concerned with problems that arise when dealing with meaningful human actions and the products of such actions, most importantly texts. It started out as a theory of text interpretation but has been later broadened to questions of general interpretation. It does not try to explain, but rather to interpret what was not understood or “decipher an unknown language”.

The historical experience attests that where old concepts and meanings are narrated in the context of a wider theory, there one can reach more results compared to the past [1]. “Interpretation of a previously known old notion in a new system is the beginning of a new discovery”, said G. Klaus [1, P. 32].

Modern human knowledge encompasses several thousand years of development of understanding the world and social reality. At the same time, such a development has been interpreted differently by different thinkers. The method of interpretation created different trends and directions: materialistic vs idealistic; dogmatic vs relativistic; objective or

subjective; etc. Irrespective of its foundation, interpretation allows the human knowledge and the worldview to cross over from one level to another and also helps to solidify or deny the already reached levels of knowledge. A worldview gets polished in this way as well.

Thus, shaping of a worldview from one form to another, from one level to another is done through applying one or another method of interpretation.

A successive continuous process of interpreting evolving worldview and the reality is the source of dialectic thinking. This source assures forward, spiral and constant development of the dialectic thinking.

The great thinkers who lived in the Central Asia also made an important contribution to the study of interpretation. Abu Nasr Farabiy, Abu Ali Ibn Sina, Bernuniy, Mahmud Zamahshariy, Abu Abdulloh Khorazmiy and other conducted important studies in this area.

According to F. Sulaymanova, there is a study of interpretation by Farabiy in his “Introduction to Logics”. In the first chapter, he discusses scientific terminology and scientific categories used in such terminology. Farabiy noted the importance of difference between scientific categories and simple explanations. His views in this area can be summarized as follows:

First, Farabiy clearly realized that scientific terminology is an independent area of study, which needs a particular attention.

Second, he tried to show that scientific terminology which explains various scientific categories have historical and objective meaning, and came close to understanding that they

(terminology) need to be free from subjective emotions and the influence of opinions. In his "Philosophical questions and answers to them", Farabiy wrote: "Understanding the gist of things relates to knowing general rules and laws, these divisible general rules and laws has its count and limits" [2, P. 28].

"If a human comes across things that he did not learn about and if he/she acts based on main rules and general laws, irrespective of what happens, he/she would have a firm basis to appeal and reconsider to his/hers concepts", he also said 4.

Along with being one of the most advanced experts in many disciplines, Farabiy also studied, commented on and disseminated works by Aristotle. For instance, he wrote comments to Aristotle's "First Analysis", "Topics", "Sophistic", "Categories", "Ethics" and others.

Since Aristotle's books were written in Syriac and Latin languages and given the fact that corresponding scientific terminology did not exist at the time, it was quite difficult to understand Arabic translations of his books. As E. Bertels said: "One cannot argue that Farabiy's works were not critical or not independent" [2, P. 28].

The works of Farabiy ensured we understand ancient scientific thought. As the French scholar E. Renan stated, thinkers of the East not just provided comments on the meaning of ancient books, but also explained them from their knowledge and point of view.

Thus, commentary did not just explained views of the ancient scholars, but also illuminated about the worldview and ideas of the reviewers. So we can say that Farabiy did not just popularized Aristotle's ideas, but his reviews can serve as a good source material on Farabiy's philosophical vies as well. Farabiy's commentaries did not just interpreted the materialistic views of Aristotle, but also served as a tool to disseminate Farabiy's socio-political ideas as well. He made great strides in the developments of science and philosophy in the East.

Ibn Sina wrote the following while reading Aristotle's "Metaphysics": "I did not understand goals of the author. Even after reading it forty times, I did not quite understand him and

his goals. Then I lost any hope and concluded that this book was incomprehensible" [3, P. 442]. One day in bazaar, he sees a book seller who was praising a book. Abu Ali sees that it was a book about "Metaphysics", which he did not understand at all. After the shopkeeper begs him to buy the book at a highly discounted rate, Ibn Sina buys it. Then after coming home, Abu Ali realizes it was a book by Farabiy, in which he commented on "Metaphysics" by Aristotle. "As I kept reading it, the meaning and goals of "Metaphysics" became clearer and clearer to me", writes Ibn Sina [4, P. 12].

Ibn Sina's philosophical treatise "Ash-Shifa" contains nine books devoted to logic [4, P. 12]. One of these books "Al-Ibarat" deals with the issue of interpretation. In it, Ibn Sian links the issue of interpretation with the process of reflection as "true" and "false" through logic reasoning.

Abu Abdullah Khorazmiy in his "Matofikh al-Ulum" book touches upon on matters related to logic, where he attaches specific attention to interplay between words and expressions. He says that words explain meaning of things fully and partially. Al Khorazmiy's works studied in great detail the usage of words to achieve a meaning, which then leads to logic concepts [5, P. 83].

Mahmud Zamakhshariy in his dictionary "Asos-ul-Balog'a" (The Foundation of Eloquence) raised the Arabic dictionaries to whole another level. He was also successful in interpreting words. He attached real meaning to words with multiple examples. He explains how to use words in certain expressions, thus indicating multiple meanings of same words. Zamakhshariy's contributions, thus, also include studying interrelations between meaning and interpretation [6, P. 83].

We can conclude that, although Hermeneutics is studied as a philosophical trend in 20th century, its problems had been studied by Central Asian scholars as far as back in 9–12 centuries. While the interpretation studies in Europe were centered around interpreting religious scripture, in Central Asia scholars looked into elements and practical application of the theory of interpretation.

References:

1. Abdeev R. F. "Philosophy of information civilization", – M. – 1994, – P. 31–32.
2. Farabiy A. N. "Philosophical questions and answers to them", – T. – 1975, – P. 28.
3. Bertels E. "The history of Persian-Tajik literature", – M. – 1960, – P. 442. Abu Ali Ibn Sina, "Tib Qonunlari", – V. 1, – T. – 1996. – P. 12.
4. Irisov A. "Hakim Ibn Sino", – T. – 1992, – P. 83.
5. Khayrullaev M., Bakhadirov R., "Abu Abdullah al-Khorazmi", – T. – 1988. – P. 83.
6. Rustamov A. "Mahmud Zamakhshariy", – T. – 1971.

*Atavullaev Mirkomil Axmadovich,
Senior scientific researcher
National University of Uzbekistan
Faculty of social sciences
Department of "National idea"
Tashkent, Uzbekistan
E-mail: naumenko06@mail.ru*

Socionormative features and philosophical significance of legal values

Abstract: The article reveals the peculiarities of the legal value as a legal phenomenon, its social relations and administrative functions.

Keywords: rationalism, democracy, legal value, law, social life, irrational, socionormative, legal dogmatism.

Emphasis on the formation of democratic values, human rights protection of human rights and freedoms of liberal philosophy. He is the modern democratic values of human freedom, property, freedom of residence, freedom to elect and be elected to the analysis of labor rights. Democracy is the ideal, the ideal mechanism developed by the state constitution and created by law. Thus, there are legal values of democracy and constitutionalism. In our opinion, democracy and the rights phenomenon plays an important role in communicating with the process of modernization.

Legal value consists of two components: 1) the phenomenon of human rights and 2) values. Lawyers interpreted it as a law on reality. At the same time, they do not reject the axiological approach. It is so called «Axiological law». However, as the value of the rights to represent the philosophical teachings of axiological research. Therefore, human rights must be transferred to the synthesis of phenomena of axiology.

Academician of the Academy of Sciences of Uzbekistan J. Tulenov supposed that values of the natural, physical, cultural, spiritual, social, political, national, regional and universal, progressive and reactionary to provide moral forms. The man calling all human values, the highest value position into account, he said. [1]. Thus, the value of his interests with the interests and aspirations of the subjective approach into a method of assessing values. Therefore, G. Rickert subjective and psychological relations, human relations with the outside world paid attention [2]. In this case legal values of this factor has priority.

J. Tulenov does not mention the legal value; he tries to look at the socio-political system of values. However, the law because he was a unique phenomenon in the socio-political values that he is not, then in a broad and include the right to create the conditions necessary for its implementation. Pricing marks in terms of features and functionality of the legal value of particular realities.

Doctor of Philosophy and moral values Q. Nazarov made a classification of national and universal forms. [3]. It was also around the side of the value of human behavior assessment, he said. Therefore, he wrote: «analyzing the structure of the category and the values associated with the object and values

the importance and the value of students learning the subject in need is essential to pay special attention to the dialectic» [3].

Scientific researcher A. Mirzayev was a little different, said: «According to the nature of the content and values, progressive and reactionary types of values according to the nature of their content and can not be supported by the majority, acknowledged and recognized invalid regulating means values. Thus, the minority against humanity recognized by the attempt to describe and understand the value that contradicts the logic» [4]. This is not only the author's value as a positive reality approach out there, those values can not be considered to be as ambivalent events. For example, trees and rich, there is a pool leaking into the ground water, protecting rare wild animals encountered in remote forest ecologists, strove to preserve, the modernization and support of scientific and technical progress, especially in the merits of the great entrepreneurs to build a new city or business try it. Object (subject) in different values has separate types of progressive or reactionary. In this respect, values, glorifying the Soviet legal system, or as a remembrance of the Soviet constitution. Its reactionary nature that when known systematic and criticized western scientists said.

Professor R. Ro'zieva, «values which express man's relationship to the object in the outside world, a reflection of the activity of the evaluation is subjective, as described. Thus, as the value of subjective understanding of the product of gnoseologic category experience, consciousness, knowledge, comprehension on the trend. Due to the subject of human beings cognitive affects assessment» [5]. In this regard the scientist values and the values of the following features and characters he writes:

- First of all, human consciousness, perception and the surrounding areas of social existence, «Me» their subjective expression of the relationship;
- Secondly, to understand the events and changes in the life of the world gnoseologic experience with the product;
- Thirdly, although it is based on the ontological self-subjective reality, cognitive, and affective phenomenon;
- Fourth, they are as sustainable concepts of objective events and developments followed her, but explain them in

the form of relatively independent phenomenon, interpretation, and finds it to be rejected;

– The fifth objective values wealth and relative independence of their social life, it can not be the basis of individual;

– Sixth, the ontological basis of the values at the dialectical connection with the public is important to understand that phenomenon;

– Seventh, national and universal values, which combines a dialectic can not forget that there are rational and irrational aspects of real transcendence, only to find their characters Integration leads to the solution of scientific problems [5]. These features and more characters to continue, you can argue with some of them. For example, the values are always an expression of the gnoseologic experience of it, it is not only subjective, but also objective being too. For example, the sun, the land, the water, the mountains, the real, physical appearance, open- air by human values. Human them helpful or harmful, good or bad for the value of their self-government, «absolute value» (N. O. Losskiy), because they do not require an assessment of some of the people, but the condition of the existence of human and social existence universal «absolute values».

Philosophical approach to axiological rights law, leading to the phenomenon does not reject it, but to him, individual, private and confirms the identity of a dialectic between universality.

«Human, this is a person, nor any other person shall be subjected to arbitrary conditions, which can be compared in terms of the law of freedom of the sum of (complex)» [6]. A philosophical point of view I. Kant's description of this support, in which all human rights are recognized. However, the law point of view, he added. Therefore, professors U. Tojixonov and A. Saidov said law is the most important eight social regulations, the obligatory publicity, certain processes, personification, institutionalization, objectivity, that such signs and representations [7]. In our opinion, their social regulations, the obligatory publicity, personification, institutionalization characters can be called as socionormative in general. So, socionormative because we are human specific phenomena mean that six universal characters.

How law and the legal value? Are the rules seriously?

Law science has its subject of positive law. Positive human rights official, obligatory for all countries, which have been artificial orientation, so to speak, providing the state as a body combining living and working there. Positive rights positive thing is that it is a modern law science as «legal dogmatism» is called, and all the laws, regulations, norms will be evaluated through this dogmatism [8]. People often encounter in their daily lives, with everything in place legal mechanisms integrated mode, with support for standards dogma or law (legal) basis of dogmatism. So, the daily life of the positive law or legal dogmatism legal regulator, the government, it is our social and legal being. Legal value, we understand the philosophical and legal sense of these things. The most important activity of our daily life and needs, actions will help create the conditions to allow them a certain framework, which guarantees the space

standards, rules, legal dogmatic rights. There are legal values: positive (positive); providing (forecast); institutionalization; mobility and sustainability; rationality; authority.

The rights of the positive role that time, to create a positive influence on the social development of people with their basic functions. The law is not just a formal agreement to act, ultimately enhancing the social development of society, the modernization of the service must be.

The event is difficult to assess the positive or negative events and training. In particular, the phenomenon of human rights laws, norms and standards in the evaluation of the same people in society is hard to imagine. Principles of normal people awaken negative relationship. Therefore, the law put in the positive or negative assessment of the difficulties faced conflicts. However, the law is accepted as an axiom positive feature of the current period, the amendments to the law, even the most basic legal dogmatism. The constitution provides for the introduction of the new rules is often the case. This is on the one hand, the imperfections of the law, on the other hand, can be thought of as the effects of the dynamism of life. For example, the laws of the Republic of Uzbekistan every year, more than a hundred changes in the periodic issues, such as «Halq so'zi», «Narodnoe Slovo» newspaper. State law provides the following methods of socionormative institutions. They are:

– Firstly, common features are socionormative, legislative and regulatory laws;

– Secondly, socionormative documents and mechanisms for the implementation of social standards;

– Thirdly, the institutions and their effective operation;

– Fourth, cooperation with non-governmental institutions and law and order, to ensure the necessary practical measures;

– Fifth, the right of national and universal values which serve as the formation of social outreach and legal-cultural institutions. These features also was noted by U. Tojixonov and A. Saidov [9].

Legal dogmatism reflects sustainable norms. Its primary law, determine the general direction of the development of the society Constitution. Other laws, regulations, socionormative procedures change, sometimes they may appear in the new edition. For example, «on the referendum in the Republic of Uzbekistan» (August 30, 2001), the «Courts» (December 14, 2000) adopted a new wording of the law of evidence. However, the Republic of Uzbekistan in accordance with the Constitution adopted on December 8, 1992, the original is stored in the form of minor additions. Today, it is a legal practice. Developed in accordance with other laws. Thus, the legal Dogmatism on the one hand, a stable base (basic principles of the Constitution), and modified in accordance with the requirements of the new edition there is a mobile unit that can be taken.

Although it is full of internal contradictions of social life, an expression of their struggle antagonists should know that, in any society, diversity, pluralism has. This diversity, pluralism, not antagonists fight, harmonious development, and lead

to the development of harmonious social relations. The legal stability and mobility are not conflicting reality, they are the priority of spiritual and moral climate in society and social development of harmonious relations. Sustainable values reflect the changes and modernization of compliance. In this context of sustainable human values in accordance with the dynamics of life can be attributed to the changing legal dogmatism esteemed by the society.

Socionormative essence of the right of people's real-life problems, and capable of making effective standards. So S. S. Alekseev considered legal dogmatism, as "a source close to the base as well as the specific reality has" [10].

The law on the formation of the law as socionormative value is not limited by certain principles but must also take place as a value.

References:

1. Туленов Ж. Қадриятлар фалсафаси-Тошкент: – Ўзбекистон, – 1998. – 236 б.
2. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре – Москва; Республика, – 1998. – 413 с.
3. Назаров Қ. Қадриятлар фалсафаси. – Тошкент: Файласуфлар миллий жамияти, – 2004. – 168 б.
4. Мирзаев А. Фуқаролик жамияти ва демократик қадриятлар. – Тошкент: ТошДУ, – 2005. – 138 б.
5. Рўзиева Р. Жамиятнинг янгилиниши: миллий ва умуминсоний қадриятлар уйғунлиги. – Тошкент: Фалсафа ва ҳуқуқ инст., – 2011. – 160 б.
6. Кант И. Сочинения в шести томах. – Т. 4. – Част 2. – Москва: Мысль; – 1965. – 532 с.
7. Тожионов У., Саидов А. Давлат ва ҳуқуқ назарияси – Тошкент: Адолат, – 2001. – 336 б.
8. Саидов А. Х. Иммануэл Кантнинг фалсафий-ҳуқуқ мероси ва замонавий юриспруденция. Тўлдирилган ва қайта ишланган – нашри – Тошкент: Инсон ҳуқуқлари Республика Миллий Маркази, – 2012. – 320 б.
9. Тожионов У., Саидов А. Давлат ва ҳуқуқ назарияси. 1-жилд. – Тошкент: Адолат, – 2001. – 336 б.
10. Алексеев. С.С. Право: азбука-теория-философия: Опыт комплексного исследования – Москва "Статут", – 1999. – 712 с.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-72-74>

*Baranov Gennadiy Vladimirovich,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Financial University
Doctor of Philosophical Science (Advanced Doctor), Professor,
Professor of «Social science»
E-mail: 2014gennadii@mail.ru*

Specifics of philosophical paradigms of materialism and idealism

Abstract: specifics of content of philosophical knowledge by criterion of belonging to a paradigm are investigated; essential signs of alternative paradigms of philosophy are characterized; paradigms of materialism and idealism are estimated at philosophies by information factor of improvement of human activity.

Keywords: philosophy; philosophy problems; materialism paradigm; idealism paradigm; human activity.

*Баранов Геннадий Владимирович,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры «Общественные науки»,
E-mail: 2014gennadii@mail.ru*

Специфика философских парадигм материализма и идеализма

Аннотация: исследуется специфика содержания философского познания по критерию принадлежности к парадигме; характеризуются существенные признаки альтернативных парадигм философии; парадигмы материализма и идеализма в философии оцениваются информационным фактором совершенствования человеческой деятельности.

Ключевые слова: философия; проблемы философии; парадигма материализма; парадигма идеализма; человеческая деятельность.

Общественная необходимость в услугах философского познания выражается в исследовании актуальных проблем многомерной человеческой деятельности в её противоречивости и холистическом единстве антропного и общественного классов бытия. По мнению автора, проблемы философии — это информационные познавательные противоречия между фактами и идеалами, которые необходимо преодолеть для осуществления и совершенствования исторически и актуально необходимых видов человеческой деятельности. Проблемы сопровождают все виды существования акторов общества, специфически представлены во всех системах бытия человека и общества [1, 6; 2].

По мнению автора, множество философских проблем по критерию объекта исследования составляют не менее десяти классов (видов): онтологическая, гносеологическая, аксиологическая, теологическая, натурфилософская, антропологическая, социальная, праксеологическая, метафизическая, философско-историческая [2, 49–50]. Философские науки, в которых систематически и автономно исследуются каждая из философских проблем составляют структуру современной специализированной научной философии и философии как холистической части информационной культуры человечества [3; 4].

Множество проблем философии группируется по критерию философской парадигмы. Философская парадигма, или парадигма философии — система стандартных понятий, методов и оценок исследования, принятая специалистами философии и реализуемая в поколениях исследователей исторически длительный период для истинного познания, управления и вещественного преобразования объекта [5, 134; 6, 4].

Философские парадигмы материализма и идеализма созданы и совершенствуются в период от возникновения философии в культуре человечества с условной датой 8–6 вв. до новой эры и поныне. Основной показатель специфики названных парадигм — исследование объектов бытия по критерию предельной логической абстрактности и однозначности разрабатываемой (обосновываемой) гипотезы.

Материализм, или материалистическое философское мировоззрение — философская парадигма, в которой все проблемы исследуются с применением гипотезы первичности вещественного бытия над идеальным бытием. Основные понятия парадигмы материализма: материя, вещество, природа, причина, закон, сущность и иные. Теоретики парадигмы материализма: Демокрит, Эпикур, П. Гольбах, К. Гельвеций, Ж. Ламетри, А. А. Богданов, Н. Г. Чернышевский, Ф. Энгельс, К. Маркс и иные.

Первичные функции парадигмы материализма в культуре человечества:

парадигма материализма составляет информационную основу техногенной цивилизации — общества, в котором приоритетны наука, техника, производство, политические права и свободы личности, демократия [7]; материализм — методологическая основа науки в культуре общества

и единичных наук; материализм обеспечивает формирование реалистического мировоззрения личности [8].

Идеализм, или идеалистическое философское мировоззрение — философская парадигма, в которой все проблемы исследуются с применением гипотезы первичности идеального бытия над вещественным бытием. Так как гипотеза идеализма противоречит жизненному опыту человека, то разработчики парадигмы идеализма предлагают многочисленные авторские концепции логических доказательств с использованием аксиоматического метода. Множество авторских концепций идеализма по критерию качества идеального бытия распределяются на три класса: объективный идеализм, субъективный идеализм, религиозный идеализм, или религиозная философия в её конфессиональных версиях. Основные понятия: мировой разум, мировая воля, абсолютизм, абсолютная идея, дух, душа, «Я», Логос и аналогичные [9; 10].

Объективный идеализм — философская парадигма, в которой все проблемы исследуются с применением гипотезы о первичности высшего естественного идеального бытия над вещественным и информационным бытием объектов природы и жизни человека. Теоретики парадигмы объективного идеализма — Платон, Аристотель, Ф. Шеллинг, Г. Гегель, А. Шопенгауэр, К. Поппер.

Субъективный идеализм — философская парадигма, в которой все проблемы исследуются с применением гипотезы о первичности индивидуального человеческого идеального бытия над вещественным бытием. Теоретики парадигмы субъективного идеализма — Секст Эмпирик, Д. Юм, Дж. Беркли, И. Кант, Г. Фихте, М. Хайдеггер и иные.

Религиозный идеализм — философская парадигма, в которой все проблемы исследуются с применением гипотезы о первичности сверхъестественного всесовершенно-го трансцендентного идеального бытия над вещественным и идеальным бытием человека и объектов природы. Теоретики — Тертуллиан, Августин Аврелий, Авиценна, Маймонид, Фома Аквинский, С. Н. Булгаков, П. Тиллих и иные.

Функции парадигмы идеализма в культуре человечества:

идеализм — теоретическая основа ценностных классов культуры — религия, мораль, искусство в их относительной бесконечности ценностных предпочтений и проявлений [11]; идеализм в истории культуры выступает идеологической информационной основой традиционных обществ; идеализм благодаря многозначности и хаотичной произвольности используемых понятий способствует развитию творческих способностей человека к познанию неизведанного и мистического смыслов бытия [12].

В культуре человечества парадигмы материализма и идеализма функционируют по критерию дополнительности. Каждая из мировоззренческих альтернатив для индивидов и социумов являются информационным фактором совершенствования антропного бытия, создаваемого преобразованием бесконечного хаоса бытия в объекты потребления человека [13].

Список литературы:

1. Баранов Г. В. Философия в культуре. – Омск: ОмГТУ, – 2015. – 280 с.
2. Баранов Г. В. Проблемность содержания философии // Гуманитарium. – 2016. – № 1. – С. 49–50.
3. Баранов Г. В. Практикум по философии: часть 1. – Омск: ОмГТУ, – 2011. – Том. – Часть 1. – 372 с.
4. Баранов Г. В. Практикум по философии: часть 2. – Омск: ОмГТУ, – 2011. – Том. – Часть 2. – 360 с.
5. Баранов Г. В. Баранов Г. В. Парадигмы материализма и идеализма в философии // Успехи современной науки. – 2016. – № 10. – Том 7. – С. 134–137.
6. Баранов Г. В. Специфика парадигм материализма и идеализма в философии // Гуманитарium. – 2017. – № 2. – С. 4–5.
7. Баранов Г. В. Функции философии в культуре глобализирующегося человечества // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 2–2 (33). – С. 36–38.
8. Баранов Г. В. Факторы философии и мировоззрения в бытии человека // Успехи современной науки. – 2016. – № 6. – Том 4. – С. 55–58.
9. Баранов Г. В. Проблема бытия в философии. – Мюнхен, – 2013. – 238 с.
10. Баранов Г. В. Философия познания. – Мюнхен, – 2013. – 266 с.
11. Баранов Г. В. Ценность в культуре // Успехи современной науки и образования. – 2016. – № 7. – Том 5. – С. 39–41.
12. Баранов Г. В. Специфика бытия человека // Интерактивная наука. – 2016. – № 6. – С. 96–98.
13. Баранов Г. В. Человек как проблема в философии // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 5–2. – (47). – 2016. – С. 83–85.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-74-76>

*Baranov Gennadiy Vladimirovich,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Financial University
Doctor of Philosophical Science (Advanced Doctor), Professor,
Professor of «Social science»
E-mail: 2014gennadii@mail.ru*

Specifics of functions of the communication system with the public

Abstract: specifics of public relations in information culture of belief are characterized; functions of public relations speak by criterion of activity of optimization of social interactions on the basis of ideals of implementation of human rights and other actors of mankind.

Keywords: culture; mankind ideals; functions of public relations; humanization of social interactions.

*Баранов Геннадий Владимирович,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры «Общественные науки»,
E-mail: 2014gennadii@mail.ru*

Специфика функций системы связи с общественностью

Аннотация: характеризуется специфика связи с общественностью в информационной культуре убеждения; функции связи с общественностью объясняются по критерию деятельности оптимизации социальных взаимодействий на основе идеалов осуществления прав человека и иных акторов человечества.

Ключевые слова: культура; идеалы человечества; функции связи с общественностью; гуманизация социальных взаимодействий.

Проблематика связи с общественностью различных классов организованных субъектов (акторов) общества, в том числе органов власти, групп общественности и общественных объединений, актуализируется в системах российской культуры и образовательной деятельности

с 90-х годов 20 века под действием факторов обеспечения прав человека в условиях глобализации и последовательной демократизации общественной жизни россиян.

По критериям принятых Организацией Объединённых Наций (ООН) документов с общим названием

«Международный билль о правах человека» государства и институты гражданского общества обязуются всемерно поддерживать право народа на самоопределение и множество общечеловеческих прав и единичного человека. В статье первой «Всеобщей декларации прав человека» утверждается: «Все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» [1]. Статья первая документов ООН — «Международный пакт о гражданских и политических правах», «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» — отличается строгостью категорического суждения: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают своё экономическое, социальное и культурное развитие» [1].

В культуре государств человечества слово и понятие «Связи с общественностью» функционирует в многочисленных значениях с середины 19 века. На английском языке в форме словосочетания Public Relations (в сокращении — PR) понятие связи с общественностью было использовано в 1807 г. Президентом США Т. Джефферсон (1743–1826) в значении информационной политической деятельности по созданию доверия между группами общественности США в условиях американской версии (модели) демократического политического режима в государстве [2; 3, 4].

В политической культуре США в период деятельности Президента США Эндрю Джексона (1767–1845) в 1829–1833 гг. была создана профессия — пресс-секретарь Президента США — с основной целью — создание положительного имиджа деятельности высшего должностного лица США. Дополнительными функциями пресс-секретаря США являлись: воспитание патриотизма граждан США; создание имиджа свободолюбивого и справедливого гражданина США. В культуре США в период 30-х гг. XIX века понятие Public Relations имело общественно-политическое патриотическое значение — «действия ради общего блага».

В условиях глобализации человечества реализация проблем рыночной экономики невозможна без эффективного применения методов насилия и убеждения в социальных взаимодействиях государств и социальных групп [4], социально ответственной деятельности организации [5] и гражданского общества в государстве [6]. В условиях 21 в., по мнению специалистов, основное содержание деятельности работников системы «связи с общественностью» состоит в создании эффективных коммуникативных технологий, механизмов общения, обмена мнениями и достижения взаимопонимания во всех системах общественного бытия человека, в том числе независимо от политики и идеологии [7; 8, 136].

Основные значения слова и понятия «ф́ункция»: слово латинского языка, переводимое на русский язык словами «исполнение», «отправление»; роль, назначение существования объекта; обязанности деятельности индивида и иных классов социальных групп и общностей в определённой системе общественной и (или) личной жизни [9, 36].

Специалистами созданы различные группировки функций связи с общественностью. Например, основными функциями признаются: аналитическая функция — анализ влияния политики, процедур и действий на группы общественности; коммуникативная — установление и поддержание двусторонних отношений между организацией и группами общественности; корректирующая функция — уточнение («модификация») элементов деятельности организации (актора) в ситуациях возникновения неоптимальных противоречий потребностям групп общественности и организации; мониторинговая функция — систематический контроль сознания, мнений, отношений и поведения внутри и вне организации [10]. Теоретик и практик связи с общественностью из США Эдвард Бернейз выделил три абстрактные главные функции системы связи с общественностью — информировать, убеждать (воздействовать), объединять людей [10].

Специалисты связи с общественностью реализуют ценностные критерии прав народа и человека на жизнь в условиях гуманных методов социальных взаимодействий в культуре человечества [11]. Противоречия современной стадии эволюции субъектов общества, обладающих властными возможностями, оптимизируются в системах связи с общественностью с применением ценностных средств информационной культуры убеждения.

По критерию реализации ценностного содержания в деятельности организации основная (глобальная) функция системы связи с общественностью — обеспечение социальных взаимодействий в режимах реализации общечеловеческих идеалов гуманности, справедливости, добра, истины, рациональности, гармонии и иных, обоснованных в философской культуре человечества [12].

Информационная культура убеждения, основанная на идеалах, осуществляется в системах «антихаосной сущности человеческой деятельности» в конкретных ситуативных и закономерных состояниях доверия и взаимопонимания групп общественности, взаимодействующих со специализированными актёрами общества. В условиях противоречий глобализующейся культуры системы связи с общественностью создают основу формирования оптимистического мировоззрения человека, а также закрепляют убеждение в осуществлении идеалов справедливости, гармонии, гуманности в период уникальной и актуальной жизни человека.

Список литературы:

1. Международный билль о правах человека. Документы ООН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.un.org/ru/documents>

2. Связи с общественностью как социальная инженерия/Под ред. В. А. Ачкасовой, Л. В. Володиной. – СПб.: Речь, – 2005. – 336 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://pr-engineering.narod.ru>
3. Баранов Г. В. Связи с общественностью в органах власти. – Омск: Изд-во Ом ГТУ, – 2016. – 112 с.
4. Баранов Г. В. Философия политики, государства и права: практикум. – Омск: Изд-во Ом ГТУ, – 2012. – 260 с.
5. Антонова Ю. И., Баранов Г. В. Глобальные аспекты стандартизации социальной ответственности организации // Вестник СибАДИ. – 2 (48). – 2016. – С. 143–146.
6. Баранов Г. В. Концепция социальной ответственности в гражданском обществе России // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 2–1 (44). – С. 64–65.
7. Баранов Г. В. Функции связи с общественностью // Интерактивная наука. – 2016. – № 7. – С. 43–45.
8. Баранов Г. В. Связи с общественностью в культуре общества // Успехи современной науки. – 2016. – № 8. – Том 4. – С. 135–137.
9. Баранов Г. В. Функции философии в культуре глобализирующегося человечества // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 2 (33). – С. 36–38.
10. Кондратьев Э. В., Абрамов Р. Н. Связи с общественностью. – М, – 2012. – 272 с.
11. Баранов Г. В. Факторы философии и мировоззрения в бытии человека // Успехи современной науки. – 2016. – № 6. – Том 4. – С. 55–58.
12. Баранов Г. В. Ценность в культуре // Успехи современной науки и образования. – 2016. – № 7. – Том 5. – С. 39–41.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-76-77>

Mamatyusupov Bunyodbek Ulubekovich
Senior scientific researcher-applicant
National University of Uzbekistan, Tashkent
E-mail: naumenko06@mail.ru

Moral values and its place in spiritual perfection of person

Abstract. This article analyzes the moral values, and their properties, as well as their role in the spiritual development of the individual

Keywords: The moral, value, identity, individual, spirituality, ethics, education.

Маматюсупов Бунёдбек Улугбекович
Старший научный сотрудник-соискатель
Национальный университет Узбекистана, Ташкент
E-mail: naumenko06@mail.ru

Моральные ценности и их место в духовном совершенстве личности

Аннотация. В данной статье проводится анализ моральных ценностей, и их свойства, а также их роль в духовном развитии личности.

Ключевые слова: мораль, ценность, личность, индивид, духовность, этика, воспитания.

Мораль — как один из истоков духовного развития человека, имеет важное место в развитии общества, в приобретении гражданами высоко духовных качеств, в осуществлении их надежд. Мораль по своей природе является социально-историческим явлением. Мораль и моральные отношения начали проявляться с того момента, как человек начал формироваться как социологический индивид. В истоках моральных отношений человека моральная жизнь общества возникла как составляющая часть социального бытия. Мораль как социальное явление считается контролирующим, управляющим и направляющим в жизни человека и общества. Именно поэтому, определенная эпоха, политический режим, общество, и даже

управление государством основан на определенные моральные нормы [1, 64].

Так как, мораль имеет историческую, социальную, национальную и общечеловеческие свойства, при исследовании необходим системный подход. Исторический анализ исследования морали и моральных ценностей свидетельствует, что каждый народ, нация и этнос серьезно относятся к изучению вопросов морали, были созданы ряд религиозных и научных (светских) учений. В этой области мыслителями выдвигались несколько теорий анализа «Этика» как наука и его основных понятий.

Кроме того, в большинстве литератур по этике встречается термин «мораль». Данный термин впервые был введен

в оборот римскими мыслителями. При этом латинское «*mores*» и греческое «*ethos*» имеет одинаковое значение. Древнеримский философ Цицерон добавил к «морали» приставку «моральные качества» и ввел это словосочетание в научный оборот. Встречающийся в нашей культуре, речи, научной и художественной литературе термин «ахлоқ» имеет арабский корень означающий поведение, воспитание человека. Несмотря на то, что данный термин в разных народах называется по-разному, их значение, суть остается единственным — «мораль» — основа духовности, мораль религиозное и научное (светская) учение, относится духовному и эволюционному развитию всего человечества.

Исследование сути моральных ценностей, их классификацию, в первую очередь, подразумевает понять научно-теоретические основы понятия «Мораль». В системе духовных ценностей были созданы множество теорий и учений по морали. В частности, определение понятия «мораль» в работах Ж. Туленовой дается в качестве «комплекса определенного поведения, норм, правил и принципов» [2, 264], у Абдуллы Шера определяется как «совокупность социальных образцовых действий для общества, эпохи, истории» [3, 4]. Российские исследователи: А. Гусейнов и Р. Апресян в своих работах по морали и её сути выводят такие мысли как: «1) превосходство интеллекта над аффектом; 2) стремление к высшему счастью; 3) способ проживания человека в обществе; 4) свободного проживания, бескорыстного служения; 5) гуманность, быть добродушным по отношению к остальным людям; 6) свобода воли; 7) быть во взаимодействии на основе золотых правил морали» [4, 26]. А. Радугин дает определение морали как, «формы упорядочения поведения человека и социальных отношений на основе жестких требований ценностей, основывающихся на долг и моральные ценности, на основе индивидуальных, субъективных, бескорыстных взаимоотношений» [5, 88].

Широко известно, что ни одно общество не может четко представить свое будущее без укрепления своих моральных ценностей. Моральные ценности социально значимы тем, что они, в первую очередь, отражают общие интересы личности и общества. Так как, без личности не бывает общества, а личность без общества, суть моральных ценностей нельзя искать за пределами общества и личности. Моральные ценности подразумевают:

- умение человеком различать ценности и ценных отношении в социальных процессах;
- осознание человеком того, что рациональный стержень всех ценностей составляет исключительно моральные ценности;
- осознание того, что моральные ценности

не абстрактные понятие отделенные от реальности, а наоборот, материальная и духовная сила, имеющая научную (светскую) и религиозную основу;

– духовная необходимость способная защитить нацию и народ от различных нападков в решающем моменте развития общества.

Данную необходимость можно обобщить следующим классификацией:

1. Ценности, по форме моральные, а по содержанию гуманные. Они включают в себя ценности, сформированные в результате борьбы между положительными и отрицательными качествами человека.

2. Включает в себя ценности, возникающие в результате общечеловеческих, национальных и индивидуальных моральных отношений определяющие место народа в духовном развитии.

3. Состоящие из устойчиво сформированных в сознании человека, и непосредственно используемые на практике моральные ценности.

Классификация моральных ценностей этим не ограничивается. С появлением новых моральных ценностей данная классификация расширяется и усовершенствуется. Нынешнее время, в процессе создания демократического государства и гражданского общества основывать на моральные ценности осуществляемых реформ является важным для социально-экономического развития общества.

Исходя из этого, в строительстве сильного гражданского общества от сильного государства моральные ценности:

– такие моральные качества как принцип национального предпринимательства, инициатива, любовь к родине, не допущение расточительство в условиях осуществлении политики основанный на рыночную экономику способствуют на укрепление экономики, гарантирует благоприятную жизнь граждан;

– богатый духовно-нравственное наследие предков служит для воспитания молодежи в духе новых ценностей;

– стабилизирует процесс укрепления развития международных отношений, двухсторонних и всесторонних заинтересованных отношений, укрепляет процесс налаживания межгосударственных связей;

– выполняет главную роль в определении духовной культуры, моральный уровень человека, нации и народа.

В заключении можно сказать, что в условиях гармонии социальной реальности эстетическими и моральными ценностями с социальной реальностью общества, будет обеспечена трезвость предмета и духа, ценности без потерь будут передаваться от поколения к поколению, будет обеспечено развитие общества и государства.

Список литературы:

1. Нурматова М. Шахс камолотида ахлоқий ва эстетик қадриятлар уйғунлиги. – Т.: Университет. 2009.
2. Туленов Ж. Диалектика назарияси. – Т.: Ўзбекистон. 2001.
3. Абдулла Шер. Ахлоқшунослик. –Т.: ДИТАФ. 2000.
4. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика. – М.: Гардарики. 2004.
5. Радугин А. А. Этика. – М.: Центр. 2003.

Section 10. Economics and management

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-78-81>

*Deputatova Elena Yuryevna,
Plekhanov Russian University of Economics
Senior Lecturer, Department of Trade policy
E-mail: edeputatof@mail.ru*

*Ilyashenko Svetlana Borisovna,
Plekhanov Russian University of Economics
Assistant Professor, Department of Trade policy
E-mail: svetavol@yandex.ru*

New trends in consumer behavior: economic and social aspects

Abstract. Consumer behavior is one of the most urgent and hard aspects for trade and marketing specialists. Although many attempts to overcome difficult questions, such as segmentation, advertising and pricing influence were solved by scientists, the market situation changes so quickly, that no unique method of consumer behavior study can be used for sure. Up-to-date consumers are always busy: people are burning at work, afterwards taking light attempts to share their spare time with friends and relatives. The lack of time, desire to overcome long distances and get enough information are the main advantages of e-commerce, which demonstrates competitive positions. At the same time, shops offer wide range of goods, food-courts, kids areas and cinemas to motivate their consumers come here again and enjoy shopping. The article deals with new trends and aspects of changing in worldwide consumer behavior. While offering new kinds of services and goods, retail needs to entertain and sell at the same time.

Keywords: trade, retail, consumer behavior, consumer behavior models, trade service, marketing communications.

Consumer behavior is one of the most complex and controversial phenomena in many scientific fields such as psychology, economics and sociology. Basic researches of consumer behavior were based on economic theory, and later on marketing conceptions. It was caused by psychology science development and consumer influence tools. The stream to understand psychological characteristics and classification of criterions, which could determine the process of making decisions are actual aspects in scientific sphere of marketing and economics. A great attention to consumer behavior was in 1950th in European and American Countries. And the end of 1960th is the finest formation of «consumer behavior theory». That was a period when scientifically developed models of consumer behavior within psychological, economical and social characters were written. The earliest theories of consumer behavior were developed by Engel, J. F., Kollat, D. J. and Blackwell, R. D. (1968). Howard and Sheth model was developed in 1969 [5]. As for Engel-Kollat-Blackwell — model, it is one of the most popular and successful in the theory of consumer behavior. It includes wide range of variables, such as perception and education and divides strong and light involvement in the process of making a purchase. Sheth's model of family relationship is an attempt to reproduce consumer behavior within making a decision. Such details of behavior

as search, motives, persuasions and intentions have an influence upon every member of the family and then become a clear solution of family members. While planning marketing and communications in retail, managers traditionally divide buyers into following categories:

- Initiator of purchase;
- Influencer;
- Manager of making solution;
- Buyers;
- Users [4].

For example, we know, that family trade center's visiting in weekends is highly popular nowadays, both in Asian and European countries. The practice shows that every member irrespective of age and values can spend his time not in waste. Kids rooms, mini-cafes, cinemas, food-courts, ice-skating, bawling — is a short list of services existing side by side with goods. During shopping a child becomes an initiator of visiting café or buying a toy, a younger child can be an influencer, father and mother are usually managers of making solution and buyers at the same time.

Whoever makes a decision, the process itself can be simple (for example, when choosing cheap and daily goods) or hard (when a purchase is going to be expensive). It would take a few seconds to make a decision, when a person de-

cides to buy shampoo or a pencil rather than HP computer or Apple mobile phone. These are just different situations to think it over as take reasonable time. The traditional process of making a decision includes several steps: problem rise, search of information, variants comparison, making decision, purchasing.

One more complication to understand a consumer is understanding whether rational or emotional aspects of making a decision are involved. It was traditionally accepted, that marketing communications should be transferred into rational motives, as consumer is independent in his choice and such categories as price, quality and range of goods are decisive. Weak attempts to prove that emotional aspects of thinking over importance of purchasing were fantastically introduced in marketing fields. Neuromarketing and experiential marketing proved that emotions are the basis of consumer decision. The variety of consumer behavior became wider [3, 10].

Practical marketing specialists Arndt Traindl, Berndt H. Schmitt, Tom Peters pointed that greatest part of consumer thinking is out of cognition. That is mix of impression, emotions and experience — experiential process. Abundance of informative advertising and its decreasing effective eroded researching of human emotions and find connection with visual merchandising and logistics. That is a neuromarketing show-experience, based by the Head of Retail Branding Company, AG Arndt Traindl. Marketing communications can affect on motives and consumer decision.

That is why motives can be divided into:

- rational;
- emotional;
- combined (which include both rational and emotional).

Psychologists ensure that man is irrational in his behavior. That's why greater part of rational motives is subconscious. However combined motives are more popular. Impulse purchase is highly emotional variant of consumer behavior. Good's presentation in shops allows consumers recollect the list of trademarks he needs or can solve troubles. According to classical model of making decisions no search of information was, but rational factors are obvious. Just it took less time. In-shop equipment introduces price and food values in representative ways to facilitate consumer's choice in this endless assortment choice [2; 5; 8; 11].

To use alternative marketing tools retailers involve emotional reaction from people which makes rational motives weaker. The combination of rational and emotional factors of consumer expression would lead to the right quality service.

According to the time influence, modern people are under the pressure of globalization factors: after women have gotten equal rights with men, they started working more and receiving high positions. At the same time they have fewer possibilities to spend their time for housing, including cooking. Realizing this fact, retailers offered prepared foods and variety of goods which make house duties easier. Above all, women and men require different marketing approaches both in business-from product development and promos [10].

More retail enterprises, acting nowadays, modernize merchandising technologies, offer new range of goods and ways of distribution, which allows win more loyal consumers, while they keep freedom in shopping. On the other hand, obvious advantages of e-commerce, when consumers can easily get important information and choose any good without overcoming long distances, allow people to balance between touching abilities and atmosphere in shops. A range of authors correspond that changes in marketing area formed new consumer traditions in food consumption. Some expensive exotic fruits which used to be rare on the table and satisfied emotional needs, have become traditional nowadays. That means that emotional reactions of people to pricing variables and promos are changing too [6; 8; 10].

Some reasons of alternative marketing communication within time circumstances are:

- lack of unique approach about the structure of promotion complex: it depends on aims, competitive positions and financial possibilities of enterprise;
- standards of quality and culture service, merchandising technologies go on evaluating;
- comprehensive consumers are very exacting to quality and service culture;
- an abundance of view points at consumer behavior research.

Another trend of consumer behavior is choosing Internet an alternative way for purchasing.

Facing the facts, 29% of people in the world say they prefer buying packed products online, while in Russia only 12% are ready [13].

«Online» and «offline»-purchases are done within similar period and fewer categories of goods, which consumer buy in shops only.

Modern society is characterized by a high level of development of information and telecommunication technologies and their intensive use by citizens, businesses and public authorities. The increase in added value in the economy is today largely at the expense of intellectual activity, raising the technological level of production and distribution of modern information and telecommunication technologies [12, P. 69].

According to global AC Nielsen researching, which was from the 31st of October to 18th of November 2016 among more than 30000 online consumers in 63 countries of Asia, Europe, North America and Africa we will describe the following results. The most popular categories in answers «prefer buying in Internet» are: traveling, hotels (56%), tickets to actions (46%) and electronics (29%). As for the most popular answers in «prefer buying in shops», they are: fresh products (74%), packed products (66%), housing (55%). Although, most people answer «prefer buying online and offline» for as kids' goods (43%), electronics (36%) categories. Such category as «fresh foods» receives only 7% for «prefer buying in Internet» [13].

Nevertheless, when buying FMCG-categories consumers are still tend to offline-channels. The increasing popularity of

the market in FMCG-industry requires serious work of the retailer to ensure complex information about production and terms of delivery which reduces the level of distrust. The main problem of offering goods through e-commerce is offering attractive prices and wide range of products while maintaining profitability for the retailer [7, 10].

Both channels for purchasing — online and offline are mutually influenced: to understand visual characteristics of important good it is sometimes highly important to see and touch it. Only then he can make a decision for buying. It sometimes happens that firstly one can search for complex information and only then move to the shop.

It goes without saying, that Internet let use wider channel to consumer. According to marketing research main factors, determining wishes to use e-commerce as are following:

- freedom: which determines comfort: if making a purchase in Internet, clear interface and technologies to use are extremely important;
- rate: during last 10 years period of human attention decreased from 12 to 5 minutes only;
- overcoming distances: multichannel consumer behavior is a result of saving free time for road (approximately 34% in all categories) [13].

As for retail practice, the benefits of using e-commerce are following. As we know, needs and requirements of buyers are the main factor determining a realized assortment of products. E-commerce mechanisms solve this problem easily. It also allows the trade organizations to form stock-in-trades on basis of a consumer choice, using information about behavior of a consumer in the internet network. Formation of stock-in-trades on basis of a consumer choice possesses a number of advantages for a buyer, as well as for a seller [1, 8, 9]. Quality and culture in retail service could be main competitive advantage as only going shopping consumers are attracted by smiles, real help in choosing goods and sympathies. Using Internet as a channel of choosing and buying goods consumers receive visual information and send questions and details to know. But face-to-face contact is not that case [6].

The problem to know is how much people need face-to-face seller communication and feel the atmosphere and visual tricks of merchandising. Marketing specialists are always have to know what values of their segment are. Tactile communications following visitors in shops are not researched. However some goods find their users when he has an opportunity to take it into the hands. In some cases people extremely need that shoes, clothing, toys, accessories and many other categories of goods be presented in physical evidence. The known rule in merchan-

dising as «stretching hand» means that any consumer have a possibility to own a good for a while and then make a decision of putting it into the basket. Remembering the fact that people have lack of time and want to enjoy their shopping, retailers offer variants of tactile presentations which Internet can't substitute.

According to wild-known American generation theory (Neil Houve and William Shtrausse) of «millennium Y-generation», specialists in retail should notice millennium's generation values. People, who were born between 1980 and 2000 will be the greater part (50%) of our Planet. Their purchasing power is approximately 200 billion of dollars and values are associated with economical, social, technological and upbringing factors. Millennium's generation mostly neglects direct marketing communications, but can be easily involved in entertainment or event-marketing. A good example of involving communication is McDonnald's action «Pay with loving» devoted to St. Valentine's day in many countries and cities. Free foods were offered in exchange to hugs, dancing or phoning friends. Such global action allowed famous fast-food restaurant receive positive comments in social media. Common characteristics of «millennium Y-generation» are:

- deep engagement in digital technologies, as their life is extremely connected with them;
- the lack of trust direct advertising;
- neglecting celebrities advertising;
- respecting and attention to referent's group advises;
- confidence to bloggers, as they represent «common» people;
- spending time in shops as entertainment;
- using Internet to clear loyalty programs conditions;
- active usage loyalty programs benefits [14].

It goes without saying that retail is a highly social sphere of economics, as it depends on consumer needs, wishes and payable demand. Its goals today are connected with winning consumer loyalty ensuring good quality service and entertain at the same time. Global changes in consumers' behavior mean that logistics, marketing, technological and communicating retail politics have to move to keep up with consumer values changes. So, retail is a sphere of economics where changes are constant. To pick up with all social, cultural, economic and values peculiarities in social performances. In a highly competitive range of retail a variety of foreign and Russian companies wide are using alternative channels of communication and distribution. The role of segmentation is becoming greater and greater as the. And if earlier brands and their reputation in the sphere of retail took greater role, nowadays private labels take higher positions against known brands.

References:

1. Aleksina S. B., Morozova A. V., Nikishin A. F. Role of electronic commerce in the economic activity of trade organizations // European Journal of Humanities and Social Sciences. – 2016. – № 1. – C. 31–33.
2. Baskakov V. A., Lebedeva I. S. The specific features of behavior of buyers at the market of everyday goods in modern conditions. The Thirteenth International Conference on Economic Sciences – 2016. – C. 83–85.
3. Berndt H. Schmitt. Experiential marketing. How to Get Customers sense, feel, think, act and relate to Your Company and Brands. – M.: Fair-Press, – 2001. – P. 400.

4. Engel J. F., Blackwell R. D., Miniard P. Consumer Behavior. – New York: The Dryden Press. – P. 10.
5. Howard J. A., Sheth J. N. The Theory of Buyer Behavior. – New York: J Wiley and Sons. – 1969.
6. Ivanov G., Mayorova E. Intangible assets and competitive advantage in retail: case study from Russia//Asian Social Science. – 2015. – Т. 11. – № 12. – С. 38–45.
7. Mayorova E. A., Nikishin A. F., Pankina T. V. Internet as a factor of development of regional goods distribution/Sustainable economic development of regions. – Vienna, – 2016. – С. 24–33.
8. Maslova A. E., Timyasheva E. T., Nikishin A. F. Factors that form an attractive image of trade organizations//Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2015. – № 7–8. – С. 146–147.
9. Mayorova E. A., Nikishin A. F., Pankina T. V. Potential of the internet network in formation of the assortment of the trade organizations//European science review. – 2016. – № 1. – С. 208–210.
10. Zhurkina L. S., Ukhanova Ju. A., Nikishin A. F. Promotional activities in trade and different ways to improve them//Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2015. – № 5–6. – С. 157–158.
11. Leonova Ju. G. Peculiarities of performance assessment of a trade organization in a competitive market//European Journal of Economics and Management Sciences. – 2016. – № 1. – С. 72–74.
12. Ilyashenko S. B., Lebedeva I. S. Main directions of increase in efficiency of electronic commerce//Actual problems of the humanities. Monograph. Vienna, – 2016. – С. 69–80.
13. URL: <https://www.retail.ru/articles/140775>
14. URL: <http://themarketcreative.com/retail-2020-tomorrows-shoppers>

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-81-84>

*Sautieva Tamara Batrbekovna,
Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“REU named after G. V. Plekhanov” in Pyatigorsk City of Stavropol Region,
professor of the Department of Economics, Finance and Law
E-mail: STB-ALANIA@mail.ru*

The relevance of foreign economic relations as a factor of economic transformations under the conditions of market reforms

Abstract: The problem of economic restructuring can not be solved separately from the issues of increasing the efficiency of foreign economic relations [1, 381].

Keywords: foreign economic relations, foreign economic activity, regional studies.

*Саутиева Тамара Батрбековна,
филиал ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»
в г. Пятигорске Ставропольского края,
профессор кафедры экономики, финансов и права
E-mail: STB-ALANIA@mail.ru*

Актуальность внешнеэкономических связей как фактора хозяйственных преобразований в условиях рыночных реформ

Аннотация: Проблема структурной перестройки экономики не может быть решена в отрыве от вопросов повышения эффективности внешнеэкономических связей [1, 381].

Ключевые слова: внешнеэкономические связи, внешнеэкономическая деятельность, региональные исследования.

Переход к открытой рыночной экономике требует преобразований во внешнеэкономической сфере с тем, чтобы обеспечить включение России в мировое хозяйство. Необходимость преобразований определяется:

1. неблагоприятной структурой внешнеторгового оборота;

2. распадом СССР.

В современных условиях интеграция экономической жизни идёт по многим направлениям, в частности, через:

- обмен средствами производства, технологиями, информационными структурами;
- развитие торговли;

- рост обмена научно-техническими знаниями;
- международную миграцию рабочей силы [2, 31].

На рубеже XXI века внешнеэкономические связи и внешнеэкономическая деятельность России переживают сложный период глубоких качественных преобразований, связанных с осуществлением реформ и поиском путей интегрирования в систему мирохозяйственных отношений.

Основными тенденциями развития внешнеэкономической деятельности в современных условиях могут быть:

1. восстановление и развитие экспортного потенциала страны;
2. использование иностранных кредитов для технического перевооружения;
3. повышение конкурентоспособности российских товаров на внешнем рынке на основе модернизации производства;
4. изменение структуры импорта за счёт увеличения удельного веса продукции промышленного производства в форме высокоточных технологий;
5. обеспечение экономической безопасности страны за счёт совершенствования экспорта и импорта [3, 245].

На всех исторических этапах развития России внешнеэкономическая деятельность оказывала влияние на решение экономических проблем на различных уровнях: народного хозяйства в целом, отдельных регионов, объединений, предприятий.

В современных условиях ход экономической реформы в России определяется тем, что центр тяжести всё в большей степени переносится на места, то есть в регионы. На региональном уровне, так же как и на государственном, происходит становление системы управления вообще и внешнеэкономической деятельности в частности [4, 441–448].

Система и методы региональных исследований постоянно совершенствуются. Основная методологическая задача заключается в решении общих и частных теоретических и практических проблем по двум взаимосвязанным направлениям:

1. научное предвидение и всестороннее обоснование процессов и тенденций, определяющих эффективное размещение производительных сил в различные периоды экономического развития страны;
2. выявление многосторонних факторов и научное обоснование системы целенаправленного формирования экономического и социального развития отдельных регионов, находящихся в различных природных условиях и на разных стадиях экономического развития [5, 76–86].

Совершенствование и развитие внешнеэкономической деятельности регионов Юга России в условиях становления рыночной системы хозяйствования способно стать эффективным фактором оздоровления и последующего развития не только экономики региона, но и всей страны. Как составная часть хозяйственного комплекса внешнеэкономическая деятельность должна воздействовать на совершенствование внутривозрастных пропорций, развитие производитель-

ных сил, повышение уровня занятости населения. Решение этих проблем важно для всех регионов, но особую актуальность они приобрели для Юга России.

Внеэкономическая деятельность субъектов этого субфедерального образования имеет разнообразную динамику и структуру, однако используется недостаточно.

В условиях становления рыночных отношений обострилась разная степень готовности отдельных регионов России к развитию внешнеэкономической деятельности. К основным факторам, определяющим социально-экономическую ситуацию в регионах Юга, относятся имеющиеся производственный потенциал, географическое положение, природно-климатические факторы, ресурсный потенциал, демографический потенциал и структура населения, структура и специализация хозяйства, объёмы иностранных инвестиций, экспорт, а также степень государственного влияния на экономику [6, 69–71].

Интеграция Российской Федерации в мировое экономическое пространство предполагает широкое развитие входящих в нее регионов в области внешнеэкономического сотрудничества. Внешний рынок становится постоянной альтернативой при выборе различных вариантов научно-технической и инвестиционной политики, развития и перспективных видов производства [7, 33–35].

Необходимость единой внешнеэкономической политики и внешнеэкономической линии РФ и ее составных частей диктуется единством и взаимозависимостью хозяйственного комплекса страны. Механизм внешнеэкономической деятельности как часть целостной системы организации и управления хозяйственным комплексом страны призван расширить хозяйственную самостоятельность всех участников внешнеэкономических связей. Повышение роли региональных органов в хозяйственной деятельности предполагает их участие во внешнеэкономической деятельности как важного звена, регулирующего, координирующего и стимулирующего ВЭД на подведомственной территории. Осознание субъектами Федерации полезности скоординированных действий во внешних делах дает широкие возможности в воздействии на деятельность государства, в том числе и в области ВЭД [8, 243–254].

Разграничение предметов ведения — это вопрос об отношениях между Федерацией и ее субъектами, а вопрос о разграничении компетенции и полномочий касается отношений между отдельными видами федеральных органов и органов субъектов Федерации.

В предметах ведения выражаются и конкретизируются функции государства. Для более успешной реализации они могут быть распределены между государством в целом (Федерацией) и его составными частями (субъектами Федерации). И здесь возникает один из сложнейших вопросов государственного строительства — оптимальность распределения сфер деятельности предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов.

После принятия Конституции РФ 1993 г. возникало и возникает много сложностей с реализацией предметов

ведения как Российской Федерацией, так и ее субъектами. Со всей остротой эти проблемы встают и при осуществлении в последнее время укрепления вертикали государственной власти.

Проблема определения компетенции федеральных органов власти является главной и наиболее сложной в любом федеративном государстве. Федерация не может обладать неограниченными полномочиями по управлению страной, она обязана делиться этими полномочиями с субъектами Федерации, без чего государственная власть не может носить демократический характер. Субъекты Федерации заинтересованы в существовании сильной федеральной власти, наделенной широкими полномочиями для защиты и обеспечения общих интересов. Но в то же время они не хотят утратить своей самостоятельности и обладать правом решать лишь второстепенные вопросы жизни своего населения. Это — объективное противоречие любой федерации, заставляющее власти тщательно и оптимально проводить разграничение компетенции государственных органов федерации и ее субъектов [9, 418–423].

Деятельность органов государственной власти субъектов Российской Федерации актуальна с точки зрения влияния этих органов на развитие правового государства. Законодательные органы субъектов Российской Федерации ответственны за построение «нижнего этажа» правовой системы.

В настоящее время в субъектах Федерации существуют различные виды взаимоотношений законодательной и исполнительной властей, учитывающие особенности этих субъектов Федерации. Не всегда региональное государственное строительство укладывается в стандарты, заданные Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Однако это не означает жесткой унификации организации власти на уровне субъектов Российской Федерации. Уни-

фицированы могут быть только основные принципы деятельности органов власти субъектов Российской Федерации. Сама идея федеративного государства предполагает многообразие подходов к решению конкретных вопросов организации системы органов государственной власти.

Законодательные органы субъектов Федерации обладают значительным набором полномочий в различных сферах жизни соответствующего субъекта Российской Федерации: организации государственной власти и местного самоуправления, в области бюджета, экономических и финансовых отношений, в области землепользования, природопользования, охраны окружающей природной среды, объектов природы, истории и культуры и др.

Законодательные полномочия образуют главную составляющую компетенции представительных органов субъектов Российской Федерации. Именно реализации законодательных полномочий посвящается основное время деятельности данного органа государственной власти субъекта Федерации.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов РФ могут по взаимному соглашению передавать друг другу осуществление части своих полномочий.

Постановление Правительства РФ определяет порядок взаимодействия и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ и территориальных органов Министерства внутренних дел РФ, Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерства юстиции РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы судебных приставов, федеральных министерств и иных федеральных органов исполнительной власти, руководство которыми осуществляет Правительство РФ, федеральных служб и федеральных агентств, подведомственных этим министерствам (далее — территориальные органы) [10, 171–174].

Список литературы:

1. Саутиева Т. Б. Роль внешнеэкономических связей как структурообразующего фактора хозяйственных преобразований в условиях рыночных реформ // Возможности и проблемы экономического развития региона: Материалы Международной научно-практической конференции. – Невинномысск: НГГТИ, – 2009.
2. Саутиева Т. Б. Основные тенденции в развитии внешнеэкономической деятельности в условиях интернационализации и глобализации производства // Социально – экономические и правовые аспекты развития ЮФО. Материалы Международной научно-практической конференции. – Москва – Пятигорск: Изд-во «РИА-КМВ», – 2006.
3. Саутиева Т. Б. Внешнеэкономическая деятельность как объект государственного регулирования в условиях интернационализации и глобализации производства // Ценности и интересы современного общества: Материалы Международной научно-практической конференции, проводимой в рамках IX Васильевских чтений в октябре 2010 г., часть III. – М.: Изд-во РГТЭУ, – 2010.
4. Саутиева Т. Б. Необходимость управления внешнеэкономической деятельностью // К 200-летию КМВ: научные материалы «Актуальные проблемы экологии, экономики, культуры», сборник научных материалов. – Пятигорск: Изд-во ИнЭУ, – 2003.
5. Саутиева Т. Б. Региональная экономика и региональная политика: актуальность развития на современном этапе // Актуальные проблемы экономического и социального развития на современном этапе: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Пятигорск: Изд-во ИнЭУ, – 2001.

6. Саутиева Т. Б. Пути активизации внешнеэкономической деятельности регионов Юга России // Актуальные экономические проблемы Юга России. Симпозиум XII. Материалы IV Международного конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». 21–24 сентября 2004 года. – Пятигорск: ПГЛУ, – 2004.
7. Саутиева Т. Б. Экономические основы развития внешнеэкономических связей Республики Северная Осетия-Алания // Вестник ПГЛУ. – Пятигорск. – 2001. – № 3.
8. Саутиева Т. Б. Правовые основы взаимодействия федеральных и региональных органов управления во внешнеэкономических отношениях современной России // Сб. научных статей по материалам «Круглого стола» «Проблемы обеспечения законности и правопорядка в современной России». – Москва – Пятигорск: Изд-во «РИА-КМВ», – 2010.
9. Саутиева Т. Б. Внешнеэкономические отношения: разграничения предметов ведения на региональном и федеральном уровнях // Экономика, государство и общество в XXI веке: Материалы Международной научно-практической конференции, проводимой в рамках IX Румянцевских чтений в апреле 2011 г., часть IV. – М.: Изд-во РГТЭУ, – 2011.
10. Саутиева Т. Б. Законодательные органы государственной власти и их влияние на различные сферы жизни соответствующего субъекта Российской Федерации // Новые подходы в экономике и управлении: Материалы IV международной научно-практической конференции. – Прага: Изд-во «Vedecko vydavatelske centrum «Sociosfera – CZ», – 2014.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-17-2-84-87>

*Tursunov Imomnazar,
the Karshi engineering economics institute (Uzbekistan)
Candidate of Economic Sciences, the Department of Management
E-mail: tursunov-ie64@mail.ru*

*Raxmatullaev Anvar,
the Karshi engineering economics institute (Uzbekistan)
Candidate of Economic Sciences, the Department of Economic
E-mail: ismatullayev1990@mail.ru*

*Berdiyev Abdumalik,
the Karshi engineering economics institute (Uzbekistan)
Candidate of Economic Sciences, the Department of Economics
E-mail: berdiyev-75@mail.ru*

The formation of infrastructural maintenance of innovative entrepreneurship

Abstract: the article deals with the role of innovation infrastructure in establishment of the national innovation system (NIS). The main problems, which hinder the formation and development of clusters, are presented. The world experience in the formation and development of innovation small business is demonstrated. The main components of innovation infrastructure are classified.

Key words: innovation policy, innovation infrastructure, clusters, small innovation enterprises (SIE), business structures.

*Турсунов Имамназар,
Каршинский инженерно-экономический институт,
кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента
E-mail: tursunov-ie64@mail.ru*

*Рахматуллаев Анвар,
Каршинский инженерно-экономический институт,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики
E-mail: ismatullayev1990@mail.ru*

Формирование кластеров как фактор инфраструктурного обеспечения инновационного предпринимательства

Аннотация: В статье рассматривается роль инновационной инфраструктуры в становлении национальной инновационной системы (НИС). Приведены основные проблемы препятствующие формированию и развитию кластеров. Показан мировой опыт по созданию и развитию инновационного малого бизнеса. Классифицированы основные составляющие инновационной инфраструктуры.

Ключевые слова: инновационная политика, инновационная инфраструктура, кластеры, малые инновационные предприятия (МИП), предпринимательские структуры

1. Сегодня формирование предпринимательских структур направлено на повышение их конкурентоспособности на основе межфирменной кооперации, специализации и интеграции, развития партнерских отношений. Оказывая влияние на все стороны общества, инновационная деятельность, в новых экономических условиях, объективно превратилась в системный фактор развития экономических процессов [3, С. 41–50].

В процессе поиска путей дальнейшего развития инновационного предпринимательства в Узбекистане, его финансовой стабильности актуализируется проблема форм и методов интеграции и кооперации малых предприятий. Кроме того, переход экономики страны на новый тип экономического роста делает жизненно необходимыми исследования по формированию и развитию предпринимательства как основного фактора инновационного развития.

В настоящее время широко распространен опыт управления малыми инновационными фирмами. Дело в том, что для малых инновационных проектов характерны простота управления, широкий просмотр личной инициативы, возможность проведения гибкой научно-технической политики, активное привлечение к своей деятельности малых инновационных фирм. Многие из них вносят существенный вклад в инновационный прогресс, разработку новой продукции, прогрессивных технологий.

Широкую известность получило определение американского экономиста М. Портера, утверждающего, что конкурентоспособность на национальном уровне — это постоянное поддержание производительности труда на более высоком, чем у конкурентов, уровне, используя непрерывный процесс изобретения и внедрения инноваций. Кластер, по Портеру, «это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере и характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга» [4, С. 176–177].

Об эффективности малых фирм в инновационном процессе свидетельствуют следующие данные: по данным оценкам Национального научного фонда США, на каждый вложенный в НИОКР доллар фирмы численностью

до 100 человек осуществляли в четыре раза больше нововведений, чем фирмы с занятостью в 100–1000 человек и в 24 раза больше, чем компании, где занятость превышала 1000 человек. Темпы нововведений у них на треть выше, чем у крупных, кроме этого, небольшим фирмам требуется в среднем 2,2 года, чтобы вывести свои нововведения на рынок, тогда как крупным — 3,5 года.

Такой подход, как свидетельствует опыт США, Японии и ряда западноевропейских стран по развитию инновационного малого бизнеса, обеспечит значительный подъем экономики, диверсификацию производства, а самое главное повысит конкурентоспособность страны. Малый бизнес активно выходит не только на национальные, но и международные рынки. В настоящее время доля малых и средних фирм в промышленном экспорте инновационной продукции Германии и Нидерландов составляет примерно 40%, Италии — 20–25%, США и Японии — 15% [11].

Под кластером понимается сеть независимых, как правило, географически взаимосвязанных производственных и сервисных фирм, включая их поставщиков, создателей технологий и ноу-хау, связующих рыночных институтов взаимодействующих друг с другом в рамках единой цепочки создания стоимости и потребителей. Кластерная форма организации различных предприятий на основе сети устойчивых связей между всеми его участниками приводит к созданию особой формы совокупного инновационного продукта, который концентрирует разнообразные научные и технологические изобретения, трансформируя их в инновации, коммерциализация которых обеспечивает достижение конкурентных преимуществ.

Кластерная структура снижает затраты на прикладные исследования и внедрение нововведений за счет оптимизации производственной структуры, а участники кластера получают дополнительные конкурентные преимущества. Это дает возможность более эффективно применять научные открытия и изобретения, новые знания и технологии, позволяет компаниям осуществлять инновационную деятельность в течение продолжительного времени. Устойчи-

вое развитие кластеров степени зависит от доступа фирм предпринимательской сети к передовым источникам научных знаний и современным технологиям Хасанова [5, С. 137–142]. Ключевую роль в инновационной ориентации кластера играют инфраструктурные системы интеллектуального и финансового капитала.

Формирование кластеров в нашей стране определяет необходимость совершенствования инфраструктурного обеспечения инновационного предпринимательства, использования лучших практик организации и функционирования институтов инфраструктуры.

Первый этап формирования кластера — выбор предприятий, которые составят ядро кластера. На наш взгляд к ним должны относиться предприятия соответствующие следующим критериям:

- производящие конкурентноспособную продукцию;
- являющиеся базовыми, от их развития зависит состояние экономики и социальной сферы региона;
- относящиеся к приоритетным видам экономической деятельности и пользующиеся поддержкой государственных органов власти в виде различных программ развития;
- формирующие инфраструктуру экономики, т.е. обеспечивающие взаимодействие между предприятиями различных видов экономической деятельности (транспорт, связь, информационное обеспечение);
- имеющие возможность реинвестирования доходов и получения инвестиций из различных источников;
- испытывающие необходимость в обновлении основных фондов.

Вторым этапом процесса создания кластера является проведение SWOT-анализа выбранных предприятий. Проведенный SWOT-анализ предприятий, объединяемых в кластер, позволит выявить предприятия, которые не следует включать в состав кластера, а также те, которые для включения их в кластер нуждаются в реструктуризации. Поэтому заключительным этапом процесса создания кластера является разработка мероприятий по реструктуризации предприятий — потенциальных участников кластера.

Таким образом, кластерный подход, который первоначально использовался только в исследованиях проблем конкурентоспособности, нами рекомендуется применять при решении более широкого круга задач, в частности, как основы взаимодействия крупного и малого бизнеса, а также как основы стимулирования инновационной деятельности предпринимательских структур [6, С. 277–281].

С нашей точки зрения, современные конкурентные преимущества практически полностью обеспечиваются за счет преимуществ в технологиях производства, управления, организации продвижения товаров, успешное раз-

витие конкурентоспособности экономической системы возможно при комплексном использовании современных концепций инновационного развития.

Инновационная экономика становится тогда, когда нововведения служат основой экономического развития. Экономический интерес предпринимателей состоит в продвижении инноваций, а инновации определяют важнейшие направления развития предпринимательской деятельности. Поэтому решение проблемы инновационной трансформации национальной экономики напрямую связано с использованием предпринимательства как фактора производства, необходимого для организации инновационного производства на основе как государственной, так и частной формы собственности [7; 8, С. 29–31].

Успех государственной инновационной политики во многом зависит от состояния и уровня развития малого бизнеса, который является источником инноваций, а также каналом трансферта знаний и технологий в производство. В настоящее время для ускорения передачи инноваций в производство необходимо использовать все имеющиеся возможности:

- стимулирование промышленных компаний к созданию собственных научных подразделений;
- поощрение кооперации заинтересованных участников при проведении научных исследований;
- создание при научно-исследовательских институтах специальных отделов, занимающихся коммерциализацией инновационных разработок;
- поиск новых форм сотрудничества институтов-работчиков и структуры различных секторов экономики [10, С. 51].

Исследователи в ряде работ выделяют множество важных описательных характеристик кластеров, которые можно суммировать следующим образом [12, С. 176–177].

1. Территориальная локализация предприятий: расположенность вблизи друг от друга. Данное свойство важно в той мере, в какой каждое из предприятий имеет возможность воспользоваться теми ресурсами, которые также локализованы на данной территории и обладают ограниченной мобильностью.

2. Принадлежность предприятий к связанным отраслям или подотраслям (сохранение определенной — довольно высокой — степени разнородности элементов кластера).

3. Наличие тесных связей предприятий друг с другом не только на рынках ресурсов, но и на рынке товаров.

Указанные характеристики не только указывают на важные аспекты функционирования кластеров, но и свидетельствуют о сложности исследования данного объекта, в том числе методами стандартных статических наблюдений.

Список литературы:

1. Каримов И. А. По пути преодоления последствий мирового кризиса, модернизации страны и достижения уровня развитых государств – Т.: Узбекистан, – 2010. – Т. 18, – С. 167.

2. Шепелев В. М. Очерки теории практики развития предпринимательства. – Т.: Фан, – 1998. – С. 96–101.
3. Шлычков В. В., Нестулаева Д. Р. Современные концепции оценки эффективности управления промышленным предприятием//Вестник Казанского государственного энергетического университета. – 2009. – № 2 (2). – С. 41–50.
4. Porter M. The competitive advantage of nations. – 2011, – С. 176–177.
5. Хасанова А. Ш., Квон Г. М., Мухаметзянова Ф. Г. Кластерный подход к инвестиционному развитию региона//Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2015. – № 3 (55). – С. 137–142.
6. Шлычков В. В., Кулиш С. М. Методические рекомендации по организации работ по управлению ресурсным потенциалом промышленного предприятия//Экономические науки. – 2009. – № 54. – С. 277–281.
7. Vedin N. V., Shlychikov V. V., Khasanova A. Sh. Discursive Practices in Cooperative Structures//Indian Journal of Science and Technology. December, – 2015. – Vol 8 (S10). – DOI: 10.17485/ijst/2015/v8iS10/84877.
8. Кулиш С. М. Концепция ресурсного потенциала предприятия как экономико-производственной системы на основе системного и ресурсного подходов//Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 1. – С. 29–31.
9. Bersirova S. H. Methodical approaches to identification and analys of competitive advantage in innovation activity classical university//Sustainable economic development of regions ed. by L. Shlossman. – Vienna, – 2014. – С. 16–38.
10. Александров А. Ю., Морозова Н. В. Агрокластер как новая конкурентоспособная форма организации производства и основа опережающего развития сельской территории//Научное обозрение. – 2016. – № 1. – С. 51.
11. URL: <http://sputniknews-uz.com/society/20160204/1700793.html>
12. Маршалл, – 1993; Портер, – 2001; Разработка предложений..., – 2009, – С. 176–177; Solvell, Lindquist, Ketels, – 2003.

Contents

Section 1. Archaeology	3
<i>Jafarova Elmira</i>	
Typology of medieval monuments of shirvan (the IX–XIII th centuries)	3
Section 2. Study of art	7
<i>Volodeva Natalya Aleksandrovna</i>	
Fashion design in modern Kazakhstan: synthesis of traditions and modernity	7
Section 3. History and archaeology	11
<i>Kovalev Dmitriy Vladimirovich</i>	
The Dynamics of Commercialization of Russia's Agriculture in the Conditions of the NEP	11
<i>Mukhabbat Khamidova</i>	
Studying of Uzbekistan's architectural monuments at the end of XIX — early XX centuries (on the basis of local archive sources)	14
Section 4. Cultural studies	17
<i>Genova Nina Mikhaelovna</i>	
Problem of broadcast of spiritual heritage of Russia and national traditions of the people of the former USSR in Siberia as factor of achievement of interethnic concord and counteractions to extremism (on the example of the Omsk region)	17
<i>Khaladdin Sofiyev</i>	
About application of some philosophical concepts in culture study	20
Section 5. Linguistics	24
<i>Gatiba Chingiz Mahmudova</i>	
A comparative analysis of the ways of word-formation in modern Azerbaijani and turkish languages	24
<i>Ibadova Lala</i>	
Linguaculturological and Linguaphilosophical Integration of Arabism's into the System of Spanish Language	26
<i>Nikiforova Olena</i>	
Military-Political Translation in the Context of the Theory of Military Translation	28
<i>Rahimov Mehdi Nizami</i>	
The "Foreigner" image in Americanism — phraseologisms	32
<i>Hajiyeva Galiba</i>	
Traces of ancient sumerian language in dialect lexis of Azerbaijan	34
<i>Cherednikova Ekaterina Arkadievna</i>	
Reflection of Gastronomic Discourse Values in the English Paroemiological Corpus	37
<i>Sharipova Aziza Abdumanapovna</i>	
Transformation as a basic concept in translation (analytical aspects)	39
<i>Shevchenko Liudmyla</i>	
Linguistic and cultural peculiarities of idioms as cognitive and pragmatic units	42
Section 6. Pedagogy	45
<i>Blahun Nataliia Mykhailivna</i>	
Evaluation Technologies: the Effectiveness of Social and Functional Management in Education Institutions	45
<i>Lezha Edit</i>	
The role of educational leadership in school principal's job strains management	47
<i>Khasanova Zhamilya Sadikhovna, Kenesh Abdilda Sagadibekuli</i>	
The system of social modernization in conditions of engineering education	49

<i>Cherniavskiy Vasil</i>	
Fundamental training in the physics of specialists in the marine industry in accordance with international requirements	52
Section 7. Sociology.....	56
<i>Peshcherov Georgy Ivanovich</i>	
The problem of regulation of the social climate in modern society	56
<i>Hoang Thanh Ha, Pham Manh Ha</i>	
Some characteristics of the way of life of workers in industrial zones of Vietnam	59
Section 8. Philology.....	65
<i>Sevinj Aliyeva</i>	
About some compound verbs which have taken place in the epos of “Kitabi-Dede Korkut” and in due course have undergone to limited usage	65
Section 8. Philosophy	68
<i>Alimatova Nargis, Kasimov Zafar</i>	
Hermeneutics in the works of Central Asian philosophers.....	68
<i>Atavullaev Mirkomil Axmadovich</i>	
Socionormative features and philosophical significance of legal values.....	70
<i>Baranov Gennadiy Vladimirovitch</i>	
Specifics of philosophical paradigms of materialism and idealism	72
<i>Baranov Gennadiy Vladimirovitch</i>	
Specifics of functions of the communication system with the public.....	74
<i>Mamatyusupov Bunyodbek Ulubekovich</i>	
Moral values and its place in spiritual perfection of person.....	76
Section 10. Economics and management.....	78
<i>Deputatova Elena Yuryevna, Ilyashenko Svetlana Borisovna</i>	
New trends in consumer behavior: economic and social aspects	78
<i>Sautieva Tamara Batrbekovna</i>	
The relevance of foreign economic relations as a factor of economic transformations under the conditions of market reforms	81
<i>Tursunov Imomnazar, Raxmatullaev Anvar, Berdiyev Abdumalik</i>	
The formation of infrastructural maintenance of innovative entrepreneurship.....	84

